

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · 1997
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

3
1997
МАЙ •
ИЮНЬ •

ДИСКУССИИ

Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран..... 3

СТАТЬИ

Новопашин Ю.С. (Москва). Академическое обществознание под перекрестным огнем..... 28
Лабынцев Ю.А. (Москва). Литературное наследие В.В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой 39
Стыкалин А.С. (Москва). Политика СССР по формированию общественного мнения в странах Центральной Европы и настроения интеллигенции (вторая половина 1940-х годов)..... 50
Городнянский А.В. (Москва). Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта..... 63
Энгельгардт Г.Н. (Москва). Республика Сербская по Дейтонским соглашениям..... 76
Никольский С.В. (Москва). Притчи о новых Адамах. Из истории антиутопий XX века (Братья Чапеки, А. Толстой, М. Булгаков) 85
Смоленчук А.Ф. (Гродно). Историческое сознание и идеология поляков Белоруссии и Литвы в начале XX века 100

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Серационова Е.П. Documenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa.... 106
Шкундин Г.Д. Версаль и новая Восточная Европа..... 108
Лабынцев Ю., Шавинская Л. Журнал "Orthodoxia" в Польской Республике..... 109

<i>Носов Б.В.</i> Страны Центральной и Восточной Европы и развитие европейской региональной кооперации.....	112
<i>Досталь М.Ю.</i> Первые Дьяковские чтения.....	119
<i>Романенко С.А.</i> К 75-летию В.И. Фрейдзона.....	120
<i>Фрейдзон В.И., Романенко С.А.</i> К 70-летию Т.М. Исламова.....	122

* * *

Александр Яковлевич Манусевич (1913–1997).....	124
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Васильев М.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А., Масленникова Е.Н., Стемковская Ю.Е.*

© 1997 г.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН¹

Новопашин Ю.С. Обращение к вынесенным в название "круглого стола" проблемам – дело для российских обществоведов сравнительно новое, поскольку в самих центральноевропейских странах научная общественность стала акцентировать на них внимание лишь после революционно-демократических изменений 1989–1991 гг. Понятно, что в какой-то мере это продиктовано чувством, скажем так, известной исторической неполноценности, присущим в явной или неявной форме жителям данного региона, сравнивающим положение в нем не с Россией или каким-нибудь другим государством восточнее собственных границ, а с благополучной западной частью континента. В интервью от 1 августа 1994 г. польский министр иностранных дел А. Олеховский выразил упомянутое чувство в следующих словах: "Никто не говорит, что это приятный регион. Я тоже предпочел бы родиться в Швейцарии. Это регион с очень малыми традициями сотрудничества и дружбы или симпатии друг к другу. Здесь дела вершились путем завоеваний, сражений. Но что поделаешь? Можно только терпеливо строить программы регионального сотрудничества и находить проекты, которые наводят мосты. Только таким путем можно изменить положение" [1].

Разработка проблем региональной идентичности, разумеется, лежит в русле такого рода благих намерений. Однако дело не только в этом. Сказывается также стремление преодолеть наследие "реального социализма", на протяжении 45-летнего послевоенного строительства которого умалывалась самобытность отдельных народов под флагом приобретения некоей более высокой и общей для всех классово-интернационалистской самобытности и возникновения в связи с этим в пределах социалистического содружества новой исторической общности людей, якобы уже функционирующей наряду с общностью "советский народ" [2].

Не секрет, что авторы подобных утверждений имели, как правило, советскую прописку и оперировали ссылками на объективный процесс интернационализации,

---

¹ "Круглый стол" на эту тему состоялся 19 ноября 1996 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН. Он был подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04488). Участники – сотрудники отдела современной истории и социально-политических проблем ИСБ РАН проф. Ю. С. Новопашин, д-ра ист. наук Э.Г. Задорожнюк, Б.И. Желицкий, Н.В. Коровицына, канд. ист. наук Ю.Ф. Зудинов, А.Б. Едемский, О.Н. Майорова, В.В. Мирошников.

который будто бы уже привел к такому положению, когда экономическая и политическая жизнь в странах социалистического содружества "лишается какого-либо заметного национального своеобразия" [3]. А если еще учесть, что за всеми этими наукообразными словопрениями прошлых десятилетий просматривалось стремление "старшего брата" к отождествлению с интернационалистской именно своей позиции и утверждению за собой роли "высшей инстанции" в европейской сфере советского влияния, то наверняка становится более понятным нынешнее обращение к проблемам самобытности каждого народа центральноевропейского региона и объединяющих их черт, которые в то же время типологически отличают эти народы в качестве регионального сообщества от всех других, прежде всего соседей на западе континента и на его востоке.

Разумеется, революционно-демократические изменения 1989–1991 гг. отнюдь не отменили объективного процесса интернационализации экономической и всей общественной жизни. Но они активизировали усилия по разработке проблемы национальной самобытности или идентичности на теоретико-методологическом и практико-политическом, государственном уровнях. "Повторное открытие национальных индивидуальностей, языка и культуры, – справедливо замечает по этому поводу проф. Кентерберийского университета Р. Саква, – было важным элементом демократического государственного строительства как в России, так и в других республиках. Акцент же большинства посткоммунистических конституций на плюрализме и равном гражданстве означал, что титульные нации могут развивать собственную культуру и социум в той степени, в которой это не ущемляло бы права других народов. Сама структура многонационального общества в условиях демократии способствует усилению тенденций этнокультурного плюрализма. Поэтому национализм в антикоммунистической революции носил двойственный характер: с одной стороны, интеграционный и поддерживающий строительство демократического государства; с другой – разделительный. Во втором случае этнический, эксклюзивный национализм использовался старыми элитами или оппозиционными патриотическими силами ради обретения власти и сохранения национальной индивидуальности, которой якобы угрожает опасность" [4. Р. 103].

Смысл приведенного суждения таков, что "повторное открытие национальных индивидуальностей, языка и культуры", т.е. обращение народов посткоммунистических стран к проблеме своей идентичности, с неизбежностью трансформируется в какую-нибудь разновидность национализма. Это, по словам Р. Саквы, или мягкий, "инклюзивный" (вовлекающий) национализм, готовый принять в новых суверенных государствах такие конституции, которые гарантируют всем национальностям одинаковые права; или этнический, "эксклюзивный" (обособляющий), с упором на узы крови и этнической гомогенности (скажем, в духе лозунга "Эстония – для эстонцев"); или, например, "номенклатурный национализм" С. Милошевича, который, апеллируя к национальной гордости сербов и стимулируя в них чувство обиды, переименовал компартию, но сохранил ее монополию на власть [4. Р. 100–101].

Можно в чем-то не соглашаться с британским профессором, но в одном он бесспорно прав: разработка проблем национальной и региональной идентичности тесно связана с проблемой национализма, хотя это, конечно, не одно и то же. Здесь встает также много других вопросов о соотношении тех или иных явлений и понятий, обозначающих эти явления. Какие-то из актуальных вопросов заявленной темы будут ниже рассмотрены, другие – только обозначены, о третьих участники настоящего "круглого стола", быть может, еще и не подозревают.

Задорожник Э.Г. Действительно, обращение к теме региональной идентичности центральноевропейских стран – дело сравнительно новое. Но все же для сотрудников нашего отдела отсчет времени, так сказать, надо вести отнюдь не с данной встречи. Еще в 1993 г. в опубликованной журналом "Вестник Российской Академии наук" статье я писала о происходившем на наших глазах делении Европы на три региона, в каждом из которых "идет интенсивный поиск региональной идентичности (осознание

себя как региона)". В западноевропейском регионе – наиболее благополучном экономически и стабильном политически по сравнению с другими регионами – воплощается идея Соединенных Штатов Европы, выдвинутая еще в начале XX в. Совсем другие процессы разыгрываются на востоке континента, где разрываются десятилетиями налаживавшиеся и устоявшиеся связи. Не буду пересказывать содержание того материала, отмечу только, что именно в нем давалось определение центральноевропейского региона как пояса государств от Балтики до Адриатики [5].

Майорова О.Н. Уместно в этой связи напомнить также о ряде выступлений сотрудников отдела современной истории ИСБ РАН по этой проблеме на международных и всесоюзных научных конференциях и "круглых столах". Сегодняшняя наша встреча – подтверждение значимости темы региональной идентичности, и она, несомненно, внесет свой вклад в чем-то опережающий анализ процесса идентификации региона. Но встает вопрос о содержании исходных понятий. Иными словами, что такое "Центральная Европа"? Можно ли дать четкое определение региональной идентичности?

Задорожнюк Э.Г. На мой взгляд, термин "Центральная Европа" сегодня переходит от статуса историко-географической метафоры к статусу понятия, охватывающего пояс государств от Балтики до Адриатики и указывающего на *подобие* их исторических судеб и общности перспективы. Центральноевропейский регион не только наличествует, но и четче оформляется как некая геополитическая единица рядом с регионом "Европейское сообщество" и регионом "страны СНГ" (бывший СССР). И в качестве такового ему присущи черты региональной идентичности, если последнюю трактовать как *осознание принадлежности к определенному единству, как тождественность основных целей, которые преследуют составляющие это единство народы и государства.*

Одна из историко-политических и одновременно политико-психологических характеристик этого единства – преодоление (точнее – изживание) имперского давления извне, характеризовавшего историю стран региона в течение столетий. Карта центральноевропейского региона еще в XIX – начале XX в. была закрашена в цвета империй: Турецкой, Австро-Венгерской, Германской, Российской. Шедший с юга процесс образования государств (Болгария, Румыния, Сербия), переустройство в регионе после 1918 и 1945 гг., казалось, устранили влияние старых империй. Но над регионом распространилось влияние новой империи – СССР. Лишь с 1989 г. начинается история региона без этого "коэффициента имперскости". Следует еще учесть внутренние квазиимперские побуждения предшествующего периода, в частности межвоенного. Польша, начиная с первых лет своей современной истории, с трудом избавлялась от комплекса идеи страны "от моря до моря"; Румыния с ее претензиями на Трансильванию позволила втянуть себя в нелегкие испытания вместе с агрессивной Германией и т.д. "Коэффициент имперскости", таким образом, своеобразно характеризовал политические импульсы, идущие изнутри, а не только давление извне.

Сказать, что он навсегда исчез после 1989 г., трудно. Скорее можно говорить о длительной, но достаточно определенной задаче его изживания. И укрепление региональной идентичности – залог успешного выполнения такой задачи.

Мирошников В.В. Следует как-то охарактеризовать в этой связи стремление к ускоренному слиянию центральноевропейских стран с Европой, которая как бы начинается лишь за Одером – Нейсе. (В некотором смысле ее можно попытаться трактовать в качестве варианта Священной Римской империи – но пока лишь попытаться.)

Задорожнюк Э.Г. Это стремление свойственно в первую очередь политикам, игнорирующим некоторые экономические и культурные реалии в центральноевропейском регионе во имя приобщения к "сильной и богатой Европе". А эти реалии таковы, что экономические структуры региона нуждаются в модернизации, а культура – в от-

торжении самых различных вариантов "вестернизации", унификации. Нарочитое отстранение от нестабильного и считающегося – вопреки очевидности – "неевропейским" региона СНГ и столь же нарочитое выражение готовности влиться во все западноевропейские структуры, хотя бы и на правах "младших братьев", окрашивает инициативы такого рода политиков в весьма сомнительные, подобострастные тона. Более перспективными представляются импульсы к *самоорганизации* в рамках региона с его богатым экономическим и культурным потенциалами. Импульсы, идущие изнутри, а не задаваемые извне (и манифестируемые время от времени фигурами демократов-космополитов типа Тыминьского, зарабатывающих деньги на Западе, а политическую активность проявляющих на Востоке).

Избавиться от наследия прошлого, в том числе от комплекса сателлитизма, оставившего следы и в характере идентичности, можно лишь за счет внедрения новой модели взаимного сотрудничества. В ее рамках дву- и многосторонние связи между государствами предполагали бы решение экономических и политических проблем на основах демократизма, уважения к национальным культурам, но с перспективой укрепления именно региональных отношений. Цели современной политики задаются крепнущими регионами. Европейское сообщество (союз), арабский мир, "четыре азиатских дракона" выступают как некие наднациональные структуры, осознают именно в этом качестве свой вес и как таковые ищут пути своего укрепления. Не случайна поэтому интенсификация попыток США укрепить региональные связи не только с развитой Канадой, но и с развивающейся Мексикой. Этот сложный и дорогой для настоящего времени проект – успешный шаг в политическое завтра. Приведенные примеры – лишнее подтверждение того, что и для Центральной Европы проход в XXI в. надо искать на путях укрепления региональной идентичности.

Новопашин Ю.С. Говоря о новой модели сотрудничества, Э.Г. Задорожнюк затронула вопрос о том, есть ли у национального государства будущее или, учитывая усиливающийся процесс интернационализации экономической и всей общественной жизни, такого будущего не просматривается. Первую позицию можно проиллюстрировать мнениями бывшего канцлера ФРГ Г. Шмидта, его соотечественника политолога Г. Зимона, а также французского историка Г. Робена. «Если каждый человек, – подчеркнул Г. Шмидт в интервью газете "Берлинер моргенпост", – нуждается в своем маленьком мире, в семье, в близких, то все мы нуждаемся в большом – в национальном государстве. Национальное государство поэтому нельзя заменить Европейским союзом, оно не станет ненужным, хотя и передало уже в ЕС определенную часть своей самостоятельности. И я считаю бредовыми заявления политиков о возникновении в будущем "европейской нации"» [6]. Скептически отзывается по поводу заявлений о движении Западной Европы к "единой нации", "новой региональной модели демократии" (термин французского социолога М. Турена из его книги "Потрясение мира" (см.: [7]) и Г. Зимон, заметивший в одной из статей, что "новый виток наднациональной интеграции имеет своей предпосылкой консолидированные национальные государства" и что в восточноевропейском регионе "непосредственный переход бывших мультинациональных образований в постнациональные интегрированные структуры в принципе невозможен" [8]. Так же полагает в книге "Мир без хозяина" Г. Робен [9], который именует текущее десятилетие "миром наций", озабоченных защитой собственных интересов и решением собственных проблем. Призывая считаться с национальным эгоизмом, он пишет: "Сегодня на смену классическим войнам между государствами приходят внутренние конфликты и гражданские войны. Чтобы смягчить или урегулировать новые проблемы, следует усилить власть государств и наделить их дополнительными полномочиями и средствами для разрешения этих проблем. Что же касается различных международных организаций, то они должны лишь дополнять государства. Таким образом, – заключает автор, – проблемы будущего станут решаться на уровне государств, а не на региональном уровне, на котором можно решать только экономические вопросы" (цит. по: [10]).

Однако, в силу специфики данного "круглого стола", нас больше интересует вторая из указанных позиций. Один из ее сторонников японский автор Кенити Омае в статье под симптоматичным названием "Возвышение регионального государства" пишет, что «государство-нация стало неестественной и даже нефункционирующей единицей для организации деятельности человека и управления экономическими усилиями в мире без границ. На глобальной экономической карте появляются так называемые "региональные государства". Эти государства представляют собой естественные экономические зоны. Их границы определяются не политическими приказами, эти границы чертит искусная, но невидимая рука глобального рынка товаров и услуг» [11].

Профессор парижского Института политических исследований Ф. Моро Дефарж формулирует эту позицию несколько осторожнее. "К концу века, – заявляет он, – перед каждым государством встала проблема сочетания необходимости модернизации технико-экономической системы и сохранения традиционных ценностей, т.е. национальной идентичности [12. Р. 99]. Но и он склоняется в конечном счете к тому, что «эпоха "суверенных существностей" – будь то индивиды или государства – агонизирует. Однако конец "абсолютного государства" (т.е. национального). – Ю.Н.) означает не наступление мира, а изменение форм насилия и столкновений. В этих условиях выживание человечества будет зависеть от новой политики и пересмотра ключевых концепций, прежде всего концепций государства» [12. Р. 240].

Преобладающее направление этого пересмотра – предложения о формировании "мирового правительства", концепция становления "региональных государств" и тому подобные проекты наднациональных структур. И прямо скажем: отношение к ним в странах центрально-европейского региона весьма и весьма сдержанное. Подтверждением тому стала, например, встреча глав правительств Венгрии, Польши, Словакии, Словении и Чехии – участниц Центрально-европейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА), состоявшаяся 13–14 сентября 1996 г. в курортном городке Ясна в Низких Татрах. На этой встрече ставился вопрос о создании координационного центра ЦЕФТА, своего рода штаба, но проект поддержан не был. Сохранившийся страх политико-хозяйственной бюрократии, хорошо помнящей практику СЭВ, помешал дать адекватный ответ на объективные требования углубления регионального сотрудничества. Договорились только о том, что, как и прежде, раз в году меняется председательствующий премьер, а координационную роль будут выполнять торговые представители, работающие при посольствах стран – членов ЦЕФТА. Следовательно, недалеко еще ушли соответствующие государства по пути осознания центрально-европейской идентичности и претворения этого осознания в конкретные дела, интеграционное экономическое взаимодействие прежде всего.

Зудин Ю.Ф. Казалось бы, для региональной идентичности достаточно "географических" доказательств. Очевидно, например, что Уругвай – не Чукотка, Норвегия – не Центральная Африка и т.д. Однако предписанный историко-географический статус не только "выделяет" каждому государству место в определенной части Земного шара, но и накладывает на него соответствующие обязательства, диктует важнейшие направления его внешней и внутренней политики. Последнее особо очевидно в период глубоких геополитических перемен, когда перед тем или иным государством встает проблема своего самоопределения и функционирования во внешнем (региональном) плане. Особую актуальность проблема региональной идентичности приобрела с распадом социалистического содружества, когда исчезли его основные "несущие конструкции" – СЭВ, ОВД, гарантии в виде советских ракет – ядерного щита, экономического патернализма, политического прикрития и т.д. В этих условиях государствам региона пришлось искать иные пути для обеспечения национальной безопасности, экономического развития, обретения, в конечном счете, своего места в новой геополитической конфигурации.

Общий вектор, как будто, вполне ясен – включение в евроатлантические структуры. Однако путь туда отнюдь не прямолинеен и скоротечен. Необходимо набрать соответствующие экономические, политические и иные "проходные баллы", а

возможности для этого не у всех равны. Подступы к общеевропейской интеграции пытались найти на узкорегionalном или ограниченном межгосударственном уровне ("вишеградская" и "пентагональная" группы), через поддержку влиятельных международных институтов и политических лидеров и т.п. Все это, помимо прочего, подтвердило слабую степень идентичности Центральной Европы, когда распался стягивающий "социалистический обруч". Здесь сказались многие факторы – бывшая принадлежность к различным территориально-государственным образованиям, тяга к разным культурно-духовным ценностям (католицизм, православие, русофобия или русофильство и др.), стереотипы исторической памяти и национальной психологии.

Едемский А.Б. И все же, на мой взгляд, следует попытаться выделить ряд факторов формирования новой идентичности центральноевропейского региона. Можно ли считать одним из них некую общую массовую основу событий рубежа 80-х и 90-х годов в рассматриваемом регионе?

Коровицына Н.В. Безусловно. И основа эта, как представляется, имеет не только социальную, но и культурную природу, т.е. сосредоточивается преимущественно в сфере общественного сознания. Принятие этих событий населением – главным образом пассивное – выразилось в категориях не конкретных групповых, тем более позитивных, интересов, а абстрактных моральных ценностей, проявляющихся больше на эмоциональном уровне и негативно окрашенных. Не глубокие прорыночные убеждения, а общечеловеческое доверие к всенародно избранным правительствам на фоне ощущения унаследованной от предшествующего режима катастрофичности экономической ситуации обусловили массовую готовность к принятию радикальных перемен.

"Возвращение в Европу" рассматривалось всеми как единственная парадигма последующего развития – такого же быстрого и прямолинейного, как разрыв с предшествующей общественной системой. Массовое превращение в стопроцентных западников проявилось в превознесении либеральных идей, завершившемся сменой власти в 1991 г. Но чтобы понять происходящее – формирование новой идентичности – надо вернуться к прошлому. Общй жизненный опыт населения бывших социалистических стран приобретался на основе их непосредственного участия в почти полувековом коммунистическом эксперименте. Его характеризовал мобилизационный тип общественного развития, когда монополия власти принадлежит политическому центру, контролирующему все стороны поведения и сознания людей и манипулирующему ими в своих интересах. Осуществлявшийся в этих условиях переход ряда стран региона от аграрной к индустриальной цивилизации наполнил экономическим и социокультурным содержанием доминирующие в обществах такого типа политические процессы. Искусственно консервировался "массовый" человек, лишенный национально-культурного своеобразия, политизированный, т.е. управляемый, объект или реципиент политической практики. Продолжительностью этого процесса в значительной мере и обусловлена присущая всем странам региона общность путей вхождения в постсоциалистический мир.

Переход к новой модели общественного развития реализовала волна "бархатных" и не очень "бархатных" революций, прокатившихся по центральноевропейским странам осенью 1989 г. Эти революции, как и последовавший за ними процесс рыночного реформирования, осуществлялись "сверху", не нарушая сложившихся в предшествующие десятилетия принципов централизованного управления. Более того, они даже считаются одной из наиболее успешных централизованно спланированных и реализованных акций. Следовательно, события уже более чем семилетней давности во многом объясняют феномен идентичности региона при подходе к третьему тысячелетию.

Желицки Б.Й. Конечно, события последних лет во многом объясняют "живучесть" региональной идентичности. Но на примере Венгрии мне хотелось бы показать более глубинные ее корни. Так, наряду с активным включением венгерского народа в общеевропейский культурный процесс 1100 лет назад развивалось и сознание его

определенной региональной идентичности. Вследствие этого в менталитете венгерского народа безусловно присутствует и более узкая, центральноевропейская идентичность. Ее зарождению, кроме чисто географической мотивации, способствовало то, что страна была подвержена воздействию как Запада, так и Востока. Соперничество европейских и восточных принципов, действовавших на Венгрию, стало в итоге источником силы для народа и страны.

Это способствовало осознанию венграми себя в качестве посредников между различными культурами, но в то же время вызывало немало бед и страданий. Венграм нередко приходилось отстаивать свою свободу, бороться против захватнических устремлений как с одного, так и с другого направлений, и они всегда гордились тем, что сумели защитить западные (христианские) ценности. Здесь достаточно напомнить слова великого поэта Шандора Петефи: "Если бы ты, венгерская нация, не принесла огромных жертв, турецкий полумесяц и до сих пор освещал бы своим призрачным светом развалины европейской культуры". И в самом деле, Венгрия в Центральной Европе была настоящим бастионом или, если хотите, буфером между Востоком и Западом, что, безусловно содействовало осознанию венграми себя в качестве центральноевропейцев.

Теперь о нахождении Венгрии под властью Габсбургов. Империя не противодействовала процессу роста национального самосознания всех народов, проживавших в ней: немцев, чехов, венгров, словаков, словенцев, хорватов и др. При этом национальная идентификация в первой половине XIX в. не противоречила, а дополняла региональную. Необходимо отметить, что нежелание германизироваться и утратить самобытность привело венгров к отстаиванию прав родного языка и национальной культуры. В этом отношении венгры выступили предвестниками национального возрождения других народов Габсбургской империи. Самоидентификация венгров уже тогда, а тем более в годы революции 1848–1849 гг. состояла из следующего ряда: национальное самосознание – центральноевропейское сознание и менталитет – осознание себя европейцем.

После подавления революции, осуществленной Габсбургами с помощью Николая I, венгры, не желая потерять национальную идентичность, упорно настаивали на своем историческом праве на государственную самостоятельность. В итоге им удалось отстоять это право и заключить соглашение 1867 г., в результате которого возникло двуединое Австро-Венгерское государство. Это и сохранило немецкое культурное влияние, и дало возможность развиваться венгерской национальной культуре, науке и искусству. То есть в рамках монархии как у венгров, так и у проживавших в ней других народов сохранялось и углублялось осознание себя центральноевропейцами, совершенствовался соответствующий менталитет. Насколько глубокие корни пустило это чувство в общественном сознании, мы можем судить хотя бы по его проявлениям в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, Словении и Хорватии во время их перехода от тоталитаризма к демократии в конце 80-х – начале 90-х годов XX в.

Зудинов Ю.Ф. Вы говорили о совпадении или однопорядковости национальной и центральноевропейской (общеевропейской) идентификации венгров. Нет ли в этом противоречия?

Желицки Б.И. Явных противоречий тут нет: в судьбе венгров и других малых народов Средней Европы (под этим понятием, как и под понятием "Центральная Европа", подразумевают Австрию, Венгрию, Польшу, Словению, Чехию, Словакию, Хорватию и трансильванскую часть Румынии; Германия в историческом плане считается скорее западноевропейским государством), начиная с XIX в., всегда играли весьма важную, если не решающую, роль великие державы. Когда в центре Европы возникло сильное Германское государство, это заставило Габсбургов заключить в 1867 г. соглашение с венграми и образовать Австро-Венгрию. В то время, в отличие от венгров, чехи, словаки, румыны и южные славяне не добились удовлетворения своих национальных требований.

В 1918–1920 гг. великие державы Запада, исходя из своих интересов, поменяли

ситуацию на 180 градусов: в целях ослабления Германии, Австрии и Венгрии они решили создать систему малых национальных государств, пренебрегая этническими границами (в новых государствах на положении бесправных национальных меньшинств оказались в основном венгры и немцы). Разрушив Австро-Венгрию как крупное центральноевропейское государство, посеяв зерна новых национальных противоречий, Запад тем самым нарушил бывшее европейское равновесие. В центре Европы образовалась "дыра" или "пустота", малые страны региона не имели сил остановить Гитлера. Разъединение народов по отдельным "национальным" квартирам обернулось трагедией для многих стран. Удивительно, но факт, что даже в таких условиях центральноевропейский менталитет оставался жить, ибо его основой была географическая, историческая и культурно-религиозная общность народов.

В 1945 г., с возникновением в центре Европы новой ситуации, венгры и их соседи оказались в советской зоне оккупации. Всем им была навязана чуждая система сталинской диктатуры. Как упоминалось во вступительном слове Ю.С. Новопашина, в странах региона в рамках ОВД и СЭВ формировалась ментальность советского типа (в этих странах ее нередко именовали "восточной"), призванная объединить народы в единый просоветский конгломерат под эгидой СССР. От правителей стран советского блока часто требовались публичные подтверждения соответствующей самоидентификации, базирующейся на идеологии пролетарского интернационализма, беспредельной преданности "старшему брату". О какой-либо центральноевропейской идентификации не могло быть и речи, равно как и о проблеме национальных меньшинств. Неудивительно, что на посттоталитарном этапе развития национальная интеллигенция радостно встретила перемены и тут же задала себе вопрос: "Кто мы такие и где наше место?". Известно, что буквально каждый народ Центральной Европы тут же провозгласил лозунг: "назад в Европу", не без основания считая, что "сталинско-азиатская разновидность социализма" далеко увела от нее. Страны и народы Центральной Европы встали перед необходимостью новой идентификации и охотно подтвердили свой центральноевропейский менталитет. Они решили искать выход из сложившейся ситуации сообща: для начала создали Вишеградскую тройку (Венгрия, Польша, Чехословакия), которая после мирного "развода" Чехии и Словакии превратилась в четверку). Сначала казалось, что географическая близость, общность исторических судеб, центральноевропейская ментальность будут служить делу регионального сближения и объединения, но этот процесс оказался внутренне противоречивым и более сложным, не лишенным воздействия со стороны как западных стран, так и России. Выяснилось, что между соответствующими странами нет единства, имеет место и соперничество за приоритетное право первой присоединиться к западному сообществу государств и НАТО. Между тем исторический опыт подсказывает этим странам и народам, что сегодня гораздо важнее и актуальнее найти себя, договориться между собой, искать пути и методы взаимовыгодного сотрудничества без вмешательства великих держав, усвоив необходимые уроки из прошлого.

Мирошников В.В. В ретроспективе очевидны и не требуют особых обоснований некоторые контурные признаки центральноевропейского региона. Это, к примеру, промежуточность и в какой-то мере своеобразная придавленность крупными имперскими образованиями: Российская империя – СССР, Австро-Венгерская империя, Германия, до исторически недавнего времени Османская империя. Сюда же следует отнести продолжительное колониально-имперское раздирание этими "сторонами" данного региона. Наконец – этническая славянскость большей части региона, что, впрочем, не стало предпосылкой к какой-либо серьезной консолидации на этой основе. Наоборот, пожалуй, в мире нет другого региона, где этнически родственные народы столь же ожесточенно враждовали бы друг с другом, питали друг к другу генетически закодированную, зачастую иррациональную ненависть. В связи с отмеченным особый интерес представляет, так сказать, историософское рассмотрение возможности консолидации народов центральноевропейского региона, их системного преобразования

в общность, развивающуюся преимущественно в соответствии со своими внутренними стимулами-импульсами. Целесообразно подойти к этой проблематике, используя ряд теоретических положений и дефиниций, выдвинутых в свое время О. Шпенглером и А. Тойнби.

Идеи О. Шпенглера и А. Тойнби заняли достойное место среди мировых методологических систем. Разработки этих мыслителей не только не утратили своей актуальности, но, пожалуй, незаменимы при постановке исследовательских проблем, связанных с крупномасштабной этноэватической динамикой на пространственно-временном фоне. Культура в понимании О. Шпенглера является организмом, обладающим жестким сквозным единством и обособленным от других подобных ему организмов. Он насчитывал их всего восемь, среди которых, не считая отживших свой век, фигурируют культуры: индийская, китайская, а также западноевропейская. Кроме того О. Шпенглер ожидал появления русско-сибирской культуры. По мнению А. Тойнби, сохранилось пять основных цивилизаций: китайская, индийская, исламская, русская и западная.

Коровицына Н.В. Как Вы полагаете, случайно ли отсутствие и у О. Шпенглера, и у А. Тойнби Центральной Европы как отдельной "единицы"? Ведь не могли же эти два мыслителя "не заметить" данный регион? И есть ли основания для его выделения в качестве такового в настоящее время?

Мирошников В.В. По всей видимости, нет. Скорее всего, никаких других ассоциаций, кроме промежуточности, этот регион у них не вызывал. В XIX – начале XX в. распространенными, в том числе и среди весьма образованных людей, были суждения о ненужности и искусственности не только государственных образований в этом регионе (невольно всплывает в памяти фрагмент из стихотворения В. Маяковского о советском паспорте: "Откуда, мол, и что это за географические новости"), но и об обреченности на исчезновение этнолингвистической самобытности соответствующих народов (не только Энгельс, к примеру, был уверен, видимо, в неизбежности онемечивания чехов).

Возникнув после первой мировой войны вследствие распада трех имперских образований, государства региона не заняли прочного места на политической карте Европы. Бывшие "поработители" относились к ним как к явлению временного характера, что и было материализовано накануне и в ходе второй мировой войны. Но только ли на внешнее давление надо кивать как на причину непрочности, по крайней мере, неспаянности центральноевропейского региона и в настоящее время? Конечно, не только. Региональная неспаянность, непрочность не требуют особых доказательств. Кровавая драма на Балканах, острые противоречия, пожалуй даже антагонизмы, в более благополучном пространстве, занимаемом Польшей, Чехией, Словакией, Венгрией, Румынией, подпитываются в значительной мере вопросом границ, перекраивавшихся неоднократно в XX в., в том числе и по окончании второй мировой войны, уже при жизни нынешних поколений, что не могло не оставить глубокого травмирующего следа в сознании людей, которые родились после передела 40-х годов. Перекройка границ часто сопровождалась жестоким насилием, депортациями и массовыми переселениями, лишением народов территорий, органически связанных с их исторической памятью, культурным наследием и т.п., что, конечно, не могло не выразиться в своего рода генетически закодированном чувстве обиды.

Майорова О.Н. Но ведь известно, что у народов Западной Европы также имеется серьезный список взаимных претензий, однако мощные интеграционные движения не позволили возобладать им над общественным сознанием.

Мирошников В.В. Более того, паневропейское движение 20–30-х годов, будучи довольно слабым, обогатилось и укрепилось идеями антифашистского Сопротивления и превратилось в широкое демократическое движение, взяв за исходную позицию определение Я. Буркхардта – "единство в многообразии". Ведущим политикам и общественному мнению Западной Европы стали близки идеи широко понимаемого федерализма, направленного на формирование плюралистического и одновременно

солидаристского общества, в котором целенаправленно устраняются грозящие вылиться в насилие конфликты, культивируется лояльность как ко всему "европейскому концерту наций", так и к небольшим локально-этническим группам. Лозунг Ш. де Голля "Европа от Атлантики до Урала" был политически броским, но в конкретном плане весьма романтичным, ибо реально мыслилась лишь Западная Европа, в которой с конца 50-х годов начались, набирая со временем силу и охватывая сейчас все стороны жизни, разнообразные интеграционные процессы: борьба с преступностью, медицина (в том числе замена человеческих органов) и т.д. Интересно, что социально-экономические интеграционные сдвиги отмечены сильным эгалитаристским акцентом и в региональном аспекте ("подтягивание" менее развитых в экономическом отношении стран, например Португалии). Это прослеживается в принимаемых государственными органами ограничительных мерах в отношении прибыли и экономической деятельности крупных фирм, сильной социальной политике. Идеи преодоления чувства классовой принадлежности и развития национальной солидарности между всеми социальными слоями, а затем отторжение национального государства как источника деструктивных сил и войн лежали в основе концепции европеизма Л. Эйнауди, выдвинутой значительно раньше. В связи с этим следует обратить внимание на то, что хотя сообщество западноевропейских государств и народов отмечено развитой и постоянно укрепляющейся институционализацией, в основе его лежит духовно-психологическое начало. О. Шпенглером оно определяется как "первофеномен культуры" или же стержень и импульс определенного культурно-цивилизационного развития. А. Тойнби именует это духовно-психологическое начало мистическим жизненным порывом "творческого меньшинства", увлекающего за собой "инертное большинство". Здесь, на наш взгляд, весьма уместна аналогия и с пассионарностью по Л. Гумилеву. Именно в процессе развития и как его результат в регионе может сформироваться особый культурно-психологический тип, духовная структура в качестве целостного лика населяющих этот регион народов. Как раз данные факторы, а не институционализация, являющаяся производной от них, определяет спаянность западноевропейского сообщества, цементируют его.

Новопашин Ю.С. Здесь затронуты установки, имеющие прямое отношение к определению основных черт "европейской идентичности" или, если хотите, европоцентристского миропонимания, которое зиждется на греческой философии, римском праве, христианстве, духе всеобщности, привнесенном Возрождением и географическими открытиями, и идеях Великой французской революции вкупе с социально-экономическими преобразованиями английской промышленной революции. Не буду останавливаться на характеристике всего мною перечисленного, ограничусь только факторами христианства и духа всеобщности. Именно христианство привнесло новое представление о месте человека в космосе. Он перестал быть безликой величиной в социально-политической системе, обрел чувство собственного достоинства. Христианство отвергло мысль о людях как "массе", элементе производства и т.п. Отсюда следовало заключение, что политическая и экономическая деятельность являются лишь средством, но никак не самоцелью, о чем упоминал В.В. Мирошников, говоря о государственной и народнохозяйственной институционализации как отнюдь не первичной, производной величине.

Два слова о духе всеобщности. Один из западных авторов связывает это прежде всего с великими географическими открытиями и заключает: "Так возникла новая особенность европейской идентичности – чувство всеобщности и открытость ума к восприятию и ассимиляции других цивилизаций, что прямо противоположно закрытости неевропейских обществ. К этому прибавился удивительный прогресс в литературе, искусстве и политической теории государства" [13. Р. 7]. Это чувство всеобщности и открытость ума к восприятию и ассимиляции других цивилизаций, как и иные составляющие европейской идентичности, "продемонстрировали, – по словам Ф. Паскуаля Де Ла Парте, – достаточную силу, пережив национализм XIX в., две мировые войны и падение режимов в странах реального социализма". Большинство из

центральноевропейских народов, замечает этот теоретик европоцентризма, "обратило свой взор на утраченную ими европейскую идентичность и просят вновь принять их в великую семью европейских демократических государств, на сегодняшний день более совершенную, чем в тот момент, когда они были вынуждены выйти из нее" [13. Р. 11].

Желицки Б.Й. Что касается "великой семьи европейских демократических государств", а точнее, Европейского экономического сообщества, запрашиваются несколько иные характеристики, чем только что процитированные. Например, приходится говорить о своеобразном региональном эгоизме сообщества, которое воздвигает политические и юридические барьеры на пути полноправного вступления в него.

Миросников В.В. Упомянутые барьеры воздвигнуты лишь на пути центрально-европейских стран. Для некоторых же западноевропейских государств, воздерживающихся от полного слияния с сообществом, зажжен зеленый свет. Конечно, важен факт равноуровневого развития, но только ли в этом дело? Ведь не приглашаются же в ЕЭС арабские эмираты. Очевидно, решающим фактором обособления западноевропейского региона являются внутренние конструктивные импульсы, представленные выше в категориях, разработанных О. Шпенглером и А. Тойнби. Центральноевропейский же регион можно охарактеризовать в этих категориях не как сообщество, а как конгломерат, с заложенной историко-психологической боязнью и Востока и Запада, но с возобладавшем стремлением присоединиться к последнему, приобщившись к его экономическим достижениям. Это стремление усиливает настроения и факторы отторжения внутри региона. Каждая из стран старается присоединиться к западноевропейскому сообществу побыстрее и в одиночку, что активизирует центробежные тенденции. В немалой мере они способствовали распаду Чехословакии. Серьезную проблему представляет собой рост сепаратистских прогерманских настроений в некоторых частях Польши, главным образом в Силезии. Польша, кстати говоря, несет в себе как типичные, так и специфические, присущие только ей черты. К последним относится, в частности, замешанное на патриотических настроениях неизбывное постимперское чувство, трансформировавшееся в нынешнюю эпоху в своеобразный региональный культурно-политический и религиозный экспансионизм, который стимулируется западной финансовой поддержкой и направлен на близлежащие страны, включая Украину и Белоруссию. В покровительственном отношении к соседним странам видны ностальгические воспоминания о величии Речи Посполитой "от моря до моря". Все это благополучно уживается с закоренелыми фобиями, выражающимися, например, в страхе продажи земельных участков и другой недвижимости иностранцам, что препятствует вождельной экономической интеграции с Западом и объективно тормозит развитие рыночных отношений.

Желание дистанцироваться от России соседствует с "комплексом неполноценности", отягощающим польских предпринимателей на Западе, и в то же время с парадоксальной их самоуверенностью в странах СНГ. Эту раздвоенность, присущую, впрочем, и другим странам, нельзя объяснить лишь схожестью недостаточно развитых экономик (как не вспомнить ту же Португалию). Логичнее предположить, что центральноевропейскому региону присущ особый культурно-психологический тип, отягощенный травмирующим психологическим наследием, лишенный центростремительной креативности (или по крайней мере весьма слабо проявляющейся, и то скорее в бюрократическом варианте). Европоцентристские тенденции реализуются в обособлении одной страны от другой и стремлении быстрее слиться с богатой и благополучной западной частью континента, но отторгая, по существу, свойственную последней экономическую систему. Можно сделать вывод, что умом не понять не только Россию, но и Польшу, Словакию и т.д. Налицо самовосприятие себя лишь "младшим братом" западноевропейских государств, на углубление сотрудничества с которыми смотрят, по утвердившемуся в регионе стереотипу, прежде всего как на ключ к быстрому решению всех своих социальных проблем. Очевидное отсутствие самозамкнутого дискретного сообщества в качестве важнейшей региональной характеристики не может быть оспорено ссылками на факт наличия коллективной

вражды к бывшей советской метрополии и ее правопреемнице России – муссирование идеи Балто-Черноморской дуги, стремление защититься от "угрозы с Востока" вступлением в НАТО и т.п. Сейчас в Центральной Европе, по моему мнению, нет ни конструктивно интегрирующего и динамизирующего интеграцию оригинального "первофеномена культуры", ни "творческого меньшинства", способного инспирировать создательный и объединяющий "жизненный порыв".

Едемский А.Б. Учитывая некоторые оценки феномена идентичности региона "местными" и западными специалистами – и в понятийном, и в историческом аспектах, – надо обратить внимание на аналитиков-эмигрантов. Это поможет рельефнее увидеть данную, действительно сверхсложную проблему. Эмигранты – лидеры и интеллектуалы стран изучаемого нами региона – развили на антикоммунистической платформе достаточно продуманную идеологию понимания ситуации в Центральной и Восточной Европе лишь после 1945 г. До этого времени, хотя выезд из региона происходил постоянно, эмиграция жила весьма разрозненно, занятая прежде всего выживанием в новой экономической среде.

В начале 50-х годов общие цели и принципы ведущих движений и организаций были обнародованы в "Декларации целей и принципов освобождения народов Центральной и Восточной Европы", подписанной в Зале Независимости в Филадельфии 11 февраля 1951 г., а также в резолюциях, которые были приняты на Конференции Центральной и Восточной Европы, состоявшейся в Лондоне в январе 1952 г. под эгидой Европейского движения, в Виллиамсбургской Декларации прав человека и фундаментальных свобод, провозглашенной 12 июня 1952 г. Пиком активности все же стало учреждение Ассамблеи поработанных европейских наций, произошедшее в Нью-Йорке в 1954 г. Анализ указанных и других документов, равно как активности эмигрантов из региона показывает, что они выявляли его идентичность отрицательно – каким он не должен быть, призывая "свергнуть коммунизм".

На Ассамблее в Нью-Йорке были представлены делегации Албании, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Чехословакии и Эстонии. Материалы конференции дают возможность проанализировать по нескольким направлениям выступления лидеров, оценить самоидентификации движений, их взгляды, надежды и устремления. В целом, вопрос о центральноевропейской идентичности был на периферии деятельности лидеров-эмигрантов из стран региона. Из всех выступавших его коснулись только делегаты из Чехословакии. Так, доктор А. Прохазка, председатель делегации Христианского демократического союза Центральной Европы, говорил о присутствовавших как о представителях "деяти стран Центральной Европы" и размышлял о будущем сотрудничестве после падения коммунизма в регионе. Превалировал же акцент на "европейской общности" с подчеркиванием единой судьбы народов региона, оказавшихся под советской оккупацией. При этом характерно отсутствие прямых русофобских выпадов в адрес "коммунистического империализма".

Руководство политической эмиграции пользовалось обычными для политической практики США каналами, обращаясь к Конгрессу, в Белый Дом, соответствующие подразделения Госдепартамента США. Нередкими были и встречи лидеров этих организаций с соответствующими работниками Госдепартамента. В Национальном архиве в Вашингтоне имеется достаточное количество отчетов о подобных встречах. Несомненно, что эти материалы принимались во внимание при подготовке директивных документов для руководства США. Вместе с тем просмотренные документы, включая архив Гуверовского центра (Стэнфорд, Калифорния), особенно фонд Миколайчика [9], не дают больших оснований говорить о том, что этнические группы из стран восточноевропейского региона оказывали ощутимое воздействие на формирование курса Соединенных Штатов по отношению к этому региону или мировому коммунизму в целом. Как правило, взгляды этнических выходцев из Центральной Европы находили значимую поддержку во время всплесков антикоммунизма в США [14. Р. 315–316].

В американской послевоенной истории это было трижды. И все три раза пики

подобного рода активности приходились на период предвыборной гонки за место в Белом Доме. Именно тогда ценились голоса выходцев из стран центрально-европейского региона, и та или иная партия пыталась заручиться их поддержкой. Это наиболее характерно для избирательной кампании Республиканской партии 1952 г., когда она выдвинула доктрину "отбрасывания коммунизма". Тогда Р. Никсон, будущий вице-президент в администрации Д. Эйзенхауэра, активно работал в так называемой "Полонии". В начале 50-х годов возник в США комитет "За свободную Европу", в который вошли не только Никсон и другие деятели "Полонии", но и ряд политиков – будущих членов кабинета Эйзенхауэра.

Второй всплеск – 70-е годы, когда параллельно с подписанием Хельсинкских договоров усилилась кампания в поддержку "захваченных" СССР стран восточноевропейского региона. Третий пример – дискуссия, раздутая в США республиканцами по вопросу о расширении НАТО на страны бывшего советского блока. Не случайно, что ее развернули именно республиканцы, критиковавшие администрацию демократа Клинтона за потворство России, которая протестует против подобного расширения североатлантического альянса. Весьма характерен в этом отношении и визит в США летом 1996 г. бывшего президента Польши Л. Валенсы, настаивавшего на скорейшей экспансии НАТО на Восток.

Кстати, отметим, что наибольший успех лоббирующих групп из центрально-европейских стран был достигнут в 1958 г. Тогда в Конгрессе приняли так называемую "Декларацию о поработанных народах" (17 июля 1958 г.), затем автоматически превратившуюся в Общественный закон 86–90. Главным действующим лицом при этом был американский украинец профессор Л. Добрянский, загодя подготовивший проект и добившийся, хотя и мало успешно, его принятия. Сам же закон 86–90 даже не был направлен на обсуждение в комитеты по международным отношениям Палаты представителей и Сената... В любом случае, региональная идентичность утверждалась эмигрантами скорее деструктивно, чем конструктивно.

Коровицын Н.В. Если вернуться к недавним событиям, то надо признать: главной движущей силой выступила бывшая партийно-государственная элита, сохранившая и вновь ярко продемонстрировавшая монопольное право на звание субъекта общественного развития – в одном лице социального и политического. Радикальность и скорость преобразований, принесенных центральноевропейскому региону революциями 1989 г., поразила внезапно и непредвиденно не только западных наблюдателей, но и само население стран региона. Приверженность большинства его социалистической или, в крайнем случае, смешанной концепции общественного развития (так называемому третьему пути) регистрировали результаты социологических исследований, проведенных накануне и даже непосредственно после революционных потрясений конца прошедшего десятилетия. Последовавший за этим повсеместный резкий подъем прорыночных и прозападных симпатий широких слоев населения легитимизировал установление новых политических режимов и создал массовую основу проведения "шоковых реформ". Психологический климат падения уровня жизни, установившийся в обществе, сделал такие реформы возможными. Не столько направление, сколько степень радикальности последних различали страны региона в начале 90-х годов. По свидетельству международных сравнительных исследований, "центральноевропейцы" в эти годы оценивали систему капитализма выше, чем западные респонденты. В этом – один из импульсов поиска новой региональной идентичности.

Анатомию перехода к современной эпохе лучше всего можно понять на примере Польши, где он, в отличие от большинства других стран, растянулся на десятилетие. В этом смысле движение "Солидарность" и начавшееся еще ранее развитие теневой экономики в Венгрии представляют собой своего рода функциональные эквиваленты. Политический и экономический опыт этих двух стран оказался движущей силой общественного развития всего региона, обозначив его траекторию. В изучение процессов трансформации центральноевропейских стран 80–90-х годов, пожалуй,

наибольший вклад внесла как раз польская социологическая школа. Именно ею эмпирически обоснована серия закономерностей перехода "от социализма к капитализму". Хочу обратить внимание на косвенно зафиксированную в выступлении В.В. Мирошникова склонность к рассмотрению политики в этических категориях. Она сделала и "переход к рынку", и "поворот на Запад" прежде всего моральным выбором общества, ответственность за реализацию которого переносилась на власть. Согласно исследованиям польских социологов, большинство населения страны в 1990 г. поддерживало политику приватизации, хотя лишь каждый десятый опрошенный был знаком с ее программой. Стратегия реформирования общества "сверху" основывалась на традиционной моральной готовности людей к пренебрежению своими повседневными интересами во имя мифических идеалов. Терпимость переживших "обвальную" политизацию второй половины 80-х годов слоев населения к падению уровня жизни была вполне достаточным условием последующих радикальных преобразований и внутренней, и внешней политики государств региона. В ходе их ярко проявился сохраняющийся – в модифицированном виде – мобилизационный характер режима, вскоре перешедшего к тактике активной деполитизации масс.

Примечательно, что вера в правильность избранного курса, как и в провозглашенные ценности свободы и демократии, не зависела от социально-демографических характеристик, а также не ограничивалась другими ориентациями и взглядами людей. Убеждения определялись не положением в социальной структуре, а организационно-политической принадлежностью, как это было в случае с профсоюзом "Солидарность", ставшим общенациональным движением. Достаточно произвольна массовая интерпретация ценностей, сыгравшая ключевую роль в смене общественного строя в странах региона, – таких, как рынок, демократия, плюрализм, приватизация и др. Большинство поляков, чехов, словаков и венгров определяли демократию прежде всего в экономических категориях, а две трети румын даже рассматривали ее в качестве гарантии занятости и уровня жизни. Экономическое процветание западноевропейских стран считалось главной чертой их следования демократическим курсом. Желание огромного большинства населения заменить коммунистическую систему на западноевропейскую долгое время аккумулировалось в восточноевропейском обществе, найдя полную реализацию на рубеже 80–90-х годов с помощью стремительно вестернизовавшихся средств массовой информации.

Зудинов Ю.Ф. Правомерно ли утверждение, что в предшествующие десятилетия на самом глубоком уровне социокультурных ценностей в центральноевропейских странах создавались благоприятные условия для расцвета прозападных чувств и предпочтения западного образа жизни как альтернативы традиционным ценностям?

Коровицына Н.В. Разумеется, это касалось в первую очередь многочисленных высокообразованных когорт 20–30-летней городской молодежи, пополнявшей в 80-е годы ряды оппозиции режиму. Создававшиеся в качестве социальных основ политики компартий "средние слои" – новая интеллигенция и высококвалифицированный рабочий класс – сыграли прямо противоположную предполагаемой роль из-за неудовлетворенности их социальных и материальных притязаний. От родителей это поколение отличал не только выраженный антикоммунизм, ощущение свободы и независимости, закрепленное политикой гласности, но и стремление к качественно более высоким стандартам потребления, аналогичным телевизионной версии западных. Применительно прежде всего к этому поколению глубокие потрясения общественной системы центральноевропейских стран называют "революцией безвластных" или "революцией несбывшихся ожиданий". Однако именно это – "среднее" – поколение с началом процессов трансформации перешло в категорию "потерянного", а его многочисленные "средние слои" пережили полный драматизма кризис идентичности.

В 1989 г. окончательно ушла в прошлое политика форсированной модернизации, основанная на принципах уравнительности и осуществлявшаяся "по советскому образцу". Вместе с этой политикой завершилась целая эра в истории региона, начатая в годы первых пятилеток. Целый этап в развитии стран региона начался с очередной

культурной революции XX в., связанной с полной сменой системы ценностей и духовных приоритетов на часто диаметрально противоположные. Отказ от эгалитаризма предшествующей системы, переход от "всеобщего равенства" к "рыночной свободе" вписывался в общую концепцию смены модели развития на "западную". Стремление к уровню культуры и материального благосостояния этой модели явилось главным стимулом "морального коллапса", имевшего столь глубокие необратимые последствия в судьбах народов региона. Такого рода "революция ценностей" канализировала массовую социальную неудовлетворенность кризисным положением в обществе, сформировавшуюся в 80-е годы. Именно она подготовила не только радикальную рыночную трансформацию общественной системы бывших социалистических стран, но и переориентацию всей совокупности их внешнеполитических связей с Востока на Запад. Собственно говоря, оба эти процесса – трансформации и переориентации – были тесно взаимосвязаны в сознании каждого жителя региона, находившегося под влиянием "мифа о Европе" и "мифа о рынке", которые составили основу идеологии нового "переходного периода".

Первоначально предполагалось: довольно и небольшой финансовой помощи Запада, чтобы новые политические лидеры смогли быстро и относительно безболезненно трансформировать экономическую систему стран региона. Сверхоптимистические массовые ожидания основывались на восприятии, допустим, США как разновидности богатого Советского Союза. В этом случае отношения зависимости ассоциировались с намного большими, чем прежде, финансовыми поступлениями. Такого рода взгляды и представления послужили "почвой" для начавшегося после 1989 г. дрейфа постсоветских стран на Запад. "Познание Запада" и утрата иллюзий в его восприятии были не более продолжительными, чем осознание социальных последствий рыночных реформ и в целом.

О высокой степени идентичности происходящих в регионе процессов общественного развития и их результатах свидетельствуют исследования социологов середины 90-х годов. Разница в отношении к происходящим изменениям жителей Центральной Европы очень невелика, тем более учитывая существующие различия в объективной экономической и политической ситуации в них. Страновые различия даже меньше, чем разрывы в опросных данных у отдельных групп респондентов, живущих в одной стране. Причем наибольшее влияние на дифференциацию мнений оказывает не что иное, как фактор возраста, поколенческой принадлежности.

Задорожник Э.Г. Проблема региональной идентичности уже затрагивалась в рамках работы предшествующего "круглого стола", проведенного отделом [15]. Ее решение связывается мною с анализом разнородных процессов, определяющих превращение бывшей "Восточной Европы" через некоторое довольно трудно усваиваемое название "Центрально-Восточная Европа" к собственно "Центральной Европе". И это не только словесная эволюция – регион, увеличившийся по числу стран ровно в полтора раза (с 8 до 12), все определеннее ощущает необходимость внутрирегиональной экономической и политической консолидации, а также геополитической идентификации именно как центра континента.

Желицки Б.Й. Правомерно ли говорить об этом относительно региона, внутри которого наблюдаются конфликты, причем зачастую кровавые?

Задорожник Э.Г. Ответ может и должен быть положительным. Что же касается конфликтов, то они возникают и в куда более благополучных регионах: в той же Великобритании, где противостояние католиков и протестантов в Северной Ирландии оказалось не столько преодоленным, сколько периодически обостряющимся (последняя вспышка – август 1996 г.); конфликт между соседями по НАТО – Турцией и Грецией, хотя это не помешало последней проявить инициативу по организации конструктивной встречи президентов СРЮ и Хорватии. В целом, центральноевропейский регион можно определить как зону относительного спокойствия по многим параметрам. Более стабильна северная часть региона, где наблюдается некоторая однородность процессов экономического, социального и политического планов, например, приход в одних

странах к власти сил левой ориентации или их смена у государственного кормила правоцентристскими коалициями – в других. Вишеградский субрегион отличается также большим экономическим благополучием по сравнению с остальными восемью странами южнее его. Как известно, в современной геополитике наличествует деление государств на "богатый и стабильный" Север и "бедный и конфликтный" Юг. По некоему закону подобия свои "север" и "юг" имеются в рамках регионов и даже отдельных стран. В этом плане Скандинавия не похожа на южную Европу, хотя они и составляют единую Западную Европу. И даже в Италии есть свои "богатый север" и "бедный юг".

Вишеградская группа – это богатый и стабильный "север" в рамках центрально-европейского региона. Действительно, здесь многие процессы уже устоялись, а пик падения темпов экономического роста пройден: наблюдается подъем даже там, где его меньше всего ждали – в Польше и Словакии. Эти страны "догоняют" Чехию и Венгрию по многим показателям. В целом, четверка медленно, но приближается к общему уровню стран ЕС, хотя даже к 2010 г. ей едва ли удастся достичь трех четвертей производимого там валового национального продукта на душу населения. Субрегион в силу этого приобретает все больший вес и часто по "логике замещения" представляет уже весь регион в качестве "хорошего", в то время как другой субрегион на это еще претендовать никак не может. И здесь возникают новые "соблазны". Если в начале 90-х годов в двери ЕС и НАТО дружно, но поодиночке стучались отдельные страны: Польша по праву наиболее продвинутой в политическом отношении, Венгрия – наиболее демократичной в плане финансов, Чехо-Словакия – экономически стабильной, то сейчас на подобное вхождение претендует уже субрегион (считая возможным пропустить вперед в качестве "разведчика" лишь Словению). Но страны Вишеградской группы наткнулись на очень жесткую границу на Западе.

Создание и укрепление "буферных структур" – Центральноевропейской инициативы (ЦЕИ), куда "церемониально" входят Австрия и Италия, Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦССТ) – сути дела не меняют. "Градус разочарования" в указанных отдельных странах резко возрос и есть основания предполагать, что и дальше будет расти, чему не помешает устремленность в другие организации, создающие иллюзии "приобщенности" к Западной Европе, скажем в НАТО.

Майорова О.Н. Интересно проследить эту устремленность на конкретном примере Польши. К. Скубишевский, министр иностранных дел в первом некоммунистическом правоцентристском правительстве Т. Мазовецкого, так определял в декабре 1989 г. приоритетные задачи внешней политики страны: выработка государственной стратегии в отношении СССР с учетом сочетания объективных моментов (геополитика и геостратегия) с фактом изменения правительства, системы правления и строя, а также развитие конструктивных связей с Западной Европой и ее организациями. Позднее, с переходом в результате выборов власти к левым силам, в программной речи премьера В. Павляка в ноябре 1993 г. отмечалась необходимость уважения провозглашенных ранее целей, которые были закреплены в документе "Принципы польской политики безопасности" президентом Л. Валенсой. В их числе: интеграция с ЕС; налаживание связей с НАТО; активное расширение двустороннего и регионального сотрудничества Польши с другими странами. Министр иностранных дел А. Олеховский также подчеркивал неизменность главного направления внешней политики страны, отметив, однако, что Польша "будет идти по левой стороне этой дороги".

Намерение Польши добиваться членства в НАТО, интегрироваться в экономические и политические структуры Запада нашло отражение в предвыборной программе кандидата левых сил А. Квасьневского, одержавшего с небольшим отрывом победу над Л. Валенсой на последних президентских выборах. Осенью 1995 г. он утверждал следующее: во-первых, это исторические обстоятельства, поскольку после вступления в западные структуры Польша вернется в свое естественное окружение; во-вторых, в рамках интегрированного европейского организма будет легче пройти период экономической трансформации и приблизиться к ведущим странам мира;

в-третьих, Польша стремится к участию в Североатлантическом союзе с целью укрепления внешней безопасности; в-четвертых, это будет способствовать поддержке демократических преобразований, так как, добываясь места в ЕС и НАТО, страна должна будет соответствовать их высоким демократическим стандартам. Вместе с тем – и это следует подчеркнуть – Квасьневский не поддержал тех польских политиков, особенно правой ориентации, которые утверждают: чем хуже отношения с Россией, тем быстрее страна окажется в структурах европейской безопасности.

Близкие позиции в этом вопросе свойственны Польской крестьянской партии, составляющей с социал-демократами Квасьневского правительственную коалицию. В ее программе в январе 1995 г. шла речь о "постепенном вхождении Польши в кооперационные и интеграционные европейские и североатлантические структуры на равных условиях" [16. S. 160]. Иными словами, осмыслению места и роли страны в современном мире с учетом происходящих в регионе изменений и последствий объединения Германии в польском обществе в целом уделяется большое внимание. Различные мнения находят отражение и в позициях политических партий, и в прессе. В плоскости конкретно-практических решений этой проблемы каждая из партий обнаруживает свой индивидуальный подход. Считая вхождение в НАТО "полезным", Консервативно-либеральная партия – Союз реальной политики тем не менее возражает против устремления Польши в этот альянс "любой ценой" и опасается "слишком больших жертв с польской стороны". Специфическую позицию занимает Консервативная партия, считающая, что внешняя политика страны "должна базироваться на принципе национального интереса", а формирование европейского единства – осуществляется на основе "уважения идентичности и суверенитета наций". Она выступает "против концепций искусственной унификации Европы", "за многообразие национальных культур". Партия польской демократии декларирует необходимость "расширения участия Польши в процессах формирования нового облика Европы". В то же время, как подчеркивается в программных документах, она поддерживает "постепенную интеграцию польской экономики с высокоразвитыми государствами Запада на принципах взаимовыгодного сотрудничества" [16. S. 57, 85, 23]. Партия польской демократии настаивает на необходимости развития сотрудничества с Россией и Германией, другими соседними государствами. Интерес представляет позиция правоцентристской Конфедерации независимой Польши (КНЦ), полагающей, что страна должна быть цивилизованным и экономическим мостом (связующим звеном) между Востоком и Западом [17].

Едемский А.Б. Понятно, что приоритетом во внешнеполитических разделах программ ряда партий правой ориентации в Польше является интеграция страны в европейские структуры, в том числе ее членство в НАТО. Но можно ли то же самое сказать о позициях партий политического центра?

Майорова О.Н. Польские партии центристской ориентации также выступают за полное членство в НАТО и системе европейской безопасности в целом. Однако принятие решений по этим вопросам должно быть исключительной прерогативой польского народа и избранного им правительства (Христианская демократия – Союз труда). За незамедлительное вхождение в ЕС, членство в НАТО ратует и Союз свободы, но его программа содержит вместе с тем и положение о создании "мирной системы отношений между НАТО и Россией". Такое же стремление к поиску сбалансированного варианта решения проблемы внешнеполитической ориентации Польши свойственно и Польской партии "Отчизна" (ПП"О"). Считая решение политических и экономических проблем обусловленным географическим положением страны – между Россией и Германией, – ПП"О" выступает за установление "новых политических и экономических контактов" с соседями на Западе и Востоке [16. S. 26, 312, 118]. Таким образом, с одной стороны, очевидна неизменность приоритетов и преемственность "стратегической" линии Польши на вступление в ЕС и НАТО. С другой же – внимательный анализ обнаруживает определенную вариативность и различную акцентировку аналогичных, на первый взгляд, внешнеполитических положений основных польских политических течений.

Зудинов Ю.Ф. Проблемы региональной идентичности очень трудно осознаются и решаются в нестабильных регионах, среди которых, по крайней мере в Европе, ведущее место принадлежит Балканам. Этот регион пока что не снял с себя полностью титул "пороховой бочки" Европы; термин "балканизация" еще сохраняет свой угрожающе-предупредительный смысл. Здесь существует большой "конфликтный потенциал", проявляющий себя явно или подспудно в межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных (выходящих за рамки региона) противоречиях. Налицо и принципиальные различия во внешней ориентации отдельных балканских государств и различных политических сил.

Болгария претендует на роль стабилизирующего фактора, "острова стабильности" в регионе. В какой-то степени эти претензии обоснованы. Страна избежала румынского варианта свержения тоталитаризма, не претерпела югославских межэтнических "разборок". Ее географическое положение позволяет рассчитывать на место пересечения не только балканских, но и более масштабных (включая трансконтинентальные) коммуникационных сетей. Однако региональная идентичность, тем более претензии на ведущие роли, сегодня требуют не только "географического", но и иного весомого подкрепления. Болгария должна убедительно доказать свою большую "полезность" и "надежность" всем государствам региона, для чего в первую очередь нужно решить немало внутренних и внешних проблем. Это и обеспечение внутривосточной стабильности за счет преодоления двупольной конфигурации политического спектра, острого противоборства между главными общественно-политическими силами, которые, поочередно находясь у власти, пока больше преуспели в обещаниях, лозунгах, чем в практических делах. Это и достижение гражданского согласия, предполагающего действительно "мирное сожительство" граждан различной национальной и конфессиональной принадлежности. Около 10% населения страны – мусульмане (в основном – этнические турки). В настоящее время среди них поднялась новая "переселенческая волна". Высказывают недовольство и другие этнические меньшинства. Это и реальные шаги по достижению приемлемого (в материальном плане) уровня жизни населения. При всей патриотичности болгар, сегодня около 2,5–3 млн граждан высказывают желание покинуть страну. Это и практическое осуществление, продвижение по пути провозглашенных реформ, чем можно заслужить доверие зарубежных инвесторов, заручиться реальной поддержкой в стремлении "войти в Европу". Пока что Болгария (единственная из посткоммунистических стран) находится в так называемом негативном списке, препятствующем выезду ее граждан на Запад. Иностранные инвестиции в болгарскую экономику составляют порядка 400 млн долларов (Чехия, Польша – каждая около 6 млрд долларов).

Внутривосточную ситуацию в Болгарии существенно определяет "историческая память", специфика национального самосознания. Довольно остры чувства "разделенной нации", "урезанной территории". По сей день жива память о "Сан-Стефанской Болгарии" (выход к "Белому" (Эгейскому) морю, обладании Македонией), о турецком рабстве и т.д. Эти чувства в ряде случаев трансформируются в современное бытовое и политическое поведение, что, разумеется, не способствует превращению страны в общевосточного лидера.

Майорова О.Н. Региональные связи – важнейшая проблема внешнеполитических доктрин практически всех политических партий Польши. Значительный интерес в этом плане представляет их видение возможностей и перспектив регионального сотрудничества. Так, правая Консервативная партия еще в 1992 г. подчеркивала важность связей с суверенными государствами Центральной и Восточной Европы, которые "имеют огромное значение для стабилизации положения в нашем регионе". Правоцентристская Конфедерация независимой Польши ориентировалась на тесное сотрудничество стран в рамках так называемого "Междуморья" – пояса государств между Балтикой и Средиземноморьем: Польша, Украина, Чехия, Словакия, Венгрия, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, балканские страны. "Огромный шанс, – подчеркивалось в ее документах, – который открывается перед странами нашей части

Европы, – формирование центрально-восточноевропейского сообщества, объединяющего связанные узами общих интересов независимые государства". Идеологический подтекст подобных мотиваций очевиден: каждая-де из стран региона слишком слаба, чтобы стать партнером или мощной западноевропейской экономики, или же по-прежнему сильной России. Вместе с тем не менее очевидна мотивация прагматическая: страны региона имеют огромный потребительский рынок, а также обладают немалым экономическим, интеллектуальным и сырьевым потенциалами. "Призванием истории" назвала КНП необходимость формирования в центральноевропейском регионе общего рынка, создания интеграционной системы политического и государственно-правового сотрудничества, а также системы взаимной безопасности. Особо следует отметить, что региональное сотрудничество рассматривается этой партией как важнейший фактор ускорения процессов общеевропейской интеграции. Конечно же, это довольно взвешенная позиция, исходящая из уже устоявшихся связей между странами региона. Но в то же время перспектива внутри- и межрегионального сотрудничества просматривается недостаточно определенно.

Весьма широк разброс позиций партий центристского толка: от констатации настоятельности "особого индивидуального подхода" к проблеме регионального сотрудничества до попыток обоснования возможных единых целей. Так, Союз свободы заявляет, что взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы должно быть основано на общности интересов региона и способствовать упрочению в нем экономической стабильности" [16. С. 85, 54, 118, 312]. За упрочение региональных связей, в том числе в рамках Вишеградской группы и Совета государств Балтийского моря, выступает Польская крестьянская партия. В январе 1995 г. она подтвердила свое убеждение в том, что эти связи могут и должны быть фактором стабилизации во всем регионе Центральной и Восточной Европы, но вместе с тем – и эффективной поддержкой общеевропейского интеграционного процесса.

Социал-демократия Республики Польша наряду с устремленностью в западноевропейские структуры подчеркивает актуальность восстановления и развития необходимого для Польши присутствия на восточных рынках. Одним из актуальных для нее является "создание условий для регулярного сотрудничества стран Центральной Европы, которое должно заполнить собой вакуум, возникший вследствие распада СЭВ, и воссоздать экономические, политические и культурные связи в этом регионе" [18]. Таким образом, внешнеполитические разделы самых различных партийных программ считаются с фактором непростого слияния с западноевропейскими структурами, равно как и с необходимостью удерживать на должном уровне отношения с Россией и – несмотря ни на что – углублять внутрорегиональные связи в рамках всех функционирующих на сегодняшний день организаций.

Желицки Б.Й. Хотелось бы еще раз обратиться к далекой истории, чтобы лучше понять современные процессы, включая следующую проблему: почему нынешняя Венгрия, впрочем, как и все остальные посткоммунистические страны, снова тяготеет к Западу? От Запада она четыре с лишним десятилетия была отделена "железным занавесом", но скажем прямо: объясняется это далеко не только нынешними геополитическими причинами, есть тут и более глубокий историко-культурный смысл. Начнем с того, что венгры 1100 лет назад, в эпоху великого переселения народов пришли в Карпатский бассейн и создали свое государство (к слову, юбилей прихода венгров в Европу широко отмечался у них в стране в течение всего 1996 г.). Будучи народом, пришедшим из степей южного Приуралья, венгры никогда не стеснялись своего "азиатского" происхождения. Более того, они сделали свое прошлое источником духовной силы и национальной самобытности, доказательством того, что способны к быстрому развитию, благодаря которому и состоялось стремительное их приобщение к европейской культуре, цивилизации.

Они восприняли европейские религиозно-культурные ценности еще при Иштване I, принявшем западный вариант христианства и королевскую корону из рук папы римского Сильвестра II. Венгерское королевство и государственность достигли своего

расцвета при короле Матяше Корвине. Венгрия стала крупным европейским централизованным государством. Вся дальнейшая история венгров – это подтверждение их приверженности к культурным ценностям Запада. Иными словами, венгры и Венгрия органически вписались в Европу, став, таким образом, народом центрально-европейским. Свою европейскую идентичность или же, как выражаются сами венгры, "европейскость" они подтверждали столетиями, являясь своеобразным христианским бастионом, не раз защищавшим Запад от вторжения и посягательств с Востока. Здесь достаточно сослаться на период нашествия оттоманских турок на Европу. Ведь известно, что именно в Венгрии было остановлено дальнейшее продвижение на Запад полчищ, наводивших страх на весь христианский мир.

Мирошников В.В. Существуют ли в Венгрии координаты и формы выражения венгерской самоидентификации? Как определяют венгры место и роль своей страны в современном мире, каковы варианты подобных определений?

Желицки Б.И. Венгры, с тех пор как оказались в центре Европы посреди германского и славянского этнических массивов, осознавали себя по-разному. Сначала в качестве одинокого угро-финского "острова", находящегося в иноэтническом океане, где не было близких им по родству народов. Позже Венгрия "причалила" к западным берегам, поэтому символ "страны-острова" начал приобретать новое очертание – "страны-моста", связывающего западные и восточные "берега".

В новейший период истории политическая обстановка не раз играла с Венгрией злые шутки, не давая ей реализовать функции "моста". В результате появилось новое понимание гражданами Венгерского государства своей роли в Европе – "страна-паром". Волею судеб в условиях революционных бурь и политических потрясений XX в. ее действительно бросало то на Запад, то на Восток. После того как развалилась Австро-Венгрия и страна начала самостоятельное плавание в океане мировой политики, ей не суждено было долго сохранять свое центрально-европейское существо. Так, в 1919 г. она склонилась к Востоку (период Венгерской Советской республики), в межвоенные годы, напротив, оказалась частью западного мира, пока германский колосс вновь не превратил ее в маленький "островок" в Европе. В 1945 г. Венгрия находилась под советской оккупацией, а затем в "лагере мира и социализма", т.е. опять на 40-летний период была привязана к Востоку, конкретнее – была частью Восточной Европы. Символ "страны-парома" для Венгрии периода новейшей истории следует признать поэтому весьма удачным, хотя станет ли демократический Запад в современный период, так сказать, постоянным портом приписки этого "парома", покажет будущее.

Задорожник Э.Г. Нельзя не согласиться с тем, что устремленность Венгрии, как и субрегиона Вишеградской группы в целом, в Западную Европу не в малой степени детерминирована признанием значимости общеевропейских ценностей культурно-религиозного характера. Вместе с тем в них заметно чрезмерное дистанцирование от России и сопредельных ей государств, от их культуры, которая давно и обоснованно считается животворной частью европейской культурной традиции в целом. Что касается религии, то здесь перспектива интеграции представляется вполне достижимой, поскольку и протестантизм, и католицизм – западноевропейского происхождения. В то же время этот фактор нельзя считать первостепенным, а его чрезмерная акцентировка несет даже некоторые угрозы.

Безусловна приоритетность экономического фактора, но здесь-то и возникают самые большие трудности, поиск преодоления которых чаще всего происходит на других путях, когда придается завышенное значение моментам политической, военной и т.п. интеграции. Однако при этом самыми разнородными силами в странах субрегиона игнорируется то, что в современной Западной Европе, а не в малой степени и в Америке, чистый рынок выглядит как некий социальный абсурд. Там существует высокий уровень социального законодательства, посягательство на который считается чуть ли не политическим преступлением, очень заметна роль государства как регулятора экономической жизни и т.д. Наиболее адекватно осознают эту

ситуацию социал-демократические партии стран центральноевропейского региона, что и проявляется в обосновании ими двуединого курса: углубление рыночных преобразований и в то же время развитая социальная политика. Противостоящие же им политические силы выступают за саморегулирующийся рынок, выраженный метафорой "невидимой руки". Однако социальное законодательство – не некий лишний довесок, а весомая составляющая удержания экономического роста, поскольку это вложение в важнейший ресурс достижения эффективности – "человеческий капитал". В этом плане правящие польские и венгерские, а также чешские социал-демократы – более "современные" партии, чем их политические предшественники и оппоненты. Да и весь субрегион в большей мере готов к вступлению в различные европейские структуры, хотя здесь как раз и возникают свои проблемы.

Уже говорилось о малой проницаемости, точнее, избирательной пропускной способности экономической границы с Западом [19]. Если до середины 90-х годов казалось, что экономическая интеграция в западном направлении будет осуществляться вслед за политической (например, вслед за принятием в Совет Европы в 1990 г. Венгрии, в 1991 г. – Польши, а в 1993 г. – Чехии и Словакии) едва ли не автоматически, в связи с чем можно просто забыть о существовании восточного направления сотрудничества, то сейчас выявляется, что Западу нужно от центральноевропейского региона в лучшем случае сырье, а не товары равного, а то и лучшего качества. Такова "логика" экономического взаимодействия на региональном уровне и преодолевать ее очень трудно, даже если обе стороны говорят о дружбе и искренне стремятся к ней. Это уже сегодня меняет приоритеты внешнеэкономических связей стран субрегиона. На фоне малых темпов экономического взаимодействия с Западом, а в чем-то и его тупиковости растет устремленность в другие общеевропейские структуры. Особенно актуальным стал вопрос о вхождении в НАТО, о котором уже упоминалось выше. Этой военно-политической организации приписываются некие идеализированные качества, а реальный ее статус мало принимается во внимание. Проявляющиеся действия *компенсаторного механизма* и нежелание отказаться от стереотипов, т.е. НАТО представляется тем более сверхжеланной целью, чем в меньшей мере выявляется возможность интеграции в других планах, в первую очередь – экономическом. У России при этом неправомерно подразумеваются агрессивные намерения, у НАТО – благородные. И первое, и второе – ложная атрибуция, затрудняющая процесс региональной идентификации. Политическим руководством стран субрегиона не в полной мере осознается тот момент, что НАТО – это больше, чем просто североатлантический блок или по преимуществу европейская организация. Например, не учитывается, что США и Канада – не только атлантические, но и тихоокеанские державы. Равно как, кстати говоря, и Россия.

В заключение – попытка прогноза. Как мне уже приходилось не раз отмечать, суть и скорость "бархатного развода" Чехо-Словакии в какой-то мере детерминировались стремлением первой "развитой" части федерации быстрее попасть в ЕС без "отсталой" второй ее части. Оказалось же, что "разведенным" странам туда проникнуть труднее. И возникает вопрос: зачем было "разводиться"? Сейчас ситуация повторяется на уровне субрегиона: "богатая" Вишеградская группа по видимости обладает большими шансами на вхождение в Европу. Но то, что ограниченность от "бедного и нестабильного" юга центральноевропейского региона поможет его северной части успешнее интегрироваться в Западную Европу, как представляется, не более, чем коллективная иллюзия. Соответствующим странам следует, видимо, ориентироваться не на вхождение поодиночке или группами в Западную Европу ("забывая" иногда при этом, что они сами – Европа), а на примыкание к ней в качестве региона.

Граница – экономическая, политическая и т.п. – между этими частями Европы, конечно же, сохранится, но она не будет носить характер некоторой "закрытой" черты, ибо если останется улица с односторонним движением, придется во многих случаях (перемещение капиталов, ресурсов, инициатив и т.п.) ее объезжать, т.е. вектор сотрудничества сдвинется для каждой из стран *внутрь* региона или на многообещающие

рынки восточнее. Итак, *не вхождение* в Запад, а *примыкание* к нему с перспективой конструктивных связей с формирующимся с огромными, если не сказать катастрофическими, трудностями восточноевропейским или евразийским регионом. Таким образом, процесс становления и субрегиона, и центральноевропейского региона в целом определяется реальными шагами по вхождению в общеевропейские структуры и одновременно явно завышенными ожиданиями по отношению к ряду из них. Одно из главных затруднений здесь – чрезмерный акцент именно на вхождении, а не на идентификации себя как сообщества государств, составляющих одну из трех крупных частей Европы.

Развитие европейской интеграции оказалось на исходе 90-х годов более сложным, чем это представлялось в начале текущего десятилетия или еще раньше – в середине 80-х годов, когда активно дебатировались проекты строительства "общеевропейского дома". Сегодня надо видеть, что Западная Европа не абсолютно сплотилась на следующий день после Маастрихта, а Восточная – не полностью распалась после Беловежской Пуши. В этих условиях от интеграционного потенциала собственно Центральной Европы – пояса 12 государств от Балтики до Адриатики – зависит, думается, очень многое, если не сказать, почти все в деле утверждения на континенте новой модели безопасности и добрососедского взаимодействия.

Новопашин Ю.С. Завершая наш разговор, хотелось бы несколько подробнее остановиться на том, чем закончила свое выступление Э.Г. Задорожник. Я имею в виду вопрос об утверждении в Европе новой системы безопасности. В нынешних условиях упрочение региональных связей и сотрудничества неотделимо от обеспечения безопасности государств, имеющих общие исторические и культурные традиции. С помощью этого сотрудничества, справедливо отметил, например, на международной конференции "Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях" венгерский ученый Г. Молнар, "мы должны защитить себя в первую очередь от внутреннего коллапса и постмодернистской деконструкции, а не от внешней угрозы" [20. С. 278].

Однако и стремление минимизировать внешние угрозы тоже немаловажная причина поиска региональной идентичности и попыток опереться на вытекающие из этой идентичности преимущества. Главная проблема тут в том, считает румынский исследователь Н. Екобеску, что "никто не может чувствовать себя в безопасности, пока в регионе не ликвидирован конфликтный потенциал" [20. С. 300]. Сохранению этого потенциала способствуют, как известно, многие причины, включая, по словам Г. Молнара, "и очевидную разницу менталитетов центральноевропейцев и балканцев" [20. С. 278]. Профессор С. Деветак из Словении тоже останавливается на вопросе о европейской безопасности, полагая, что "западные державы вкладывают в это понятие лишь собственную безопасность, допуская в целях ее сохранения и конфликты в других частях Европы. Россия, не имея на данном этапе никакой концепции, лишь противостоит попыткам расширения НАТО на восток". Все же страны на запад от ее границ, по словам С. Деветака, "остаются предоставлены сами себе, и в этих условиях ответом на их нужды может быть создание качественно новой системы региональной безопасности" [20. С. 268]. На необходимость нового подхода к проблемам пространственного развития в Европе указывает также исследовательница из Любляны Я. Клойчик. "Ответом на существующие жесткие противоречия, – пишет она, – может стать Европа регионов, полицентричная Европа", хотя путь ее построения "до сих пор остается под вопросом. Эта концепция неизбежно соединяется на транснациональном уровне с проблемой идентификации новых групп регионов и государств, которые могли бы стать новыми зонами сотрудничества и, одновременно, главным фактором мира и стабильности в Европе" [20. С. 310].

Я не случайно остановился на позициях относительно центральноевропейской идентичности, принадлежащих специалистам из этого региона. В них отражено, на мой взгляд, главное, с чем связаны соответствующие концепции применительно к нуждам современного внутреннего и внешнеполитического развития. Историко-культурный аспект проблемы подробно проанализировал в своем известном эссе венгерский

исследователь Е. Сюч [21. С. 117–265]. Остановливал на нем внимание и наш коллега А.И. Миллер, который пишет, что «для историка главный фактор – социокультурная близость, т.к. сходство социальных и властных структур и путей их эволюции, сходство культурной традиции и ментальности. С этой точки зрения вторично, насколько эта общность осознается жителями региона и насколько она отражается в способности стран региона к совместному политическому действию и созданию региональных структур. То есть более важен, – полагает он, – регион "в себе", как объективное явление (включая сюда культуру и ментальность), чем регион "для себя", как политический субъект...» [22. С. 5]. Касались этой стороны дела и участники нашей встречи, в частности Б.Й. Желицки и В.В. Мирошников.

То есть немало сказано и о таком аспекте центрально-европейской идентичности, который характеризует ее как объективную реальность, и о другом, касающемся политической субъектности и инструментальности этой категории. Что из упомянутого первично и более важно, а что вторично и менее существенно, – не будем заострять на этом внимание. Для нас принципиально видеть и ту, и другую стороны, уметь методологически различать их, а конкретная интерпретация данных аспектов определения региональной идентичности – дело каждого из исследователей. Несомненно одно: наша "ниша" в этом вопросе – страновой материал социально-политического свойства, в частности, анализ позиций властных структур не только по поводу внутри-регионального сотрудничества или развития связей с Западом, но и относительно взаимоотношений с Россией, другими государствами, возникшими на развалинах СССР, прежде всего славянскими (Украина, Белоруссия).

Хотел бы последнее особо подчеркнуть, ибо, в отличие от А.И. Миллера, не считая методологически неверным в Институте славяноведения и балканистики РАН делать акцент на изучение славянских народов и стран, как не вижу смысла в противопоставлении понятия "славянская общность" понятию "центрально-европейский регион". "В рамках идей славянской общности, – заявляет он, – понятию Центральной Европы как особого региона нет места. Региональный принцип заменяется панэтническим, неславянская часть региона отсекается, а вместо этого присоединяются славяне юго-востока и востока Европы" [22. С. 7].

Если бы региональный принцип действительно заменялся панэтническим (панславянским), не изучались бы в ИСБ РАН десятилетиями такие, например, страны Дунайского бассейна, как Венгрия и Румыния. А что касается присоединения славян юго-востока к культивирующемуся в ИСБ тоже в течение не одного десятилетия понятию региона Центральной и Юго-Восточной Европы, то последнее, на мой взгляд, до сих пор выдерживает научную критику в качестве обозначения основного ареала институтских исследований. И поэтому никак нельзя согласиться с утверждением А.И. Миллера, что в Институте славяноведения и балканистики да и в России в целом сегодня "изучение Центральной Европы совершенно не институционализировано. Традиционная с XIX в. славяноведческая ориентация сохраняется. Между тем очевидно, что такая оптика искажает историческую реальность региона, где не просто рядом, но вперемешку с поляками, чехами, словаками жили, составляя порой единый социальный организм, немцы, венгры, евреи" [22. С. 15].

Я остановился на этих рассуждениях еще и потому, что вопрос о центрально-европейской региональной идентичности распространяется участниками настоящего "круглого стола" на юго-восточную часть континента. Быть может, кому-то это и кажется географическим нонсенсом, но в геополитическом плане – как пояс государств от Балтики до Адриатики – таковым отнюдь не является. Время покажет, приживется ли в науке и политике подобное понимание центрально-европейского региона, западная граница которого сдвигается на восток, поскольку ранее Центральной Европой считалась, к примеру, Германия. Но понимание – пониманием, а геополитические реальности определяются, думаю, выявленной на этой встрече тенденцией, и региональная идентичность будет формироваться именно на этом осевом – с севера на юг – пространстве.

И последнее. На нашей встрече "не прорезалась" такая черта научных обсуждений, как дискуссионность, критика каких-то позиций, кажущихся тому или иному участнику этой встречи спорными. К сожалению, это делается лишь "под занавес", но и тем не менее. Не думаю, что мы должны оставлять без внимания такое, к примеру, понимание идеи европейской регионализации, какое выразил на упомянутой выше конференции, состоявшейся в 1995 г., тогдашний заместитель председателя Госдумы России А.Д. Венгеровский. «В рамках этой идеи, – заявил он, – Германия как гигантский пылесос соберет все песчинки – жертвы неоправдавшихся "национальных суверенитетов" рубежа 90-х годов. Этот арсенал средств относится к аншлюсу прежде всего Австрии, Чехии и Словении». Далее сей деятель порассуждал о трудностях продвижения Австрии как традиционно независимого государства по пути общегерманской интеграции и заключил, что "гораздо менее сложным будет этот процесс для Чехии и Словении. Возобладовавшая после распада Чехословацкого государства прогерманская ориентация правящей элиты Чехии имеет солидный исторический стаж. В то же время Германия имеет все возможности как косвенного, так и прямого воздействия на процесс становления самой правящей элиты Чехии. Сегодня финансовые круги Франкфурта уже используют весь свой арсенал средств для решения далеко идущих стратегических задач по аншлюсу Чехии... Аналогичная стратегия может быть использована и по отношению к Словении" [20. С. 19].

Выходит, по Венгеровскому, что проблема региональной идентичности стран Центральной Европы решится в перспективе посредством поглощения, прежде всего экономического, малых стран этого региона 80-миллионной Германией. Очевидно, это весьма примитивное, одностороннее понимание регионализации континента. Ведь далеко не всякое углубление экономического сотрудничества ведет к ущемлению народнохозяйственной самостоятельности, а участие в различных европейских международных организациях, в которых велик политический вес Германии или какой-то другой державы, никак еще не означает потери теми или иными партнерами этих держав своей национально-государственной независимости. Подобное, конечно, не исключено в принципе, но произойти может лишь при стечении весьма и весьма экстраординарных обстоятельств. Это первое, что приходит на ум, когда наталкиваешься на подобные суждения, заслуживающие самого внимательного к себе отношения. Одним словом, необходима дальнейшая разработка проблем региональной идентичности центрально-европейских стран, включая, естественно, критическое осмысление всего спектра имеющихся здесь позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Компас (Вестник ИТАР–ТАСС). 1994. № 115. С. 27.
2. *Лаврова Л.Ф.* Сотрудничество стран социализма и развитие духовной культуры социалистического общества. Киев, 1984. С. 153.
3. *Еремينا В.М.* Закономерности развития мировой социалистической системы как выражение единства национального и интернационального. М., 1981. С. 77.
4. *Sakwa R.* Russian politics and society. London; New York, 1993.
5. *Задорожник Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 12. С. 1104–1105.
6. Гельмут Шмидт о ситуации в стране // Пульс планеты (Вестник ИТАР–ТАСС). 25. XI. 1996. С. 8.
7. *Touraine M.* Le bouleversement du monde. Paris, 1995.
8. *Simon G.* Hegemon in Eurasien? // Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien (Köln). 1994. № 6. S. 44.
9. *Robin G.* Un monde sans maître. Paris, 1995.
10. *Maisonneuve E. de la.* Les clés d'un monde bouleversé // Futuribles (Paris). 1995. № 199. P. 79.
11. *Ohmae K.* The Rise of the Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 2. P. 79.

12. *Moreau Defarges Ph.* Relations internationales. Questions mondiales. Paris, 1994. Vol. 2. P. 99.
13. *Pascual de la Parte F.* Russia y la indentidad europea. Moscu, 1995. P. 7.
14. Hoover Library, Mikolayczyk Box 160. Assembly of Captive European Nations. First Session. Plenary meetings of September 20 and 21, 1954.
15. Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития // Славяноведение. 1994. № 6.
16. *Polskie partie polityczne.* Charakterystyki, dokumenty / Pod red. K. Paszkiewicz. Wrocław, 1996.
17. *Stadmüller E.* Przyszłość Polski w Europie lat dziewięć-dziesiątych w opiniach partii politycznych i społeczeństwa // Postzimnowojenna Europa. Ku jedności czy nowym podziałom? / Red. T. Zós-Nowak. Wrocław, 1995. S. 194.
18. Dokumenty i materiały II Kongresu SdRP // Informacje SdRP. Biuletyn. Warszawa, 1993. № 6. S. 13.
19. Česká republika v meniací Evrope. Praha, 1993. S. 24, 110–111.
20. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях // Сборник статей участников международной научной конференции, проходившей в Москве 27–30 января 1995 г. М., 1995.
21. *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
22. *Миллер А.И.* Об истории концепции "Центральная Европа" // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.

© 1997 г. *НОВОПАШИН Ю.С.*

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ ПОД ПЕРЕКРЕСТНЫМ ОГНЕМ

Подходит к концу XX в., завершающий второе тысячелетие христианского летоисчисления. На скрижалях истории, так сказать, этот век будет отмечен двумя кровопролитными мировыми войнами, ядерным безумием, а также безумием революционных фанатиков, стремившихся перестроить человеческую жизнь по утопическим меркам национал-социализма, с одной стороны, и коммунистического интернационализма – с другой. Какими многомиллионными жертвами сопровождалась попытка подобной "перестройки", теперь знают все желающие.

Например, хорошо известно, что больше всех запятали себя кровью соотечественников коммунисты. По самым умеренным оценкам, значительно больше 100 млн человек погибли в массовых репрессиях, перманентно проводившихся коммунистическими режимами СССР, Китая, Камбоджи, Вьетнама, Восточной Европы и Кубы. Профессор Гавайского университета Р.Дж. Раммел, свыше 30 лет изучавший, по его определению, "демоцид" (уничтожение народов), подсчитал, что за семь десятилетий, с 1917 по 1987 гг., марксистско-ленинские правители Советского Союза отправили на тот свет 62 млн человек [1. С. 7]. В уходящем столетии это абсолютный рекорд государственно-репрессивного безумия, не превзойденный и во всей человеческой истории. А Гитлеру, кстати, такой размах "революционных свершений" и во сне не снился, ибо за 12-летнюю деятельность возглавлявшегося им национал-социалистического правительства было уничтожено в ходе репрессий 200 тыс. немцев [2]. Таким образом, "превосходство" советского режима по сравнению с нацистским в деле безжалостной расправы с собственным народом иллюстрируется соотношением 1 : 310.

Можно также обратиться к внутривосточным сравнениям и отметить, что даже совокупные людские жертвы нашего Отечества в первой мировой войне, гражданской междуусобице 1918–1921 гг., во второй мировой войне и в послевоенный период¹ все

Новопашин Юрий Степанович – д-р филос. наук, профессор, зам. директора Института славяноведения и балканистики РАН.

¹В Европе послевоенным считается период с конца войны в мае 1945 г. до подписания в ноябре 1990 г. государствами континента, а также США и Канадой Парижской хартии, которая подвела черту положению, делившему большинство из этих государств на победителей и побежденных. Так вот, за 45 послевоенных лет, в течение которых СССР вроде бы ни с кем не находился в состоянии войны, около 300 тыс. солдат и офицеров его Вооруженных Сил лишились жизни (Венгрия, Чехословакия, Мозамбик, Эфиопия, Южный Йемен, Египет, Корея, Афганистан и тому подобные экзотические места выполнения "интернационального долга").

же много меньше кошмарных результатов 70-летней борьбы с собственным народом номенклатурной верхушки РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Ведь, скажем, если придерживаться официальной цифры советских безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., определенных ныне в 27 млн человек, нельзя не видеть, что большевистские душегубы уничтожили в 2,3 раза больше нашего народа, чем унесла минувшая война.

Мао Цзедун и его соратники с 1949 по 1987 гг., по данным Раммела, уничтожили 39 млн китайцев, тибетцев и представителей других национальностей. «Коммунистический "демоцид", – подчеркивает он, – фактически привел к гибели в четыре раза больше китайцев, чем войны и революции в этом столетии, в которых участвовал Китай» [1. С. 7].

Чтобы столь беспрецедентные преступления против человечества не были в грядущие века преданы забвению, президент США и конгресс еще в 1994 г. санкционировали создание мемориала жертв коммунистической системы (мемориал жертв нацизма и японского милитаризма был воздвигнут в Вашингтоне ранее). Билл Клинтон подписал соответствующий закон № 103–199 о сооружении "надлежащего международного памятника", преследуя при этом, как сказано в тексте закона, следующие цели: «Увековечить память более чем 100 миллионов ни в чем не повинных людей, погибших в результате деятельности Ленина, Мао Цзедунa и их последователей; ознакомить тех, кто приезжает в столицу страны, особенно молодежь, с коммунистической системой и разъяснить, почему Америка и другие страны вели "холодную войну" и победили в ней, что было оплачено столь большой кровью и потребовало столь значительных расходов; проводить исследовательскую работу и изучать влияние коммунизма на тех, кто находился и все еще находится в его власти, кто был поработан и остается поработанным, кому он угрожал и кто все еще находится под угрозой» [1. С. 8].

Иными словами, за рубежом, особенно в странах демократического Запада, давно уже разобрались с человеконенавистнической сущностью как национал-социализма, так и интернационал-коммунизма. У нас же еще десятилетие назад подход к кровавым деяниям революционных фанатиков правого и левого толка был принципиально различным. Национал-социалистическая модель так называемого нового общества отвергалась в качестве действительно человеконенавистнической, преступной, а коммуно-интернационалистская принималась за гуманистическую и единственно верную (вспомним повторявшиеся на каждом шагу Энгельсовы слова насчет учения Маркса, которое "всесильно, потому что оно верно"). Этого идеологического разделения придерживались и работники народного образования, и деятели культуры, и представители науки, не говоря уже о политической сфере. Не одно поколение обществоведов, например, было воспитано в этом духе, хотя разного рода сомнения в истинности марксистско-ленинского понимания мира, особенно новейшей истории, возникали у многих наших исследователей. Мало кто из них согласится, видимо, с тем модным сейчас, но примитивным утверждением относительно партийных оков, которые будто бы так сильно стесняли общественные науки, что последние вообще оказались не в состоянии двигаться вперед.

Движение тем не менее имело, конечно, место на всех этапах коммунистического единновластия, и не только за счет подвижников науки и литературы, публиковавшихся в "самиздате", "тамиздате", хотя их роль здесь не стоит преуменьшать. Но нельзя сбрасывать со счетов и того, что среди представителей вполне легальных в социалистические времена институций, т.е. профессорско-преподавательского состава вузов, работников научно-исследовательских учреждений, лекторов общества "Знание" и т.п., немало было таких, кто и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы не выказывал особой приверженности тогдашним догматическим устоям, старался придерживаться действительной картины исторических событий в собственной стране и за рубежом, даже если она не совпадала с вышеупомянутыми "устоями".

Познакомить через открытую печать со своими критическими взглядами гораздо

большее число людей, чем вмещали аудитории вузов или научно-исследовательских институтов, этим "возмутителям" идеологического спокойствия не всегда удавалось, ибо на пути нередко вставала партийная цензура (хотя и ее рогатки преодолевались подчас более или менее успешно). Устное общение со студентами, своими коллегами, выступления перед населением с лекциями обладали тем преимуществом, что предварительному цензурированию не подлежали если не с весны 1953 г. (смерть Сталина), то уж со времени XX съезда КПСС (весна 1956 г.) совершенно точно.

В качестве примера сошлюсь на личный опыт, ибо к чтению лекций по линии республиканского и всесоюзного обществ "Знание" привлекался три с лишним десятилетия, вплоть до декабря 1991 г., когда с распадом СССР распалась и вся система лекционно-пропагандистской деятельности в нашей стране. За все годы сотрудничества с обществом "Знание" никто и нигде не потребовал предварительно хотя бы конспективного изложения того, о чем я собирался говорить со слушателями². А надо заметить, что слушателей тогда на лекции, особенно публичные, собиралось много, на московских лекторов-международников ходили не только по партийно-комсомольской разнарядке, но и добровольно. На моей памяти, тысячные аудитории в Вильнюсе, Свердловске, Харькове и других крупных городах вовсе не были редкостью.

Тематика моих лекций, тесно связанная с основной работой в качестве сотрудника Института экономики мировой социалистической системы, а затем Института славяноведения и балканистики АН СССР, касалась положения в коммунистическом движении, актуальных проблем взаимоотношений СССР с другими социалистическими странами. Выносить подобные проблемы в открытую печать было не принято, не хотело этого в первую очередь руководство восточноевропейских стран – наших тогдашних союзников. Следовательно, ощущался дефицит информации по этим проблемам, и соответствующие лекции пользовались устойчивым вниманием у разных категорий населения. Лекторские кадры, рекрутировавшиеся в основном из научно-исследовательских институтов, старались отклиться на это внимание трезвым анализом заявленных вопросов, насыщением своих выступлений именно той информацией, которая не попадала в печать, на радио и телевидение. Смело заверить читателей, что широкому кругу наших сограждан, интересовавшихся международной тематикой, ученые-обществоведы, публицисты о многом дали реальное представление именно в 60–80-е годы. Поэтому, например, сообщения об антитоталитарных выступлениях в восточноевропейских странах в 1989–1991 гг. отнюдь не "свалились" на россиян как снег на голову, кое к каким неутешительным для коммунистической верхушки выводам они уже были подготовлены.

Утверждать обратное значит плохо ориентироваться в реалиях предшествующих десятилетий, плохо представлять себе в том числе лекционно-пропагандистские механизмы, оставлявшие достаточный простор для выражения новых подходов, критики закостеневших идеологов. Той критики, которая исподволь расшатывала прокоммунистическое общественное сознание и в числе других причин сыграла свою роль в происшедшей в конечном счете поляризации населения и властей по принципу "мы" и "они". В частности, я имею в виду ретивых ниспровергателей отечественного общественнознания, прежде всего академического, твердящих, подобно заместителю министра науки и технической политики РФ Г.В. Козлову (См. [3]), что оно неразрывно было связано с социальным заказом большевистско-номенклатурной системы и лишь обслуживало сугубо прикладные или политически престижные потребности этой системы. Давать такие характеристики могут разве что люди, весьма смутно представляющие себе пути развития гуманитарных наук в нашей стране, ничего не знающие о тех конкретных представителях этих наук, которые в немалой степени

---

²Разумеется, тайный контроль за содержанием публичных лекций со стороны КГБ практиковался. Мне еще в 60-е годы пришлось однажды столкнуться в Свердловске с бдительным "опером", попросившим через референта областного общества "Знание" А.А. Наколюшкина разъяснить, откуда у меня данные о 20-ти наших дивизиях в ГДР. Ссылка на западный источник его удовлетворила, ибо "проколом" считалось разглашение лишь отечественных сведений для служебного пользования или секретных.

способствовали массовому освобождению от ленинско-сталинско-брежневско-горбачевского идеологического дурмана.

В самом деле, ведь не Ельцин же с Черномырдиным или Ерин с Куликовым идейно расшатывали коммунистическую систему. Они, конечно, слышали о феномене "революции в умах", предшествующей политико-экономическим переменам, но не иначе, как в юности, в вузовском курсе исторического материализма. Подчеркну еще раз: антикоммунистической "революции в умах", без разветвления которой говорить о возможности и перспективах демократических реформ было бы пустым звуком, способствовали совсем другие люди. Достойное место среди них занимают ученые-обществоведы, работники академических институтов, вузовских гуманитарных кафедр.

Нынешние российские правители стараются, как видно, забыть о бескорыстных зачинателях демократических перемен из академической и вузовской среды, делая ставку на силовые структуры, послушных (но далеко не бескорыстных!) генералов и прочий чиновный люд, который ловко перебежал от старой, коммунистической спецкормушки к новой, еще более обильной и также безопасно огражденной от нищающего народа, включая академическую братию, штыками многочисленной госохраны.

Кстати, о нищающей академической братии здесь говорится не в каком-то переносном смысле, а в самом прямом. По официальным данным, в 1992–1996 гг. произошло 30-кратное уменьшение финансирования научных исследований. Предусмотренные, например, на прошлый год в правительственном бюджете расходы на науку составляли всего 0,5% от ВВП и являлись одними из самых низких в мире. Но и из этой мизерной суммы Российская академия получила только 65–70%. Отсюда понятно, почему средняя заработная плата работников РАН в два-три раза ниже средней по стране и с полным на то основанием относится к категории не достойного вознаграждения за квалифицированный труд, а нищенских подачек.

Из этой печальной для 57 с лишним тысяч научных работников РАН категории, быть может, следует исключить лишь те 2,5% этих кадров, которые имеют звание академика или члена-корреспондента. Они, дополнительно к своим основным окладам, допустим члена Президиума академии, директора института или его ведущего научного сотрудника, получают ежемесячно по 20 (академики) и 10 (члены-корреспонденты) минимальных окладов, что в настоящее время составляет 1 669 800 и 834 900 рублей. Плано-финансовое управление Президиума РАН эти суммы выплачивает с завидной регулярностью.

Однако такого никак не скажешь о тех ежемесячных добавках за степени доктора и кандидата наук в размере пяти и трех минимальных окладов, которые президентским указом и постановлением Правительства РФ от 1 июня 1994 г. предусмотрены всем "остепененным", а не только академическому начальству, но средств на которые институтским бюджетам до сих пор не выделено. Хотя, замечу в скобках, добавки эти трактуются КЗоТом как обязательная часть зарплаты научных сотрудников наряду с их ставкой по соответствующему разряду ЕТС.

Но остановимся все же на академических верхах. Даже если академик является членом Президиума РАН, оклад которого в 1,5 млн рублей, плюс за звание ему добавляют 1,5 млн, то это все равно меньше зарплаты – нет, не какого-либо крупного бизнесмена, банкира, директора завода и т.п., а, например, любого из шахтеров. Отнюдь не в пользу ученых также сравнение с чисто госбюджетными организациями типа ГУО, МВД, ФСБ и др. Если в подобных военизированных структурах даже младший офицер, лейтенант получает в среднем 1,5 млн. рублей, то в академической сфере до этой суммы не дотягивают оклады и таких представителей "генералитета", как директор института – доктор наук, профессор.

Катастрофическое падение в посткоммунистической России престижа академической науки, выражающееся, в частности, в парадоксально низком, просто позорном уровне государственного вознаграждения за эту разновидность общественно-полезного

труда, – признак тяжелой болезни страны, очевидного антиинтеллектуалистского сдвига в ее властно-управленческих структурах. Позорным уровнем оплаты труда научных кадров является, конечно, не столько для них самих, хотя нередко кандидату или доктору наук уже стыдно отвечать на вопрос, сколько он получает. Позорно это прежде всего для российских властей, которые на собственные нужды никаких денег не жалеют, создают в центре и на местах все новые начальственные синектуры, прикрываемые лицемерными разговорами о необходимости экономии, сокращения штатов и т.п.

Согласно статистике, на каждую тысячу населения России приходится ныне 200 чиновников. Если исключить из этой тысячи стариков и детей, а иметь в виду лишь работоспособных граждан, картина получается куда более удручающая, чем при царском режиме, когда, как нам с детства внушали, на одного с сошкой было семеро с ложкой. При социализме же, – пророчески замечал выдающийся русский мыслитель В.В. Розанов, – «один везет, а девятеро лодырничают... И думается: "социальный вопрос" не есть ли вопрос о девяти дармоедах из десяти, а вовсе не в том, чтобы у немногих отнять и поделить между всеми. Ибо после дележа будет 14 на шею одного трудолюбца; и окончательно задавят его» [4].

Так оно и получилось, и положение с застойных времен "развитого социализма" усугубляется, т.е. численность вороватого чиновничества только растет. Однако в прошлом, включая и коммунистическое, руки запускать в "закрома Родины" слугам народа полагалось "по чину", а ежели кто норовил ухватить без соответствия, то получал подчас по этим самым рукам от надзирающих инстанций, например от Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Теперь же над прожорливым российским чиновничеством никаких партийных инстанций не имеется, оно превратилось в абсолютно самодовлеющую величину. Приоритетные его заботы – о себе и о механизмах сохранения своего привилегированного положения (армия, МВД, ФСБ и пр.), а интересы гражданского населения, в том числе нужды народного образования, здравоохранения, искусства и науки, отодвинуты на задний план. Вот и налицо тот постыдный для России факт, что академическим работникам, как и работникам других сфер нормального жизнеобеспечения любого общественного организма, платят у нас гораздо меньше, чем во всех других посткоммунистических государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, переживающих аналогичные трудности перехода от тупиковой административно-командной системы хозяйствования к рыночной.

А между тем социально-экономическое положение нашей страны нельзя назвать самым худшим в этой группе государств, о чем, в частности, свидетельствует ниже следующее сравнение по такому результирующему показателю, как ВВП на душу населения (в долларах): Словения – 7 040; Венгрия – 3 340; Чешская Республика – 3 200; Россия – 2 650; Хорватия – 2 560; Польша – 2 410; Словакия – 2 250; Румыния – 1 270; Болгария – 1 250; Македония – 820; Албания – 380 [5]. Если же это так, то можно лишь повторить вывод об антиинтеллектуалистском сдвиге во властно-управленческих структурах Российской Федерации, об их преступной близорукости, которая вольно или невольно подталкивает общество к вырождению, к доминированию в нем "образованщины" и откровенных невежд, нерассуждающих клерков и на все готовых лампасников.

Устойчивым становится пренебрежение к специалистам с гуманитарным образованием: кабинетный идеолог не способен разобраться в действительных проблемах страны – производственно-технических, социально-экономических, оборонно-стратегических и т.п. Упаси Бог такому дорваться до реального права принимать важные решения, он-де дров наломает... Каждый, видимо, не раз сталкивался с подобными рассуждениями и не раз возникал в уме ответный вопрос: а разве выпускники строительных да нефтегазовых институтов, так сказать по определению, больше смыслят в государственных делах, чем обладатели дипломов гуманитарного профиля? По результатам посткоммунистического развития нашей страны положительного ответа что-то не просматривается. Скорее наоборот.

За рубежом, кстати, гуманитарное образование в большой цене. Никому там в голову не придет прямо или косвенно отождествлять специалиста-гуманитария (политолога, социолога, филолога, философа, юриста) с идеологом в том уничтожительном смысле этого понятия, что он ничего не умеет, к решению практических вопросов мало приспособлен, следовательно, к властно-управленческим механизмам его нельзя подпускать на пушечный выстрел из-за очевидной профнепригодности. В тех же Соединенных Штатах, на опыт демократической реализации властно-управленческих функций которых любят ссылаться при случае наши "прогрессивно мыслящие" политические деятели, 50% из состава правительственного кабинета имеет гуманитарное образование, а в Японии – даже свыше 70%.

Отдавая себе отчет в реальной, а еще более в огромной потенциальной угрозе усиления подобных тенденций, неблагоприятных для общества в целом и для его интеллектуального потенциала в частности и в особенности, многие сейчас задумываются о главном, т.е. о том, как, говоря словами депутата Госдумы Л. Завадской, "посадить власть за решетку, сделать ее контролируемой и ответственной. Человек, вот кто должен быть на свободе, – подчеркивает она, – а власть должна сидеть за решеткой. Я имею в виду правовую решетку, мы начинаем ее только выстраивать, она у нас еще совершенно демонтирована, она у нас не создана" [6].

Красноречивое признание. Пятилетие посткоммунистическая Россия уже просуществовала, а законоположений о механизмах контроля за вершителями наших судеб, расходом средств, выуженных прежде всего из наших же карманов налогоплательщиков, как не было, так и нет. Наверху не торопятся с созданием этих механизмов, ибо смешно в самом деле торопиться надевать на себя политико-правовую узду. Представляется, что научные работники, общественеды могли бы гораздо эффективнее, чем до сих пор, способствовать необходимой операции взнуздывания власть придержащих.

Во-первых, они вполне в состоянии аргументированно вскрывать подоплеку правительственного беспредела, в частности по линии удушения науки, показывать устно и письменно паразитическую сущность думских "слуг народа", пекущихся главным образом о респектабельности своего положения, величине депутатских окладов, которые, согласно ими же состряпанному регламенту Госдумы, не должны быть ниже министерских, и других привилегиях. Во-вторых, высокая квалификация отечественных общественедов позволяет продумать во всех деталях, так сказать, порядок сооружения того правительственного здания с правовыми решетками на окнах и дверях, которые исключили бы поползновения кого-либо из попавших в это здание вырваться наружу и совершить кровавое восхождение на Олимп диктаторского правления.

По прошествии пяти лет посткоммунистического существования России (язык не поворачивается назвать это развитием) у наших научных кадров наблюдается общественно-политическая апатия: демократическая эйфория 1989–1991 гг. прошла, с авансены современной отечественной истории доморощенных теоретиков антитоталитарных преобразований повсеместно оттеснили номенклатурные практики типа Бабичева – Рыбкина, Егорова – Лобова и им подобных. Последние пока не покушаются на право свободного научного поиска первых: дескать, твори, выдумывай, пробуй в своей исследовательской сфере, а не лезь в политику, где и без тебя тесно. Расхожим по этому поводу стало в академических кругах хорошо известное пессимистическое изречение: "За что боролись, на то и напоролись".

Однако с таким распределением ролей в нашем обществе вряд ли можно согласиться. Это значило бы отдать на откуп полуграмотной и вороватой номенклатуре дело определения путей дальнейшего развития страны, в то время как отсутствие одного за прошедший пятилетний период со всей очевидностью свидетельствует, что вчерашние руководящие сотрудники ЦК КПСС и секретари обкомов не способны к эффективной созидательной работе. С уходом большинства представителей антитоталитарного академического авангарда в свои узкие научно-исследовательские

проблемы практико-теоретический багаж демократических преобразований в России стал намного беднее. Понять, конечно, любого интеллигента, воочию, так сказать, убедившегося, что политика – дело грязное, и постаравшегося дистанцироваться от нее, можно, но оправдать подобную позицию все же нельзя. Не то сейчас время, чтобы замыкаться в собственной исследовательской скорлупе, освобождая тем самым соответствующую нишу интеллектуального воздействия на общество, которую занимает и должна занимать академическая наука, для всякого рода демагогов на манер Жириновского. Иначе суждение, согласно которому "российские ученые – самые трусливые ученые в мире" [7], из проблематичного перейдет в разряд аподиктических (утвердительных). Правда, воздействие на общественное сознание и чисто профессиональной деятельности академических специалистов, в частности историков, политологов, правоведов, филологов, экономистов и других, тоже представляется немаловажным и бесспорно возросшим за последние годы.

Именно в последние пять лет науку не стягивал идеологический обруч наподобие марксистско-ленинского, что содействовало утверждению методологического плюрализма, расширению перечня исследовательских приоритетов и появлению многих индивидуальных и коллективных работ, документальных публикаций, обозначивших собою новые рубежи в отечественной и мировой науке. Это стало возможным и потому, что широко распахнулись двери российских архивохранилищ, был снят гриф секретности с таких документальных фондов, как многие фонды бывшего ЦК КПСС, госбезопасности и Министерства обороны, недоступные для ученых в коммунистические времена.

Что касается методологического плюрализма, то речь идет о свободе придерживаться в своей научно-исследовательской деятельности: цивилизационного подхода в качестве общеисторической теории (философии истории) с такими его главными критериями, как знания, умения и желания человека; или формационного, сторонники которого исходят при определении стадий развития человечества из решающего значения "орудий труда", приписывая, по остроумному замечанию проф. Л.Б. Алаева, "роль демиургов камням и железкам" [8. С. 90]; или иной какой-то комбинации этих самых демиургов общественного прогресса. Методологический плюрализм, как констатировали участники одной из последних по времени дискуссий на эту тему, способствовал творческому оживлению отечественной науки, многим неординарным выводам ее представителей, опровергая тем самым разного рода утверждения газетных неофитов о закостенелости российских обществоведов, скажем историков, которые будто бы неспособны сбросить с себя марксистско-ленинские догматические путы [8. С. 75–90].

Свой посыл о расширении перечня исследовательских приоритетов прокомментирую примерами Института славяноведения и балканистики. Представитель любого другого академического института приведет, разумеется, массу других примеров. Так вот, если говорить в весьма обобщенной форме и ограничиться только новейшей историей, можно было бы указать на следующие исследовательские приоритеты, большинства из которых пять лет назад еще и в помине не было:

- изучение всех потоков российской эмиграции, осевшей в восточноевропейских странах, в том числе активно антисоветской, антикоммунистической;

- неидеологизированное рассмотрение межвоенного периода в свете направлений развития как отдельных восточноевропейских стран, так и региона в целом, включая проблему воздействия сталинского СССР, Коминтерна, с одной стороны, и ведущих западных демократий – с другой;

- международный и политико-правовой статус национальных меньшинств Центральной и Юго-Восточной Европы: Версаль 1919 г. – Париж 1946 г. – Хельсинки 1975 г. – Страсбург – 1995 г.;

- углубленная проработка причин возникновения второй мировой войны, ее хода, включая антифашистское и антисоветское сопротивление, и последствий послевоенного урегулирования для восточноевропейских стран;

– послевоенный период 1945–1990 гг., его этапы и оценка в целом; социалистический эксперимент как стержневая характеристика этого периода в плане распространения советской тоталитарно-коммунистической модели на восточноевропейские страны. СЭВ и ОВД в качестве инструментов военно-политического и торгово-экономического контроля СССР за сферой своего послевоенного влияния;

– политические кризисы и конфликты в этой сфере (разрыв Союзом отношений с Югославией в 1948 г. и с Албанией в 1961 г.; венгерская революция 1956 г. и ее подавление советской армией; "пражская весна" 1968 г. и ввод войск пяти стран ОВД в ЧССР; кризисы в ПНР 1956, 1976, 1980–1981 гг. и их последствия); крушение в 1989–1991 гг. "реального социализма" в регионе;

– посткоммунистическое развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы, социально-политические проблемы становления демократических структур.

Ясно, что без этого набора проблем нельзя сегодня и помыслить об истории XX в. применительно к восточноевропейскому региону. И многое на пути разработки данных проблем и доведения до стадии готовой печатной продукции уже сделано. Не буду утомлять читателей "Славяноведения" перечислением институтов индивидуальных и коллективных монографий, появившихся в последние годы, авторских статей сотрудников ИСБ в научной периодике, документальных сборников, словарей и т.п. – информация о новых книгах регулярно помещается в соответствующей журнальной рубрике, а в полном объеме за все годы существования института она содержится в специальном издании, посвященном 50-летию ИСБ РАН [9]. Замечу только, что за 1992–1996 гг. институт почти в два раза увеличил объем своей научной продукции по сравнению с "благополучными" (с точки зрения финансирования прежде всего) застойными временами. Ничего парадоксального в этом, конечно, нет, а напротив, подъем творческой, в том числе публикаторской, активности есть прямое и закономерное следствие устранения над наукой идеологического диктата, доминировавшей в недалеком прошлом классовой одномерности при характеристике исторического процесса, включая молитвенное отношение к вооруженному насилию и приписывание кровавым конфликтам роли, которую выполняет представительница одной из самых гуманных профессий – повивальная бабка.

Разумеется, не все наши обществоведы творчески активны, реальным фактом является известная политико-идеологическая усталость или апатия, о чем уже упоминалось, у некоторых преобладает позиция выжидания и т.д. Ведь научные работники – неотъемлемая часть общества, его интеллектуальной элиты. А последняя весьма неоднородна, отнюдь не все ее представители – сторонники демократических преобразований. Да и сами эти преобразования в России проблематичны. Есть, конечно, и обнадеживающие признаки: налицо относительно свободная пресса и частично открытое телевидение, никто не предписывает и ученым, что им делать и какие тезисы обосновывать. Но ключевым моментом все же остается тот, что нет в России функционирующей демократии с присущими ей институтами и четко разработанной системой разделения между ними политико-юридических прерогатив.

Нельзя в этой связи не согласиться со Зб. Бжезинским, который, выступая в Софии на одной из международных конференций, охарактеризовал российскую ситуацию в качестве "нестабильной комбинации авторитарности, плюрализма и анархии. И все еще неясно, – заметил он, – какая из этих трех тенденций победит в России. Существует даже символическое подтверждение этой двусмысленности. В политическом отношении страна порвала со сталинизмом и ленинизмом, осудила диктатуру прошлого. Но могли бы мы считать, например, германскую демократию действительно стабильной и эффективной, если бы самым охраняемым и посещаемым поклонниками памятником в Берлине был мавзолей с набальзамированным телом Гитлера? Но сегодня есть такой памятник в Москве, посвященный основателю ГУЛАГа и первому тоталитарному руководителю нынешнего века. Он все еще там, и причина этого коренится во все еще преобладающей политической двусмыслице" [10].

Можно здесь добавить, что дело не только в политической двусмыслице, т.е. в

непреодоленности влияния недавнего коммунистического прошлого на властно-управленческие механизмы нынешней России, ее экономику, сферу общественного сознания и общественной психологии. Дело также в непреодоленной азиатчине. Ведь выставлять напоказ набальзамированное тело умершего правителя – чистейшей воды азиатчина, нигде не встречающаяся западнее российских границ. Болгары, заимствовавшие у нас этот дикий обычай, т.е. тоже сохранявшие для обозрения набальзамированное тело Г. Димитрова, скончавшегося в 1949 г., вынесли его из мавзолея и кремировали в июле 1990 г. Урна с прахом Димитрова захоронена на центральном софийском кладбище. Столичный общинный совет принял 25 февраля 1992 г. решение, до сих пор, правда, не выполненное, о перемещении мавзолея с центральной площади на какое-нибудь другое место.

Но нашим властям, естественно, никто не указ, от коммунистической пуповины они оторваться не могут да, похоже, не особо и хотят. И эту политическую и, скажем деликатно, национально-историческую двусмыслицу многие не только постоянно замечают, но и решительно критикуют. Особенно это касается научных работников, обществоведов, которые доверяют сейчас демократической фразеологии Б. Ельцина и его сановитого окружения гораздо меньше, чем пять лет назад. Вряд ли прав А.С. Ципко, во всяком случае по отношению к научному сообществу, когда говорит "о поразительном легковерии, импульсивности, нетерпеливости, податливости к политической демагогии, характерной для русских и, кстати, сохранившейся до сих пор" [11].

Обобщения этого "пионера советского легального антикоммунизма", как он сам себя именует [12], очень сильно хромают. Время быстро и многому учит, особенно интеллигенцию. Среди ее представителей все меньше становится сторонников демагогических проектов построения с сегодня на завтра правового государства и вхождения в благополучную семью развитых демократических стран. Нам даже до Словении, Венгрии и Чехии еще очень далеко, а уж о западноевропейских странах и говорить не приходится. В то время как в России ВВП на душу населения составляет в годовом исчислении, как указывалось выше, 2 650 долл., у шведов, например, он равняется 26 365 долл., у американцев – 25 776, у французов – 22 500, а у японцев и вовсе 29 732 доллара [13].

Какие уж тут разговоры о демократических завоеваниях, великой державе и т.п. Истинное величие страны определяется не количеством ядерных боезарядов, ракет, танков и других наступательных вооружений, не размерами территории и населения, о чем так любят распространяться наши державники. Оно определяется духовным богатством, в том числе развитой и процветающей наукой, а также материальным достатком народа, свободой личности и ценностью человеческой жизни. Всего этого придется добиваться не одно пятилетие. Не приходится оспаривать того же Бжезинского, когда он заявляет: "Пройдет немало лет, прежде чем окончательно осядет пыль, но уже ясно, что посткоммунистический период в бывшей советской империи будет более трудным и намного более продолжительным, чем демократическая реконструкция Германии или Японии после 1945 г." [14. Р. 47]. И далее этот многоопытный политолог призывает поддерживать переход к демократии России и других восточноевропейских стран "с таким же рвением и щедростью, с какими Америка действовала после победы в 1945 г." [14. Р. 47–48].

Устами бы нашего зарубежного коллеги да мед пить... Но если даже особой щедрости ни США, ни многие другие благополучные западные страны не выказывают, все же упомянутый призыв в качестве стержня дальновидного международного подхода к слишком медленно меняющейся в демократическую сторону России и к другим государствам, возникшим пятилетие назад на просторах бывшего СССР, заслуживает самого пристального внимания. Хотя, разумеется, и Россия, и Восточная Европа в целом "должны сами вытащить себя за косичку из болота", как справедливо полагают германские ученые – авторы одного из докладов фонда Ф. Эберта, указывая на первостепенное значение собственных усилий стран этого региона. Но и они делают акцент на эффективной программе помощи при переходе к плюралистической полит-

системе и рыночному хозяйствованию. "Потери от крушения демократического будущего на Востоке, – говорится в цитируемом исследовании, – обойдутся значительно дороже стоимости программы помощи... Чем интенсивнее и теснее будут отношения между Востоком и Западом, тем больше шансов, что путь развития, на который Восточная Европа вступила в 1989 г., не будет покинут" [15].

В заключение остается отметить, что перед академическим обществознанием стоят важные задачи, во-первых, по ретроспективному осмыслению уходящего XX столетия, а, во-вторых, по созданию сценариев развития в XXI веке, во всяком случае в начальные его десятилетия. Эти задачи имеют как страноведческое направление своего решения, так и региональное и общемировое. Скажем, в ИСБ совместными усилиями историков, культурологов и литературоведов намечается развернуть работу по подготовке в 1997–2001 гг. однотомных историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. Предыдущие издания (например, "Краткие истории" соответствующих стран с древнейших времен до наших дней, увидевшие свет в 1989–1993 гг.) несли на себе отпечаток идеологизированного подхода к оценке исторических событий, в первую очередь событий XX в. Время вынесло по ним свой вердикт, не очень, конечно, лестный для авторских коллективов и высоких редколлегий. Хотя следует сказать, что разделы по древностям, средним векам и новому времени выдержали проверку на прочность, какой-либо серьезной критики по этим разделам не было. Слабым местом оказались разделы по новейшей, особенно современной истории, и теперь предстоит поправить положение.

Намечается также подготовить коллективную монографию по итогам десятилетнего (1989–1999) посткоммунистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, имея в виду осветить как страновой аспект, так и региональный. Правда, некоторые из нынешних лидеров восточноевропейских государств термин "посткоммунистическое развитие" подвергают сомнению на том основании, что-де «не для того мы мучительно старались избавиться от коммунизма, чтобы он оставался – хотя бы с приставками "бывший", "пост" и другими – навеки пришитым к нашим одеяниям» [16]. Однако, думается, это скорее эмоциональная реакция, чем логически выверенная позиция. Свое определенное содержание понятие "посткоммунистическое развитие" имеет и правомерно используется учеными и в политике.

Вышеприведенные два примера работ на перспективу отнюдь не исчерпывают исследовательских планов коллектива ИСБ РАН. Но эти примеры показывают, что сотрудники института понимают, что нельзя на рубеже столетий упустить время, что следует эффективно использовать накопленный за последние годы большой архивный и иной фактический материал для принципиально новых выводов, для создания обобщающих, этапных трудов. Создание подобных трудов будет иметь не только большое научное, но и политическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Вашингтон таймс" о планах создания в США мемориала жертв коммунизма // Мир и мы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1995. 1.VI.
2. Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 107.
3. Природа. 1995. № 11; Вестник Российской Академии наук. 1996. № 8.
4. Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 133.
5. Экономическое положение стран Центральной и Восточной Европы // Компас (Вестник ИТАР–ТАСС). 1996. № 45. С. 60–61.
6. Завадская Л. Выступление на научно-практической конференции // Московский комсомолец. 1995. 22. XI.
7. Тарасов А. Да здравствуют российские ученые – самые трусливые ученые в мире! // Независимая газета. 1994. 20.XII.
8. Методологические поиски в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

9. Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 283–362.
10. Збигнев Бжезинский о России // Мир и мы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1995. 4.IV. С. 4.
11. Ципко А. О Горбачеве, "предателях" и русской душе // Независимая газета. 1995. 6.IV.
12. Родина. 1995. № 6. С. 50.
13. Ланик А. Калоши Черномырдина // Московский комсомолец. 1996. 18.X.
14. Brzezinski Zb. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 4.
15. Даудерштедт М., Домитра М., Эрке М. Солидарность с Восточной Европой: сотрудничество вместо катастрофы. Бонн; Дюссельдорф, 1993. С. 137.
16. Havel V. A Call for Sacrifice: The Co-Responsibility of the West // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 2. P. 2–3.

© 1997 г. ЛАБЫНЦЕВ Ю.А.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В.В. БОГДАНОВИЧА – БЕЛОРУССКОГО СЕНАТОРА II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Ни в одном из специальных справочных пособий, посвященных белорусской литературе, даже в шеститомном библиографическом словаре "Беларускія пісьменнікі" [1], сведений о Вячеславе Васильевиче Богдановиче нет. Выдающийся литературный и общественный деятель, оставивший очень заметный след в истории белорусского национального движения, в возрождении белорусской культуры и языка, оказался забыт.

Причин подобного, в общем-то невольного, забвения немало. Главная связана с тем обстоятельством, что живший в ту пору в Вильнюсе Богданович был арестован осенью 1939 г. органами НКВД и пропал в застенках. Под запретом оказалось и все написанное им, тем более, что писал он в основном на религиозные темы. Была и еще одна весьма существенная причина. В. Богданович выступал против полного отделения Православной церкви в Польше от Церкви-Матери, против автокефалии, стал инициатором внутрицерковного сопротивления подобным устремлениям, оказался организатором приходской церковной жизни в Польше, получившей название "старой церкви", т.е. верной патриарху Тихону.

Сын православного священника Витебской губернии, Богданович, родившийся в 1878 г., получил высшее богословское образование. Уже в годы учебы в Киевской духовной академии, а особенно с началом работы в качестве инспектора Литовской духовной семинарии в Вильне, он увлекается литературной деятельностью, позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией Богданович переезжает в Рязань, откуда возвращается в Вильню уже после революции и осенью 1919 г. на правах ректора возобновляет занятия в семинарии. В октябре 1922 г. "по просьбе митрополита Георгия Синодом" [2. С. 9] Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и вывезли в Краков. Митрополит Георгий "захватил в свою власть и Виленскую епархию и семинарию..., епархиальный Совет был преобразован в Консисторию, а во главе семинарии был поставлен архимандрит Филипп (который после принял унию)" [2. С. 9–10].

Лабынцев Юрий Андреевич – д-р филол. наук, руководитель Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН.

Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 94-06-19676).

Тогда же, 20 октября 1922 г., Богдановичу, являющемуся ответственным редактором "Литовских епархиальных ведомостей", издававшихся по его инициативе Литовским Епархиальным Советом в 1921–1922 гг., из создаваемой Виленской Духовной Консistorии было направлено следующее сообщение: "Гражданину В. Богдановичу. Ввиду того, что по определению Виленской Духовной Консistorии издание Литовских Епархиальных Ведомостей прекращено, Консistorия уведомляет Вас, что Вы освобождаетесь от занимаемой Вами должности редактора Литовских Епархиальных Ведомостей, последующий номер которых предназначен Вами к выпуску, в данное время приостановлен" [3]. В 1922 г. Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где он многое сделал "для защиты православной церкви", что способствовало его известности "среди православных не только в Польше, но и во всем мире" [4].

Одной из центральных тем в литературном творчестве Богдановича была судьба общеправославного духовного наследия в новой Польше, которая теснейшим образом связывалась им с вопросом об автокефалии и решениями Московского Церковного Собора 1917–1918 гг. О Соборе им было написано несколько специальных статей, воспоминания и опубликован дневник участника Собора [5].

Собор виделся Богдановичу событием огромной важности не только в жизни Российской, но и всех православных церквей. Принципиальное значение его решения имели и для православной церковной жизни в границах новой Польши.

«Когда восстановлена была Польша, – писал Богданович, – и постепенно, сначала фактически, а потом и юридически определились ее границы, то в этих границах по разным статистическим данным оказалось от 4 до 5 миллионов православных. Факт этот выдвинул на первый план вопрос чрезвычайной важности – о юридической форме существования церкви православной в Польше. Высокие принципы, провозглашенные польской конституцией и первоначальное вольнолюбивое и приподнятое настроение польского народа казалось бы давали гарантию тому, что этот вопрос разрешен будет на основании принципа: "свободная церковь в свободном государстве". На это тем более можно было рассчитывать, что к тому времени в благоприятном направлении изменился и самый внутренний строй церкви, приняв так называемые "соборные" формы, как нельзя более соответствующие демократическому устройству государства. Народ-церковь должен был заключить союз с народом-государством, и если бы это осуществилось, то такого конкурдата никакая сила не могла бы разрушить. На несчастье, не знаю, благодаря чьим внушениям, думаю, что благодаря внушениям тех кругов, которые борьбу с православием считают выше интересов государства, правительство захотело идти иной дорогой, дорогой исторических ошибок, каковая дорога и привела к тому положению, которое мы видим теперь. Вместо того, чтобы заключить союз с целым православным народом, пользуясь услугами епископов только как высоких посредников, как представителей народа и выразителей его стремлений, – с этой точки зрения государство даже было обязано требовать от епископата формальных доказательств доверия со стороны народа, – вместо этого правительство решило, пользуясь недостойными услугами одного – двух иерархов, создать не истинную и с точки зрения канонической, и с точки зрения представительства иерархию и разговаривать с ней. Когда блаженной памяти патриарх Тихон назначил на Варшавскую кафедру в качестве временного экзарха архиепископа Георгия, правительство признало этот акт, а это значило, что признало и власть патр. Тихона, но когда этот последний в присланном им для руководства "положении", согласно с каноническими правилами православной церкви, назначение архиепископа Георгия на место постоянного митрополита "всей Польши" поставил в зависимость от собора, т.е. от доверия к нему православного народа, то правительство позволило ему исказить это "положение", выбросив из него все то, что заключало в себе начала соборности и признало его митрополитом всей Польши без Собора, а с патриархом были прерваны сношения. Этим правительство ясно показало, что оно не хочет разговаривать с православной церковью, как с православным народом, и таким образом выкопало между собою и народом яму, которую теперь трудно уничтожить» [6. С. 4].

Непримиримость Богдановича в вопросе об автокефалии Православной церкви в Польше стала причиной гонений на него и его сподвижников со стороны высшей иерархии в лице самого митрополита Дионисия. Позднее он даже был "отлучен от

польской православной церкви польской иерархией" [7], хотя и не принадлежал к новой церкви, всецело оставаясь в лоне Русской Православной Церкви. «Отлучать и лишать сана, – писал Богданович, – не могли нас те, кто не имел на это право, так как мы никогда не принадлежали к "Автокефальной Польской Церкви" и не были подчинены ей, а действительное наше духовное начальство (патр. Тихон) за верность канонам прислал нам свое благословение ... мы не отлучились от "Московской" ("Всероссийской") церкви, как не отлучились православные и других стран, и безусловно мы здесь представляем эту церковь. Теперь на всей территории Польши остался наш только один такой приход» [8. С. 10].

В силу сложившихся обстоятельств полемические мотивы в литературном творчестве Богдановича доминируют довольно долгое время. Такой оттенок носит и почти все, что было напечатано им в журнале "Праваслаўная Беларусь", выходившем в 1927–1928 гг. в Вильне. Собственно, журнал можно было бы с полным правом назвать печатным органом самого Богдановича, ибо именно он был главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемое властями и даже запреждалось ими. Такое положение не удивительно, ибо "Праваслаўная Беларусь" поднимала широкий круг жгучих проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролась за права белорусского народа, в том числе в общегражданской и религиозной сферах.

В своей писательской и senatorской деятельности Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер, независимый от конфессиональной ориентации. В этой связи весьма показательным его отношение к белорусам-католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений.

«Я был бы односторонним, – говорил В. Богданович на заседании Сената, – если бы не прибавил здесь несколько слов об отношении правительства к белорусам-католикам. Вследствие совершенно иного положения римско-католического костела в государстве здесь дело идет уже не о религиозных преследованиях, но и здесь ярко выступает существо отношения правительства к религиям, от которых оно требует действий определенного политического направления. На основании этого принципа безусловно попираются всякие проявления национальной жизни в церковной жизни белорусов-католиков. Отсюда видно, что в отношении р[имско]-католического костела правительство одинаково не хочет считаться с действительными нуждами самого народа. Только, вследствие иного строя в этом костеле и принятого конкордата с Апостольской Столицей, не имея возможности создать каноническое представительство, оно направляет свой гнет непосредственно на клир и народ, причем считает каждого католика-белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, – враждебно настроенным против государства.

Вот, например, против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свенцянского у., говорящего по желанию народа проповеди по-белорусски, возбуждено судебное дело, причем, по имеющимся в белорусском клубе данным, судебный следователь в отношении к кс. Годлевскому применил такую форму полицейского надзора, по которой этот белорусский ксендз должен через день являться для регистрации в местную полицию. Я спрашиваю коллег ксендзов-сенаторов, заставляли ли когда либо ксендзов в русские царские времена через день являться для регистрации к уряднику.

Когда Виленский р[имско]-католический епископ выслал в Жодишки специальную комиссию, составленную только из ксендзов-поляков с целью расследования существа дела, местная полиция стерроризировала народ, принеся на костельный погост пулемет и целясь в безоружную толпу богомольцев. Несмотря на этот террор полиции белорусское население в значительном большинстве высказалось за употребление белорусского языка в костеле.

Ксендза В. Шутовича, настоятеля в Бородничках, ведущего преподавание Закона Божия в школах на белорусском языке, местные польские учителя по приказу Дисненского инспектора народных училищ безобразным образом физической силой не допускают в школу.

За употребление белорусского языка уволены с должности школьных префектов ксендзы Семашкевич, настоятель в Лаворышках и Петровский, настоятель в Долгинове.

Белорусскую католическую прессу, освещающую факты преследования в белорусско-католической жизни и заступающую за преследуемых, беспощадно конфискуют. Из-за этого в прошлом месяце конфисковали № 20 и 22 белорусского журнала "Криница".

Миную из-за недостатка времени бесчисленные другие факты. Вспомню здесь еще только о весьма характерном в этом отношении факте, о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов "Светочь" религиозно-просветительного характера» [б. С. 10–11].

Будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения, Богданович оставался сторонником самого тесного белорусско-русского сотрудничества, а в условиях политической жизни межвоенной Польши – "белорусско-русского блока", действенность которого с особой силой проявлялась в период парламентских выборов. Во многом основой для такого единения служило православное культурное наследие, в сбережении и защите которого роль Богдановича была, без преувеличения, выдающейся. Примеров тому множество. Отметим лишь его призывы в Сенате к недопущению разрушения Варшавского Александро-Невского кафедрального собора.

"Достаточно пойти на Саскую площадь, – говорил в отчаянии Богданович, – и посмотреть на оголенные купола наполовину разрушенного собора. Не говорите, господа, что он должен быть разрушен как памятник неволи. Я бы сказал, что пока он стоит, то является наилучшим памятником для будущих поколений, поучаючи их, как нужно уважать и беречь свою Родину; разобранный же будет памятником – позорным памятником нетерпимости и шовинизма! Нельзя не обратить внимания на то, что в этом соборе есть выдающиеся художественные произведения, в которые вложено много духовных сил лучших сынов соседнего народа, – и те, кто создавал эти произведения искусства, не думали ни о какой политике. Польский народ чувствует это, а также угрожающее значение этого поступка, и уже сочинил свою легенду относительно разрушения собора... Но наших политиканов это никак не трогает. А вот приезжают иностранцы, – англичане, американцы, – с удивлением взирают на это, фотографируют и фотографии распространяют по всему миру – естественно, вместе с мнением о польской культуре и цивилизации..." [9].

В роковом для того времени выборе "народ и интеллигенция" Богданович постоянно склонялся на сторону народа, о чем не боялся откровенно писать, объясняя, а порой и защищая свою позицию. Вообще, понятие "народ" имеет у него поистине вселенское значение, хотя применительно к условиям конкретно-историческим это у Богдановича прежде всего этническая и этнополитическая категории. Особенно сложным является у него по своему наполнению определение "православный народ", тесно связанное с такими явлениями как традиция и соборность. Идее соборности Богданович посвятил многие свои работы. Идея эта стала одним из самых значимых элементов его собственной литературной доктрины, его отношения к миру и церкви. Можно даже сказать, что соборность, по мнению Богдановича, выступает как особая сила, определяющий вектор в судьбе всего "православного народа" и отдельных его представителей, таких, например, как патриарх Тихон. «Не только он сам, – писал о патриархе Богданович, – но и могила его служит теперь неким объединяющим стягом, возле которого группируется вся бывшая Святая Русь, как возле тех, кто отошел от него – группируется "Русь поганая" ... И это инстинктивно чувствуют как враги Церкви, так и люди простые, но сильные своей верой, хотя подчас это еще непонятно для "премудрых и разумных"» [10].

В своей оценке миссии патриарха Тихона в истории православия и России Богданович оказался близок протопресвитеру Терентию Теодоровичу и нынешним внутрицерковным взглядам, отличным от суждений некоторой части тогдашней российской эмиграции, вполне объясненным самим сенатором остротой политического момента, превалированием сиюминутности над вечностью.

«В наши дни – господства политики и политической разногласности еще нельзя с полной ясностью представить себе тот величественный подвиг христианской любви, который понес на своих плечах патриарх во время государственной и церковной разрухи в России. Час оценки этого подвига еще не настал. Для русских эмигрантов и до сих пор еще душу "омрачает мысль" (см. фельетон Арцыбашева в газете "За Свободу" за 10-е марта 1925 г.) о том, что патриарх признал советскую власть и отказался в то же время послать благословение войскам генерала Деникина. Ничего удивительного, ибо изболевшимся политическим душам так хотелось бы видеть в патриархе политического борца за их идею, – видеть его на своей стороне. И патриарх знал, что своим отношением к большевистской власти он накликает на себя гнев всей русской интеллигенции, однако пошел на это, пожертвовал даже свою собственную политическую репутацию дабы только сохранить влияние и связь с массами православного народа, которые тогда или осознанно или неосознанно не шли и не хотели идти вместе с "белыми"» [10].

Ключевая проблема, о которой Богданович много писал вплоть до своего ареста в 1939 г. – "церковь и государство". Уже в самых ранних своих произведениях, посвященных ей, он очень точно нарисовал историческую картину феномена этих взаимоотношений, определил для СССР "тот крайний вид социализма (коммунизма), который сам фактически стремится стать религией" [11]. Без сомнения, все, что было написано Богдановичем на эту тему, не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула сосуществования церкви и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий, для новой Европы. Увы, для Польши 1920–1930-х годов, а тем более СССР, предлагаемое Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц, весьма опасных для государства, которое неоднократно применяло к нему всевозможные репрессии.

Богданович являлся не только отвлеченным мыслителем, "бумажным доктринером", но и весьма деятельным воплощением своих идей в жизнь. Он был и умелым политиком, сплотившим вокруг себя большое число однодумцев, организатором особой православной партии¹ и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им "Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей белорусского национального комитета и русского народного объединения в Вильне" [12; 13].

"Мемориал" весьма жестко расставлял акценты в отношении автокефалии Православной церкви в Польше и ее внутреннего устройства: "1. Православный народ считает необходимым безотлагательный созыв Всепольского Православного Собора на основе правил, выработанных на Всероссийском Соборе в Москве в 1917–1918 гг. 2. Православный народ не будет враждебно относиться к Автокефалии Православной Церкви в Польше, если только она будет основана на церковных канонах и признана на выше указанном соборе (Всепольском – Ю.Л.)... 5. Высшая духовная власть в Польше должна быть выборной..." Со всем этим государственные власти Польши согласиться, конечно же, не могли, тем более, что сенатор Богданович давно и весьма настойчиво на самом высоком уровне пытался решить жгучие вопросы церковного бытия, бесстрашно и весьма умело критикуя правительство.

«Одним из главнейших таких вопросов является вопрос об автокефалии – говорил он. – Правительство, работая совместно с официальной иерархией, очень поспешно разрешило этот вопрос без всякого участия клира и церковного народа. Не решаясь судить о том, какое постановление по этому делу принял бы церковный народ, вся церковь, если бы ей была дана возможность выразить свое мнение путем каноническим, т.е. на соборе, я категорически утверждаю, что разрешение этого вопроса правительством и иерархией без клира и народа не может иметь ни канонического значения, ни жизненной крепости. Многочисленные аналогичные опыты в истории Литвы и Польши ясно говорят об этом. Не укрепляет этого дела и участие в нем Константинопольского патриарха, который ни

¹ Политической партии под названием Православно-Белорусское демократическое объединение [14].

фактически, ни юридически не является главою православной церкви в Польше. Наоборот, его участие компрометирует это дело, ввиду обнаруженных близких сношений его с неканонической "живой церковью" в Советской России» [6. С. 7].

Пожалуй, совершенно особенным было положение Богдановича как литературного полемиста в отношениях с высшей иерархией Православной церкви в Польше. Противостояние сенатор Богданович – митрополит Дионисий раскрывает сложнейшую систему взаимоотношений и церковного строительства в возрожденной Польше, трагичность обоих сильных фигур, в конечном счете ратовавших за одно и то же, но предложивших пути противоположные, даже взаимоисключающие, следование по которым в любом случае приводило к потерям, как показала история, возможно, необратимым, если бы был избран тот, по которому Православная церковь в Польше не пошла.

Также как и теме соборности в жизни церкви, Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. По поводу же сосуществования русского и белорусского языков он писал: "Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению... Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная, догматы ее, соборное начало в управлении и церковно-славянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви" [15].

Богданович подчеркивал существенную роль православных белорусов и особенно украинцев в развитии великорусского языка и культуры. Потому «чистым недоразумением является то утверждение, будто общепринятый в настоящее время в быв. Всероссийской Церкви выговор церковнославянских слов – "московский" выговор. Ничего подобного. Этот выговор создало и укрепило по всей Св. Руси именно украинское духовенство в эпоху своего полного и совершенного преобладания и господства в России, начиная от Петра Великого вплоть до Екатерины II» [16. С. 25].

Тема церковнославянского языка и его значения для славянства стала одной из самых главных в литературном творчестве Богдановича. Ей он посвятил многие свои работы, среди которых центральное место занимает трактат "Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная данность" (Гродно, 1938). Сенатор был последовательным сторонником сохранения церковнославянского языка в литургической практике. Исполняя завет патриарха Тихона об искоренении попыток ввести в богослужение русский язык вместо церковнославянского, опубликованный Богдановичем на страницах редактировавшихся им "Литовских епархиальных ведомостей" [17. С. 1–2], он оставался верен идее решения этих и иных "возникших вопросов об исправлении в нашем богослужении" на "будущем Соборе", ибо "бывший в 1917–18 гг. Церковный Собор в Москве ... не имел времени закончить своих работ" [17. С. 2]. "До того времени", т.е. до созыва "будущего Собора, когда он состоится", следует "воздержаться от богослужебных нововведений, дабы неосмотрительностью в сем деле не подать повода к смущениям среди верующих и не вызвать губительного разделения в церкви" [17. С. 2].

В одной из своих ранних работ, написанных в ответ на нелепые обвинения с польской стороны в москвофильстве и даже большевизме, в связи с отстаиванием церковнославянского языка в богослужении он писал:

«Вопрос о славянском (церковнославянском – Ю.Л.) языке в богослужении для нас столь важен и интересен, что мы когда-нибудь в другое время рассмотрим его в специальной статье. А теперь дадим лишь короткий ответ. В том, что мы стоим за славянский язык в богослужении, нет ни особого русофильства, а ни тем более большевизма, ни демагогии. Удивительно, что это приходится объяснять газете, в которой работают все же не безграмотные люди. Славянский язык, как известно "Słowu", употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он

некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас, белорусов, церковно-славянский язык является *исторической основой нашей культуры*... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка? Борьба с ц.-славянским языком как раз и является одним из большевистских лозунгов. Большевики не только выгнали его из школ и из советской жизни, но и поддерживают борьбу с ним в церковной жизни через те церковные группы (обновленцы, живоцерковники), которые склонились к большевистской идеологии. К сожалению, отсюда эта борьба с [церковно]-славянским языком перекинулась и в Польшу, на Западную Украину и, как можно видеть из газет, поддерживается Правительством и уже внесла в гущу украинского православного народа нежелательный для них раскол и внутреннюю борьбу. Вот тут и пошли в ход демагогические политические лозунги, которыми и стараются подогреть эту борьбу. Этого мы и не хотим для белорусского народа. "Słowo" утверждает..., что всю белорусизацию церкви мы ограничиваем только проповедями в церкви на белорусском языке. Это неправда, ибо мы стоим за родной язык и в духовной школе и во всей административной жизни церкви. Не исключаем и так называемого "дополнительного богослужения" на белорусском языке, которое в свое время разрешил (вернее, разъяснил, так как это и ранее не запрещалось) патриарх Тихон еще в 1921 г. А когда славянский язык останется в основном богослужении белорусского народа, то это ничуть не помешает его национальному возрождению и росту его родной культуры, а даже поможет этому. Не помешало же национализму польского народа употребление латинского языка в костеле... Однако же латинский язык для поляков, как славян, чужой, а славянский для нас – свой» [8. С. 9].

Один из ближайших сподвижников и однодумцев Богдановича протоиерей Лука Голод, автор большого числа литературных работ, о котором нынешние издания даже не упоминают, высказался еще более категорично о значении церковнославянского языка для белорусского национального возрождения: "Славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка" [18].

Позднее, незадолго до начала второй мировой войны, Богданович подвел некий итог своей многолетней полемике в защиту церковнославянского языка:

«...Политиканствующие из наших украинцев и даже белорусов (реже), воюют против церковно-славянского языка, да еще как "русификационного средства", забывая, что он лег в основу их собственной так же, как и культуры великорусской. Политические мотивы и предубеждения заставляют умалчивать о том, что их знаменитые родичи, эти Епифании Слобинецкие, Мелетии Смотрицкие, Симеоны Полоцкие, Димитрии Ростовские, Феофаны Прокоповичи и пр. не менее потрудились над развитием даже, и того же "великого, могучего, свободного и правдивого языка", как и Ломоносовы и внесли в дело выработки его филологического содержания и форм много "русских", т.е. украинских слов и оборотов.

Отсутствие чутя к прекрасному мешает таким людям преодолеть на пути к красоте малейшие политические воспоминания и заставляют их часто находить политику там, где ее нет и быть не должно – в сфере религиозной. Не даром такие отрицатели выходят большею частью из среды малоцерковной и мало религиозной, даже часто антирелигиозной, т.е., по существу, малокультурной, а следовательно и далекой от народной души. Народные массы никогда почти не обманывающиеся в своем национальном инстинкте, твердо стоят за церковно-славянский язык; и слава Богу, идя за ними начинают, кажется, отказываться от гонения на родной богослужебный язык, т.е. на источник своей культуры, даже и этого рода деятели.

Мы ничуть не думаем насиловать ничьей свободной воли. Если украинцы и белорусы, хотя и сами вложили много труда и сокровищ своего языка в литературный русский язык, теперь все-таки желают создать свой отдельный, более близкий к разговорному народному языку литературный язык, – пусть создают. Это их воля. Но невольно здесь хочется им дать совет в этой их национальной работе не отрываться от культурных основ своего языка, т.е. от языка церковно-славянского, чтобы тем не "обобрать" – самих себя» [16. С. 19–20].

Вместе с тем и сама Польша являлась некогда носительницей церковнославянского языка, а "св. Мефодий и Кирилл признаны святыми и в римско-католической церкви, а их перевод священных и богослужебных книг в свое время получил благословение папского престола... Следовательно, эти святые братья... являются связывающими между славянами и между восточными и западными церквями" [16. С. 4].

«Судьба церковно-славянского языка в Польше для нас, конечно, наиболее интересна. Посеянное здесь св. братьями христианство в церковно-славянским богослужебным языком и восточным обрядом вытравлено было потом латино-немецкими проповедниками далеко не сразу и не без тяжелой борьбы, которая продолжалась от девятого вплоть до тринадцатого века. Долше всего славянский язык и восточный обряд держались в областях Познанской и Краковской. В Познанской епархии только сто лет спустя после Кирилло-Мефодиевских проповедников укрепился латино-немецкий епископ Иордан (967 г.).

Большинство историков, в том числе и многие польские, считают, что Мечислав I, или Мешко, был крещен по восточному обряду и лишь перекрещен латинскими проповедниками. После него еще долго в Польше существовало разделение на латынников и славян (Bielowski). В XII в. Краковский епископ Матвей и польский боярин Петр Властович пишут письмо св. Бернарду с просьбой приехать в Польшу "для искоренения обряда нечестивых русских", а еще в половине XIII в. в Краковской епархии посты соблюдались не по латинскому, а по византийскому обряду. Только с половины тринадцатого века борьба двух влияний, латино-немецкого и византийско-славянского, можно считать, закончилась в пользу первого, т.е. как раз, когда такая же борьба начала загораться и на Востоке Польши с присоединением к Польше литовско-русских и украинско-русских земель» [16. С. 12].

Будучи личностью всесторонне художественно одаренной Вячеслав Васильевич был извещен и как композитор, автор нескольких популярных романсов и других музыкальных сочинений, в их числе знаменитой "Зорьки Венеры" на слова Максима Богдановича. Едва ли не первым В.В. Богданович стал писать агиографические произведения на белорусском литературном языке нового времени. Пожалуй самое известное среди них "Св. Віленскія мучанікі і дзіватворцы Антоній, Іоанн і Евстафій – патроны Беларусі". В предисловии к их житию, составленному Богдановичем, он писал:

"Православная вера на Беларуси всегда была крепка любовью и привязанностью к ней ее сынов. Воспитывали эту любовь, эту силу чистое, правдивое сердце белоруса, его вековечное горе и недоля, его безрадостное, тяжкое житье, когда человеку остается только одна утеха – обращаться со своей мольбой, своей тоской к небу... И на протяжении веков не было веры сильнее, слез горячее, усердней молитв, как вера, слезы и молитвы к своим родным небесным покровителям и заступникам – св. мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию из родной близкой и дорогой белорусам Вильны. Тяжелые переживания мировой войны и перемен, которые вызвала она, оторвали нас – но только не в чувстве, не в памяти народной – от наших святых покровителей. И вновь близится время, когда уже сможем, как и всегда ранее, прямо нести им, на их Отчизне, наше горе и радости, наше счастье и недолю, и просить их небесного заступничества для нашей – как говорят – Богом и людьми забытой белорусской хаты и вески. Вспомним житие и страдания св. мучеников, дабы они были примером для всех, кто чувствует вокруг себя отсутствие веры, – дабы их крепкое стояние за православную церковь поддержало тех, кто под тяжкими ударами жизни готов соблазниться, надломиться и оставить богатство, унаследованное от отцов и дедов" [19].

Не следует думать, что политическая и внутрицерковная деятельность Богдановича были осуждены лишь митрополичьей властью в Польше. Нашлись и отдельные рядовые священнослужители, которые вслед за высшими церковными кругами выступили против него с весьма грозными обвинениями, в подавляющем большинстве совершенно абсурдными. Так, например, священник Виленской епархии В. Гапонович в обширном "Открытом письме... бывшему секретарю Литовского Епарх. Совета В.В. Богдановичу" восклицал: "... За время стояния Вашего у руля управления литовской Епархией... понижалась власть патриарха Тихона..." [20]. Любопытно, что все это

пишет будущий "перелет" перешедший через три года в неоунию², один из ее активных творцов на Белостотчине [21]. Впрочем, в письме этом есть еще более резкие слова: "...Вы попрали волю Святейшего Патриарха-мученика за веру православную..." [20]. Справедливости ради следует заметить, что письмо Гапоновича носит все признаки доноса, причем доноса политического, и недаром его отказались печатать виленские светские газеты, не подвластные новой церковной иерархии³, а поместили возобновленные после отставки Богдановича "Литовские епархиальные ведомости" в первом своем номере, вышедшем 1 ноября 1922 г. Подобная быстрота обвинений и их неприкрытый политический характер скорее всего объясняются не мстительностью отдельных лиц и их желанием угодить высшей церковной власти, а тем, что 5 ноября 1922 г. должны были состояться выборы в парламент Речи Посполитой, в который от Виленщины баллотировался всем хорошо известный здесь Богданович. Он победил на выборах, стал "первым белорусским сенатором" и даже возглавил "церковно-религиозную комиссию" в Белорусском Посольском клубе, одну из основных задач которой видел в "борьбе за внутреннюю свободу церкви", за то, "чтобы она была независимой от влияния государственной власти, чтобы она была исключительно духовным институтом..." [24. С. 11]. И Богдановичу действительно удалось возглавить довольно внушительную белорусскую парламентскую коалицию, реализовывавшую его планы, причем "эти церковные вопросы активно решались в Сейме не только православными послами, но и послами-католиками" [24. С. 12].

Являясь одним из лидеров белорусского национального движения в межвоенной Польше, Богданович установил самые дружеские отношения с русскими эмигрантскими кругами и был известен как лицо, получавшее их поддержку на выборах. "Временный Русский комитет по выборам в Вильне" распространил весной 1928 г. призывы, фрагмент которых необходимо процитировать:

"Мы призываем всех русских идти вместе с Блоком Нац. Меньшинств в Польше, с Белорусским Центральным Объединенным Выборным Комитетом Блока Нац. Меньшинств, который в лице своих представителей в прошлом Сейме и Сенате, стойко отстаивая права нац. меньшинства, тем самым отстаивал и наши права, а также общие нам, русским, с белорусами права славянского меньшинства, связанного общностью происхождения, общей родиной, наконец, общею матерью – Русскою Православною Церковью, самоотверженно борясь за свободу и независимость последних. Пострадавшие в борьбе за общее благо, они обрели русское нац. доверие. Отдадим же решительно наши голоса на выборах Бел. Центр. Объед. Выборн. Комитету Блока Национальных Меньшинств!

Все русские за список № 18, в числе кандидатов которого значится б. сенатор В.В. Богданович! И да не будет у нас, русских, другого списка!

Мы ничего не обещаем, мы призываем всех русских к исполнению гражданского долга, к труду во имя общего нац. освобождения, ибо только таким путем наши представители смогут выполнить возложенные на них задачи.

Да здравствует Блок Нац. Меньшинств!

Да здравствует славянское единение белорусов и русских!

Да здравствует Русская культура!" [25].

Вне всякого сомнения, подобные слова и взгляды появились во многом и благодаря деятельности Богдановича, внутрицерковной, политической, литературной. Ему удалось сплотить различные национальные силы на основе общеправославного, общецерковного единства. Объединить мнения и чаяния "православного народа", основу которого составляло местное белорусское крестьянство, а меньшую, но наиболее образованную часть, этнические русские, в значительном числе эмигранты, и те, кто

---

² О неоунии подробнее смотрите в книге К.Н. Николаева, живого свидетеля ее возникновения в межвоенной Польше [22].

³ Через два года после этого случая протоиерей В. Гапонович 14 августа 1925 г. доносит митрополиту Дионисию на одну из этих газет, русскоязычное "Виленское утро", которое категорически отказалось помещать на своих страницах в 1922 г. письмо В. Гапоновича [23. С. 17–18].

считали себя русскими⁴. Не случайно, что многое из написанного Богдановичем он адресовал "живущим здесь православным русским, в уверенности, что они полюбят этот край, его язык и его национальные особенности" [15].

Это и для них, и для русских эмигрантов он написал о своем народе слова, которые хорошо понятны и без перевода:

"Прайшлі вякі, для беларускага народа вякі цяжкія, ліхія, жорсткія. На працягу іх змяніліся людзі, усе парадкі жыцця, культура, лад гаспадарчы, соцыяльны, дзяржаўны... Самая зямля прызбала йнакшы выгляд... Не змянілася толькі тое, што складае самую душу народа – яго вера, яго мова родная. Да сённяшняга дня ня згубіў наш народ многапакутны гэтага свайго багацця. Ня згубіў, ня гледзячы на тое, што жэрабем яго жыцця зауседы былі толькі нуда, цемра, пакута, векавечная няволя – нядоля. Ня згубіў толькі дзякуючы таму, што гуртаваўся каля свайго нацыянальнага сцягу, што ня здрадзіў сваім гістарычным сьвятыням"⁵.

⁴ Характерный пример русского, ведущего свою родословную от исконных жителей здешних мест, мы находим в лице Александра Калининвича Свитича, более известного в среде русских эмигрантов межвоенного периода под псевдонимом Туберозов. Член Предсоборного Собрания во II Речи Посполитой от Варшавско-Холмской епархии, директор издательства "За Свободу", талантливый журналист и писатель, он был сыном священника Виленской епархии, умершего в 1928 г. [26]. Свитич называл Богдановича "виднейшим церковно-общественно-политическим деятелем того времени" [27].

Более сложные примеры русских, местных уроженцев, видим в Союзе Русских Студентов Университета Стефана Батория в Вильне и особенно в академическом конвенте "Ruthenia Vilnensis при Университете Стефана Батория, отдельные члены которого определяли свою национальную принадлежность латинским словом "ruthen".

⁵ Нам представляется принципиально важным для понимания творческой манеры и взглядов Богдановича на судьбы России его доклад "Трагедия Гоголя", прочитанный на вечере по случаю 75-летия со дня смерти писателя, устроенном Союзом русских организаций 19 марта 1927 г. в Варшаве. Фрагменты доклада мы помещаем с сохранением некоторых языковых особенностей оригинала.

«У Гоголя, как у настоящего романтика, была своя "дама сердца". Было одно существо, которое он любил всею своей душой, любил до конца безраздельно и без оговорок, ради которой он мечтал и о подвигах и о жертве, и этою его "прекрасною дамою" была – Русь!..

Не Россия, т.е. не официальная тогдашняя Россия, которая была для него в значительной степени "плевелами" на поле, засеянном доброй пшеницей, или большей частью бесконечно любимой им его дамы – Руси. Нужно было рвать эти плевелы, но пора ли, пришло ли время жатвы? Нужно очищать поле, но ведь корни плевел так тесно и цепко сплелись с корнями пшеницы, ведь операцию нужно произвести на живом теле любимого человека! Здесь трагедия Гоголя достигает высшей своей точки. С одной стороны, он не мог "Из своего прекрасного далека", из Италии, он хорошо видел свою прекрасную даму с ее честью и достоинствами, которые, однако, рисовались ему слабо и мутно в атмосфере его идеалистических мечтаний, но больше с недостатками, которые так ярко и резко вырисовывались на этом радужном фоне, которые так и просились под его сатирическое перо. И Гоголь весь отдался этой работе. Но этого последнего уже не выдержала его душа, не выдержала томительных непонятных предчувствий... Последние дни жизни Гоголя погружены в глубокий религиозный мистицизм. Его переписка с друзьями еще как будто мечтает о возвращении и задержании скачущей тройки, но уже объяснение божественной литургии как бы говорит об одном: вернуть уже поздно, дело сделано, России суждено испытать тяжелые потрясения, теперь уже не предотвратить их, а нужно лишь каяться и молиться около Бескровной Жертвы, чтобы те страдания, которые ей суждено перенести, не остались страданиями возмездия и кары, а стали бы страданиями искупления и грядущей славы Воскресения.

С этими мыслями умер Гоголь.

Современное русское общество не поняло ни пророческих ужасов, ни этого религиозного порыва Гоголя. В лучшем случае оно отнеслось с сожалением, в худшем с насмешкой к своему пророку, чем еще более увеличило его трагедию, заставив пред смертью осудить себя. Но мы, последующие поколения, кому судьба судила стать свидетелями того, что видел Гоголь в своих пророческих видениях, – мы не только должны снять с него это осуждение, но и оправдать и возвеличить Гоголя, не только первой, но и последней половины его жизни и поклониться Гоголю и писателю и человеку. Он не зарыл своего "жестокого таланта" в землю, но и не злоупотребил им. Давая Руси опасное, но нужное лекарство, он указал и тот режим, то сдерживающее средство, при условиях наличности которого обеспечивалось его действие. Этот режим и это средство – вера и церковь. "Кто льет часто душевные глубокие слезы, тот кажется, более всего смеется на свете", сказал Гоголь. "Блаженны плачущие, ибо они утешатся", сказала Евангелие. Не Гоголь виноват, что в следующих поколениях России взяли верх те, кто с радостью встретили его смех, но не хотели знать

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. Мінск, 1992–1995. Т. 1–6.
2. *Васілевіч В.* Віленская прываслаўная сямінарыя // *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 4.
3. Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas. F. 605. № 1433. L. 1.
4. Сябра. Беларуская выбарная справа // *Праваслаўная Беларусь.* 1928. № 6. С. 10.
5. *Багдановіч В.* 10-гадоў таму назад: З успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору ў часе бальшавіцкага пераварту // *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 5, 6; 1928. № 1–7.
6. Речь сенатора В.В. Богдановича, произнесенная 23 июня 1925 г. на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства исповеданий и просвещения. Вильно, 1925.
7. Słowo. 1927. № 279. S. 1.
8. *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 6.
9. Сын Беларуса. 1924. № 22. Отдельный оттиск: Прамова сэнатара В. Багдановіча у Сэнаце 23.VII.24. [Вильна, 1924].
10. *Багдановіч В.* Патрыярх Ціхан // *Праваслаўная Беларусь.* 1928. № 9. С. 3.
11. *Багдановіч В.* Царква і Дзяржава // *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 1. С. 3.
12. *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 1. С. 9–10.
13. *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 2. С. 5–6.
14. *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 3. С. 1–7.
15. Виленский православный календарь на 1927 год. Вильна, 1927. С. 3.
16. *Богданович В.В.* Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность. Гродно, 1938.
17. Обращение Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, к Архипастырям и Пастырям Православной Российской Церкви // Литовские епархиальные ведомости. 1922. № 1/4.
18. *Прат. Л. Голад.* Нацыянальная мова ў прываслаўнай царкве // *Праваслаўная Беларусь.* 1927. № 1. С. 8.
19. Архив Центра белорусоведческих исследований ИСБ РАН. Материалы экспедиций 1996 г. В.В. Богданович.
20. Литовские епархиальные ведомости. 1922. № 1. С. 12.
21. Воскресное чтение. 1926. № 8. С. 90.
22. *Николаев К.Н.* Восточный обряд. Париж, 1950.
23. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWPiOP. № 1261.
24. *Багдановіч В.* Беларускі Пасольскі клуб і яго праца ў Сойме і Сэнаце ў 1922–1927 г. // *Праваслаўная Беларусь.* 1928. № 3.
25. Архив Центра белорусоведческих исследований ИСБ РАН. Материалы экспедиций 1996 г. Русская эмиграция в межвоенной Польше.
26. Царкоўная хроніка // *Праваслаўная Беларусь.* 1928. № 10. С. 8.
27. *Свитич А.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959. С. 3.

его слез и уже смехом без слез высмеяли его за эти слезы и сняли нравственную узду, пуская в ход гоголевскую тройку.

...Впрочем, не время теперь считается. Ведь трагедия Гоголя не окончилась еще с его смертью. Она переживается и теперь в тысячах и миллионах русских сердец и здесь в близкой Руси в Польше и на шоссе дорог Балканских славянских стран, в шахтах французских заводов и на знойных полях Аргентины и Южной Африки и везде, где, а главное там, где по-прежнему "грозно объемлет нас могучее пространство, страшною силою отражаясь в глубине души", где, может быть, по-прежнему еще раздается песня "что зовет и рыдает и хватает за сердце". И все эти миллионы русских людей вместе с Гоголем повторяют теперь:

– "Русь! Русь! Куда несешься ты? Дай ответ!

– Не дает ответа".

Нет! Трагедия Гоголя еще не окончилась. Она окончится тогда, когда окончится трагедия Руси» 19].

© 1997 г. СТЫКАЛИН А.С.

ПОЛИТИКА СССР ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И НАСТРОЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(вторая половина 1940-х годов)

Одним из решающих следствий второй мировой войны явилось усиление позиций СССР, повышение его роли в международных отношениях, на что зарубежные наблюдатели обращали внимание еще до окончания боевых действий с Германией. "В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз (Россия. – А.С.) вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на мировой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет выступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций – главных членов победоносной коалиции", – так охарактеризовали послевоенную ситуацию составители опубликованного весной 1945 г. руководства для офицеров вооруженных сил США "СССР – порядки, учреждения и народ" [1. Д. 391. Л. 25].

Независимо от отношения тех или иных кругов к большевизму, роль СССР во второй мировой войне и его послевоенные позиции на международной арене делали актуальным для всего мирового сообщества получение разносторонней информации о "стране Советов". Сигналы о наметившемся за годы войны повышении интереса зарубежной публики к СССР, его политической и экономической системе, поступали в ЦК ВКП (б) от советских представителей в разных странах мира. Так, корреспондент "Правды" сообщал в 1947 г. из Парижа: читатели французских журналов, и не только левых, "предъявляют огромный спрос на ... статьи об СССР, и журналы, не получающие в достаточном количестве таких материалов из СССР, мобилизуют все, что попадает под руку"; на изменение издательской конъюнктуры уже успела отреагировать антисоветски настроенная русская эмиграция [1. Д. 383. Л. 57]. Документы объединения "Международная книга" и Совинформбюро свидетельствуют о том, что во многих странах мира в 1945–1946 гг. многократно расширилась практика заключения договоров на публикацию самой разнообразной литературы об СССР, причем контакт был налажен с издательствами, никак не связанными с левыми политическими движениями и преследовавшими исключительно коммерческие цели [1.

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Д. 371. Л. 57–61]. В записке руководства Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) в ЦК ВКП(б) от 1945 г., составленной на основании донесений с разных мест, отмечалось, что "интерес зарубежного читателя к советской книге вырос за годы Отечественной войны настолько, что в настоящее время имеется возможность наладить издание наших книг крупными издательскими фирмами" во многих странах мира [1. Д. 272. Л. 40]. Характерно, что известным спросом пользовалась даже заведомо низкокачественная пропагандистская продукция, явно не нацеленная на формирование объективной картины жизни в СССР.

Естественно, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вошедших после второй мировой войны в советскую сферу влияния, для внимания широкой публики к информации об СССР было особенно много оснований. Как отмечал венгерский журнал "Jövendő", в результате произошедшего по итогам войны изменения границ Советский Союз стал соседом Венгрии, и "с этим фактом одинаково должны считаться и те, кто с радостью, и те, кто со страхом принимает такое соседство" [2. Оп. 17. Д. 128. Л. 57–58. Из обзора венгерской прессы]. Поскольку в нашей политике, заключал автор статьи, мы не можем не учитывать интересы СССР, нам не обойтись без знания соседней державы. Не удивительно, что среди активистов обществ дружбы и культурных связей с СССР в Австрии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии были не только крупнейшие деятели культуры и науки (такие, как, например, румынский композитор и дирижер Дж. Энеску, лауреат Нобелевской премии по медицине венгерский ученый-биохимик А. Сент-Дьерди и др.), но и католические епископы и даже крупные бизнесмены, едва ли симпатизировавшие идеям марксизма-ленинизма. В Австрии в соответствующем обществе люди бизнеса настолько стали задавать тон, что его руководству пришлось осенью 1945 г. даже специально акцентировать внимание на преимущественно культурном, а не экономическом характере этого общества [2. Оп. 16. Д. 10].

Имеющиеся документы не дают оснований утверждать, что инициатива проведения мероприятий по пропаганде СССР, создания обществ дружбы исходила исключительно от советских представителей, а интеллигенция стран Центральной Европы выступала лишь в качестве послушного исполнителя воли Москвы. Напротив, даже интеллектуалы, далекие от коммунистического движения, нередко проявляли в этом деле встречную активность. Из переписки между Наркоминделом и ВОКС, относящейся к апрелю 1945 г., узнаем, что писатель Л. Зилахи (кстати, впоследствии эмигрировавший) обратился от имени группы интеллигенции к представителям советской военной администрации в Венгрии с предложением организовать общество друзей СССР [3. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 18]. Такое общество было создано летом 1945 г. Советские органы с самого начала активно участвовали в налаживании его работы, выдвигали своих доверенных лиц на ответственные должности в руководстве обществом¹, а с другой стороны, неоднократно настаивали на удалении из правления людей политически неблагонадежных². В расчлененной на сферы влияния антифашистских держав Австрии, как отмечалось в одной из докладных, Общество культурной и экономической связи с СССР также действовало "под нашим контролем и организующим влиянием" [4. Д. 299. Л. 20].

Об активности определенной части некоммунистической интеллигенции в деле

---

¹ В ответном письме ВОКС в Наркоминдел говорилось: "ВОКС считает, что создание... общества вполне целесообразно и своевременно. Нами послан т. Пушкину (Г.М. Пушкин в 1945–1949 гг. сначала политический советник Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии, затем посланник, посол СССР в Венгрии – А.С.) примерный устав Общества с указанием на возможность внесения в него мелких дополнений и изменений. Не имея сведений о людях, которые смогли бы руководить работой такого общества в Венгрии, считаю необходимым, чтобы тов. Пушкин уделил особое внимание вопросу подбора кандидатур в Правление" [3. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 24].

² Сохранились инструкции ВОКС своему уполномоченному в Венгрии с указанием "хорошо подготовить" выборы в правление общества [3. Папка 124. Д. 43. Л. 123].

ознакомления с СССР свидетельствуют и материалы, связанные с Восточной Германией. Начальник Управления пропаганды СВАГ полковник С.И. Тюльпанов, судя по другим донесениям, отнюдь не склонный слишком переоценивать степень влияния левых идей на сознание немецких граждан [5], в декабре 1945 г. докладывал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову: "Некоторые немецкие литераторы выдвигают проект издания журнала, имеющего целью знакомить немецкую читающую публику с крупнейшими явлениями и достижениями русской классической и советской культуры" [1. Д. 371. Л. 207–208]. Далее речь шла о том, что из среды интеллигенции поступают многочисленные просьбы о приезде советских ученых, деятелей искусств, о проведении лекций и докладов о современной советской культуре. Театры, продолжал Тюльпанов, запрашивают пьесы советских драматургов и "даже еще не имея их, зная о них лишь из прессы и радио, уже включают их в свои репертуарные планы". От театров не отстают издательства, книготоргующие фирмы и библиотеки, которые "усиленно ищут пути для получения советской художественной литературы". В свою очередь, и "музыканты желают получить для исполнения партитуры и ноты... произведений советских композиторов". Столь радужная картина вызывает некоторое недоверие. Интересно, однако, то, что свидетельства, подобные приведенному выше, сочетаются в донесениях Тюльпанова и его сослуживцев со словами о предвзятом отношении немецкой интеллигенции к СССР, о том, насколько живучи среди немцев антисоветские настроения³. Приукрашивание истинного положения вещей в некоторых докладных Тюльпанова могло диктоваться той или иной конкретной целью, например, стремлением обратить внимание руководства на опасность "вытеснения нашего политического влияния англо-американским, так как союзники в последнее время заметно активизировались в области пропаганды среди немцев своей культуры и искусства" [1. Д. 371. Л. 207–208]. Но относительная справедливость утверждений об интересе немецкой публики к разнородной информации об СССР и советской культуре при большем или меньшем дистанцировании от идей, в этой культуре воплощенных, подтверждается из других источников – фонды ВОКС и ряда других организаций содержат письма, поступавшие из университетских, академических кругов [2. Оп. 16].

Даже в такой стране, как Польша, где русофобия имела особенно глубокие корни, отношение интеллектуалов к оживлению контактов с СССР не было однозначно негативным. Заявление посла Польши заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову от 2 февраля 1946 г. о том, что "польские ученые, возобновившие работу в разрушенных научных учреждениях Польши, лишенных оборудования и библиотек, действительно нуждаются в помощи со стороны советской науки и стремятся завязать с нею контакт" [1. Д. 395. Л. 18.], едва ли было только дипломатическим жестом. Показательно, что даже в Кракове, где консервативная профессура, опираясь на поддержку костела, предпринимала попытки, по словам советского наблюдателя, создать своего рода "польскую Вандею" путем бойкота всех культурных инициатив, исходивших от коммунистов [1. Д. 320. Л. 127], те же профессора во главе с оппонентом ППР ректором Т. Лер-Славинским принимали более или менее активное участие в работе местного Общества дружбы с СССР, вероятно, видя в этом важный источник получения научной информации [1. Д. 320. Л. 151–159]. В условиях послевоенной разрухи польские ученые в самом деле не могли рассчитывать только на западную помощь и пренебрегать теми, пусть и ограниченными возможностями, которые открывало в деле восстановления материальной базы национальной науки сотрудничество с СССР.

В секретных докладных Политуправления советских войск об умонастроениях польской интеллигенции, авторы которых чаще всего с достаточной долей открывен-

³ "В широких кругах немецкой интеллигенции еще сильны застарелые антисоветские предрассудки, вызванные отчасти влиянием многолетней фашистской пропаганды, отчасти – отдельными фактами недостойного поведения некоторых наших военнослужащих", – читаем, например, в донесении от июля 1946 г. [1. Оп. 125. Д. 462. Л. 72].

ности писали о глубокой укорененности антирусских (не говоря уже об антисоветских) стереотипов в общественном сознании, обращают на себя внимание свидетельства о том, что даже антикоммунистически настроенные интеллектуалы справедливо видели в СССР основного гаранта новых границ Польши с Германией [1. Д. 391. Л. 12–15.]. А надо сказать, что как бы ни была болезненно воспринята польским национальным сознанием утрата страной одного из главных своих культурных центров – Львова и обширных, густо заселенных восточных территорий, но присоединение новых, северо-западных земель, приобретение обширного морского побережья, а главное, установление гораздо более выгодных границ на западе и превращение ранее многонационального государства в мононациональное не только в известной мере компенсировали боль утраты, но и создавали Польскому государству определенные геополитические и этнополитические преимущества. В одном из донесений от 1946 г. предлагалось как следует использовать в пропаганде на Польшу тот факт, что фултонская речь Черчилля была с известной настороженностью воспринята и некоторыми противниками коммунистов, в частности, из возглавляемой Миколайчиком партии ПСЛ, так как в ней прозвучали ноты, давшие полякам основания увидеть в позиции Черчилля сомнения в необходимости столь кардинального пересмотра довоенных границ [1. Д. 391. Л. 12–15.].

Но интерес многих зарубежных интеллектуалов к СССР и признание ими необходимости более тесного сотрудничества с СССР могут быть объяснены не только естественной потребностью обладать максимумом информации о сильнейшей европейской державе. Вторая мировая война повлекла за собой существенные сдвиги в сознании населения тех стран, которые пережили долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора. Так, факты свидетельствуют о резком усилении германофобии в странах, испытавших ужасы войны. "За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах", – читаем в докладной Политуправления советских войск, адресованной в ЦК ВКП(б) летом 1945 г. [1. Д. 320. Л. 161–163]. "Чехословацкие патриоты, – отмечается далее, – собрав группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания (речь идет о словацком национальном восстании 1944 г. – А.С.), заставили их лечь на дорогу лицом вниз и каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и сожжены на кострах". Иногда ненависть к немцам приобретала столь гипертрофированные формы, что делала объектом мщения женщин и детей. Жители одного из городов, "раздев по пояс 15 немок и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немки были выведены за город и расстреляны". "Злоба и ненависть к немцам настолько велика, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами", – резюмировали составители докладной. Подобные же настроения были характерны и для поляков, а также для венгров⁴. Ясно, что послевоенный курс

---

⁴ Летом 1945 г. представитель политорганов РККА в Польше доносил в Москву Г. Димитрову, возглавлявшему в то время отдел международной информации ЦК ВКП(б): "В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось... Не прекращается, а наоборот, усиливается ограбление немцев со стороны польского населения, участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев, оскорблений" [4. Д. 26. Л. 21]. В аналогичном донесении, написанном примерно через год, читаем: немцы на территории Польши не являются "полноправными гражданами и поляки считают, что немец должен знать только станок и койку" [4. Д. 884. Л. 114–115]. В рапорте о положении в венгерском городе Дьере отмечалось, что "жители города, испытавшие большее, чем в других районах Венгрии, немецкое засилье, выражают резкие антинемецкие настроения" [1. Д. 320. Л. 101].

чехословацкого и польского правительств на переселение нескольких миллионов немцев в пределы новых границ Германии пользовался почти неограниченной поддержкой населения этих стран. Даже в Австрии, где накануне войны подавляющее большинство граждан поддержало аншлюс, теперь заметно проявилось стремление многих жителей идентифицировать себя в качестве особой нации, отличной от немцев. Представители советской части Союзнической комиссии по Австрии указывали на многие факты обострения австрийского национального чувства [1. Д. 320. Л. 131–138].

Массовое сознание в странах Центральной Европы было слишком потрясено войной, чтобы стремление отмежеваться от Германии могло ограничиться сугубо политической сферой. В чешской и венгерской публицистике (отнюдь не только коммунистической) первых послевоенных лет остро и подчас с некоторыми полемическими перехлестами ставился вопрос о том, какие пагубные последствия для развития национальных культур имело многовековое тяготение этих народов к германскому "культурному ареалу". В отдельных концепциях германское влияние противопоставлялось более благоприятным "культурным потокам", причем идущим не только с Запада (из Франции и англо-саксонского мира), но и с Востока [6]. Много раз уже писалось о влиянии славянской идеи на послевоенное сознание чешской и словацкой интеллигенции [7]. Но еще более показательны умонастроения части интеллектуалов в Польше, где славянская идея в силу понятных исторических причин никогда не была популярна. "Гигантски выросший после войны интерес к славянской принадлежности Польши пришел на смену обычной для исторической науки этой страны акцентировке ее причастности к западноевропейскому культурному кругу", — отмечает польский исследователь [8].

После войны во многих странах Европы (включая Францию, Италию и даже Великобританию) очень сильно было стремление к обновлению и совершенствованию демократии, что нашло выражение в различных проектах реформ довоенных политических систем. Происходили рост численности и усиление влияния левых партий. Характерно, что даже в Венгрии, где значительная часть населения еще помнила левацкие эксцессы в период Венгерской Советской Республики 1919 г., 17% голосов, полученных коммунистами на выборах, проходивших в ноябре 1945 г. под контролем всех союзных держав, хотя и были расценены руководством партии как поражение, все-таки при более объективном взгляде на вещи можно скорее назвать определенным успехом, свидетельством массовой социальной базы партии. Численность венгерской Компартии всего за несколько месяцев 1945 г. выросла примерно в десять раз. И совершенно явного успеха левые силы добились в Чехословакии на выборах 1946 г., также проходивших в условиях относительной свободы.

Подобные перемены в настроениях масс при недостаточной информированности о реальной сути советской системы создавали питательную среду для усиления симпатий к СССР. Мы писали уже об этом на материале Чехословакии, где деятели Компартии умело использовали в своих политических целях левые сдвиги в сознании общества [7]. Отзывы ряда ведущих представителей венгерской интеллигенции также свидетельствуют о явной идеализации ими советской системы. Даже у тех очень немногих, кому приходилось бывать в СССР (в ином положении, нежели военнопленными), складывалось ложное о нем впечатление — сталинский режим умел держать за семью печатями свои тайны. Крупный венгерский историк и мыслитель консервативного направления Д. Секфю (в 1946–1948 гг. — первый посол Венгрии в СССР) писал в те годы о преимуществах этой системы как гарантирующей право на труд, дающей людям обеспечение в старости и т.д. [9]. Примерно также отзывался об СССР уже упоминавшийся А. Сент-Дьерди после поездки в 1945 г. на юбилейную сессию Академии наук [2. Оп. 17. Д. 115. Л. 15–16.]. Подобно Б. Шоу, Г. Уэллсу, Л. Фейхтвангеру, другим авторитетным иностранным визитерам выдающиеся венгерские ученые не смогли разгля-

деть, что за блеском парадных витрин скрывались миллионы человеческих жертв⁵.

В конкретных условиях Чехословакии и Венгрии проявилась общая тенденция, характерная в то время для умонастроений довольно значительной части интеллигенции и более широкой публики во всем мире. Роль СССР в победе над гитлеризмом способствовала усилению просоветских или во всяком случае уважительных по отношению к СССР настроений, что нашло отчетливое выражение даже в оценках, исходивших от американских военных кругов. В уже цитированном нами руководстве для офицеров вооруженных сил США (весна 1945 г.) отмечалось, что за годы войны "мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело" [1. Д. 391. Л. 42.]. Документы российских архивов содержат многочисленные свидетельства, подтверждающие правоту вышеприведенного утверждения. Так, в отчете советских кинематографистов об участии в первом Каннском фестивале (1946 г.) говорилось, что хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики "не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры ... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации одного из советских пропагандистских фильмов. – А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала" [1. Д. 469. Л. 58, 62.].

А вот что писали члены советской делегации в своем отчете о поездке в Париж в октябре 1946 г. на Международный конгресс юристов, где были представлены не только правоведа левых убеждений: "К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение. Наши доклады были встречены общим одобрением... Заявление председателя французской делегации при окончании работы Конгресса, что французские юристы считают, что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию. Со стороны всех делегаций по отношению к нам было большое внимание и предупредительность" [1. Д. 395. Л. 124.]. Если признать относительную достоверность этих и многих других подобных утверждений, встречающихся в источниках, можно согласиться с председателем ВОКС В.С. Кеменовым, который в августе 1945 г. в докладной, адресованной ЦК ВКП(б), писал о "происшедшем переломе в признании советской культуры за границей", который "налагает на ВОКС огромные обязательства". Понимая, что в изменившейся ситуации открываются новые возможности для формирования в пользу СССР зарубежного общественного мнения, Кеменов отмечал: "Необходимо ... ковать железо пока горячо, чтобы не дать распасться просоветским обществам из-за отсутствия у них материалов об СССР, чтобы не дать остыть интересу деятелей зарубежной культуры к советской науке и искусству из-за отсутствия ответов на их многочисленные запросы" [1. Д. 371. Л. 138.]. Такая опасность действительно существовала. Со всех концов мира в Москву поступали сигналы о крайней нерасторопности и некомпетентности тех, кто ведал по долгу службы распространением позитивной информации об СССР, о плохой отлаженности пропагандистской машины, низком качестве тиражируемой духовной продукции.

Внешнеполитический механизм, направленный на укрепление советского влияния в мире, в качестве одного из неотъемлемых компонентов включал в себя систему институтов, призванных осуществлять пропаганду политики СССР, коммунистической идеологии, советской культуры, налаживать контакты с потенциальными друзьями СССР в среде интеллигенции. В эту систему входили ВОКС, Совинформбюро, Иноиздат, Совэксспортфильм, объединение "Международная книга", ряд других контролли-

⁵ Хранящиеся в фондах ВОКС документы (в частности, программы посещения СССР иностранными делегациями) говорят о том, насколько тщательно готовились в СССР к приему зарубежных гостей, насколько уплотненными были программы [2. Оп. 17. Д. 113, 114]. А многочисленные отказы в приеме иностранцев по линии ВОКС хорошо показывают, что в Советском Союзе очень боялись массового наплыва гостей, так как это затруднило бы контроль за ними со стороны инстанций.

руемых ВКП(б) и органами КГБ ведомств (среди прочего надо упомянуть структуры, унаследованные от Коминтерна, – так называемые НИИ №№ 100 и 205). Несмотря на то, что на последнем этапе войны механизм пропаганды на зарубежную аудиторию подвергся существенной реорганизации с учетом изменившихся политических задач, факты свидетельствуют о его крайней несовершенности.

Часто, заходя в те или иные страны книги, опубликованные в СССР на иностранных языках (как правило, в плохих переводах), "Международная книга" срывала заключение договоров на издание тех же книг в самих странах значительно большими тиражами [1. Д. 538. Л. 50]. Нередко бывали случаи подписания договора на издание одной и той же советской книги с разными издательствами одного государства⁶. Немало жалоб поступало на низкое качество материалов, подготовленных для публикации в иностранной прессе. Статьи, присылаемые Совинформбюро, написаны так, что "с трудом используются даже левой печатью", – сетовал в июне 1947 г. посол СССР в Чехословакии В. Зорин [1. Д. 509. Л. 278]. К ТАСС и к иновещанию предъявлялись претензии прежде всего в связи с низкой оперативностью – иностранный читатель и радиослушатель, как правило, узнавал о важнейших внешнеполитических заявлениях Молотова из западных источников. Большими профессиональными изъятиями отличалась продукция ВОКС. "Вместо того, чтобы давать ответ на адресованные ему запросы, ВОКС отправляет фабрикуемые им самим материалы, представляющие для нас очень мало интереса. Антисоветская пропаганда имеет в них совершенно готовый материал, принимая во внимание скудность даваемых сведений и совершенно нелогичную форму их подачи", – говорилось в одном из писем французского общества друзей СССР в Москву [1. Д. 391. Л. 133]. Прямым следствием невысокого качества советской печатной продукции был крайне низкий спрос на нее иностранных изданий, в том числе и коммунистических. По некоторым данным, зарубежная пресса использовала не более 10% материалов, поступавших от Совинформбюро [1. Д. 509]. Таким образом, громадная пропагандистская машина, имевшаяся в распоряжении СССР, работала в значительной мере вхолостую.

Сосредоточившись на отправке заведомо низкокачественной продукции, ВОКС и другие пропагандистские службы в то же время далеко не всегда удовлетворяли запросы на издание и посылку более необходимой литературы. Характерно, например, что в Восточной Германии существовал спрос прежде всего на русскую художественную литературу, тогда как 80% всей продукции издательства СВАГ составляли политические брошюры, выходявшие слишком большими тиражами и нередко залеживавшиеся на складах нераспроданными.

"Театры часто обращаются в Союзную Контрольную Комиссию за пьесами, но ничего получить не могут", – говорилось в письме из Венгрии [2. Оп. 17. Д. 113. Л. 2]. Не лучше обстояло дело с прокатом советских фильмов. Активист австрийско-советского культурного общества жаловался в частной переписке: "Совэкспортфильм возглавляется узкободыми коммерсантами и спекулянтами, которые могут с таким же успехом торговать сапожным кремом или свиным салом. Они не имеют ни малейшего представления о громадном политическом и культурном значении кино" [2. Оп. 16. Д. 19. Л. 165]. Для повышения эффективности пропаганды средствами кино в 1946–1947 гг. были предприняты попытки наладить дублирование советских фильмов на некоторые иностранные языки непосредственно в СССР. Но его качество оказалось крайне низким. Польские зрители смеются не столько над комедийным сюжетом, сколько над неправильным произношением, "и в значительной части покидают зал до окончания сеанса", – доносил в Москву представитель "Совэкспортфильма" в Варшаве

---

⁶ Известный венгерский драматург и критик Д. Хай, представлявший в своей стране литературно-музыкальное агентство ВОКС, в апреле 1946 г. жаловался в Москву: "Работа очень затрудняется тем, что т. Алексеева – представитель Международной книги в Венгрии – почти всегда предлагает те же книги для издания, что и я. Так как это противоречит всем принятым в торговле правилам, издатели недоверчивы. К тому же еще недавно начал работать представитель Совинформбюро т. Потемкин и занимается распространением тех же прав на издание книг, – с тех пор положение стало просто нетерпимым" [1. Д. 538. Л. 8].

[10. Д. 251. Л. 40]. На Старой площади были вынуждены признать, что такая кустарщина нанесла "серьезный ущерб престижу советского кино". Впрочем, повышению этого престижа мало способствовал и показ советских фильмов посредством титров. Один из эмиссаров, побывавших в 1947 г. в Праге, в своем отчете проявил нечастую по тем временам откровенность в оценке официальной советской культуры, отметив, что "тенденция, заложенная в наших фильмах, носит слишком лобовой характер, и для успеха нашей пропаганды в условиях Чехословацкой Республики нужны кинофильмы и пьесы с более глубоко запрятанной в них политической тенденцией менее лобового характера и более интересно построенные в драматургическом отношении" [10. Д. 75. Л. 198–199].

Факты свидетельствуют об известном интересе в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не только к русской литературной, музыкальной классике, но и к выдающимся, мирового масштаба явлениям советской культуры, пронизанным коммунистической тенденциозностью и в то же время не укладывавшимся в прокрустово ложе норм сталинской эстетики 1940-х годов. Так, в венгерских журналах неоднократно были упоминания В. Мейерхольда, хотя политическая конъюнктура не благоприятствовала ознакомлению с его творчеством ни при хоргизме, ни тем более в условиях политического диктата СССР (ибо выдающийся режиссер пал, как известно, жертвой сталинских репрессий)⁷. Мэтр венгерского авангарда, поэт и художник Л. Кашшак (социал-демократ по партийной принадлежности, с 1919 г. находившийся в сложных отношениях с коммунистами) в издаваемых им журналах широко обращался к опыту левых течений в художественной, театральной и кинематографической жизни СССР 20-х годов. Причем иной раз обращался сознательно в пику советским пропагандистским ведомствам, упорно делавшим вид, будто того пласта культуры не существовало. Независимость идейно-политической и эстетической позиции Кашшака делала его объектом нападков части коммунистической прессы. Явный интерес к революционному авангарду в СССР проявляли и некоторые крупные деятели чешской культуры. Получался парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской культуры, не только не способствовали, а иной раз даже противодействовали распространению наиболее ценного, что было создано в СССР за годы большевистской власти, даже если это ценное в принципе не противоречило коммунистическим идеалам. Вот характерный пример. Один из основоположников эстетики кино, выдающийся венгерский критик и драматург Б. Балаж, работавший в эти годы не только в Будапеште, но также в Праге и Вене, в письме советскому коллеге горько жаловался на то, что кинозрители стран Центральной Европы лишены возможности видеть лучшие произведения советского кино (например, фильмы С. Эйзенштейна), а те картины, что поступают из СССР, художественно слабы и не находят отклика, заметно уступают в популярности продукции Голливуда. "Я веду здесь упорный бой за советское кино", – писал Балаж [2. Оп. 17. Д. 123. Л. 25.]. В отличие от Балажа, советские экспортеры кино прилагали мало усилий для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность своих фильмов на восточноевропейских кинорынках. В Чехословакии, где в 1945 г. советские фильмы доминировали в прокате, в течение двух последующих лет произошло заметное смещение пропорций в пользу западного, в первую очередь американского, кино⁸.

Утверждение американской кинопродукции на европейском экране было реальностью первых послевоенных лет в большинстве стран, включая Францию и Италию (стремление европейских киношкол сообщать противостоять наступлению Голливуда, собственно, и явилось главной причиной проведения Каннского и Венецианского фестивалей, ставших затем регулярными). Все-таки, по некоторым сведениям, в 1946 г. новые американские фильмы попадали на экраны Венгрии быстрее, нежели в

⁷ Референт ВОКС в обзоре венгерской печати с крайним недоумением отмечал, что "о Мейерхольде писались целые статьи" [1. Д. 509. Л. 172].

⁸ "Редкий советский фильм, если и промелькнет на экране, то держится в кинотеатре один-два дня, после чего спешно заменяется американским", – читаем в одном из донесений [10. Д. 75. Л. 198–199].

кинотеатры Скандинавских стран [2. Оп. 17. Д. 126. Л. 126]. Очевидно, широкая экспансия американского кино в Европу не была исключительно следствием того обстоятельства, что кинопроизводство европейских стран, сильно пострадавшее за годы войны, перестало выдерживать конкуренцию с Голливудом даже в борьбе за собственные кинорынки. Наряду с коммерческими интересами в этой экспансии присутствовал и политический момент, причем задача перехватить у СССР инициативу в пропаганде собственной культуры, образа жизни, системы ценностей и т.д. особенно остро стояла в странах, тяготеющих к советской сфере влияния.

Культурная экспансия США и других западных держав в Центральной Европе не сводилась к области кино. Большое значение в их пропагандистской политике придавалось поставке специальной литературы – завоевание приоритетных позиций в этой области было призвано способствовать усилению прозападных ориентаций интеллигенции. "Обилие английской и американской литературы по вопросам медицины и отсутствие советской литературы может привести к тому, что и та часть врачей, которая настроена просоветски, сможет попасть под нежелательное влияние", – с обеспокоенностью реагировали советские эмиссары [3. Оп. 26. Папка 119. Д. 43. Л. 98.]. Выражение озабоченности по поводу активной пропагандистской деятельности союзников вообще стало общим местом в донесениях из разных стран. Усилия западных держав вызывали тем большую настороженность, что соответствующие советские службы, будучи неплохо укомплектованными кадровыми "гэбистами", вместе с тем не располагали в достаточном количестве представителями творческих профессий и поэтому не выдерживали конкуренции с западными. "Крайне обидным для нас было видеть, насколько бледной выглядит наша работа по пропаганде советской культуры по сравнению с огромной пропагандистской деятельностью американцев и англичан", – писал в своем отчете побывавший в 1946 г. в Австрии академик В. Парин [3. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 48]. Даже полезные с пропагандистской точки зрения начинания часто осуществлялись настолько неумело, что производили обратный эффект. Так, советская военная администрация в Австрии наводнила кинотеатры своей оккупационной зоны фильмами производства СССР, дублированными в Берлине. Между тем, после семи лет фашистской оккупации прусский акцент вызывал у австрийского кинозрителя резкое отторжение, заставлял уходить из кинозалов. Удивительно видеть, как через советское кино "мы сами внедряем в Австрии диалект ее поработителей", – уведомлял своей запиской высшие инстанции посетивший Вену писатель П. Павленко [1. Д. 509. Л. 301]. Еще более удивляет та недифференцированность подхода, с которой ВОКС и Совинформбюро подбирали пропагандистский материал для разных стран. Так, статья "Победа объединенных славян в Грюнвальдской битве", подготовленная в духе неопанславизма, характерного для советской идеологии середины – второй половины 40-х годов, была послана для публикации в Австрию, что не могло не шокировать даже здравомыслящих красноармейских политработников, не говоря уже о редакторах левых австрийских газет [3. Папка 119. Д. 43. Л. 37].

Таким образом, культурная жизнь даже тех стран, где СССР явно доминировал в политическом плане, была в первые послевоенные годы полем острой конкурентной борьбы между Востоком и Западом за овладение умами. Работа западных пропагандистских служб приносила свои плоды, чему в немалой мере способствовали не всегда открытые проамериканские симпатии значительной части населения. Характерно, например, что в самых западных районах Чехословакии, освобожденных американской армией, численность обществ дружбы и культурных связей с США вплоть до февраля 1948 г. была, как правило, выше численности аналогичных просоветских обществ, несмотря на то, что последние пользовались покровительством все более доминировавших в политической жизни коммунистических сил и функционировали в более благоприятных условиях [11. Д. 73. Л. 125.]. О результативности пропагандистских усилий недавних союзников говорит тот факт, что примерно до осени 1948 г. и в Чехословакии, и в Польше фильмы западного производства доминировали в прокате, а

книги западных авторов – на книжном рынке.

В силу каких обстоятельств сталинский режим так и не сумел создать эффективный и конкурентоспособный механизм пропаганды на зарубежную аудиторию? Конечно, надо учитывать и объективные причины – нехватку средств в разоренной войной стране, квалифицированных кадров. Но главное, на наш взгляд, в другом. В атмосфере страха перед террором, пронизывавшей все поры общественной жизни СССР эпохи сталинизма, чиновники ВОКС и других учреждений, как правило, шли по наименее трудному пути. Они старались не только не проявлять инициативы, но лишний раз перестраховаться перед принятием любого, отнюдь не самого ответственного решения, обратившись за разрешением в вышестоящую инстанцию. Более того, они пытались иной раз уклониться даже от выполнения своих прямых обязанностей, стремились переложить их на другое ведомство или хотя бы разделить с ним ответственность за каждый сделанный шаг. Характерно, что письма крупным советским ученым от их иностранных коллег часто переадресовывались ВОКС на усмотрение АН СССР или Минвуза, послания зарубежных школьников советским сверстникам пересылались в Минпрос, просьбы о присылке книг переправлялись в библиотеку имени Ленина или объединение "Международная книга", о доставке пьес или музыкальных партитур – в Комитет по делам искусств. Письма иностранных рабочих с предложением об обмене опытом уходили в ВЦСПС, значительная часть получаемой корреспонденции пересылалась в МИД, Министерство культуры, Союз писателей и т.д. В каких-то случаях все это можно объяснить посреднической функцией ВОКС, но чаще – именно стремлением избежать самостоятельного принятия принципиальных решений на основании полученных писем. Безынициативность, боязнь взять на себя ответственность особенно проявлялись в работе советских уполномоченных на местах. "Личные общения с немецкими политическими кругами, необходимые в интересах работы, прекратились, так как они рассматриваются как факты неблагонадежного поведения. Вследствие названных выше причин сотрудники СВА боятся и не хотят работать с немцами", – отмечалось в 1948 г. в докладной записке комиссии ЦК ВКП(б), проверявшей деятельность Управления информации СВАГ [5. С. 215]. По результатам проверки комиссия сделала вывод: "Боязнь работы с немецким населением наносит огромный ущерб государственным интересам Советского Союза, в значительной степени сужает наши возможности в деле влияния на немцев и вырастает в политическую проблему огромной важности". Аналогичного характера донесения приходили из Чехословакии. В ответ на запросы чешских издательств прислать ту или иную советскую книгу "Международная книга" "отмалчивается, видимо перестраховываясь и стараясь на международный рынок выбрасывать только такие произведения, которые прошли у нас уже самую высокую апробацию", – констатировалось в докладной одного из советских литераторов, побывавших в Праге [10. Д. 75. Л. 199].

Особенно бдительно следили за тем, чтобы за границу не просочилась "устаревшая" (согласно фразеологии того времени), "политически неактуальная" литература. Сюда относились, в первую очередь, книги и статьи, содержавшие упоминания о "врагах народа", но вообще "политическая неактуальность" трактовалась гораздо более расширительно. Были случаи, когда к разряду "устаревшей" литературы относили книгу Крупской о Ленине и даже труды классиков марксизма; в одной из работ Энгельса содержится "ряд неправильных положений", а потому ее распространение нецелесообразно, – читаем в письме из Москвы [3. Оп. 27. Папка 124. Д. 43. Л. 112].

Поскольку политическая конъюнктура не стояла на месте – совершались новые аресты, исчезали, уходили в политическое небытие другие люди, а уже просочившаяся за границу информация подобно выпущенному на волю воробью оказывалась в недосягаемости органов Главлита, в нужный момент вступало в действие иное звено в системе идеологического контроля, функции "министерства правды" (по терминологии Дж. Оруэлла) брали на себя уполномоченные ВОКС и других советских пропагандистских ведомств в соответствующих странах. Сохранилось, например, относящееся

к августу 1953 г. (позади был арест Бери) письмо представителя ВОКС в Венгрии: тот просил свое начальство выслать списки устаревших фотоматериалов, которые надлежало незамедлительно изъять у редакций получивших их ранее газет – "представительство Совэкспортфильма такую работу уже организованно проводит" [2. Оп. 17. Д. 196. Л. 146]. Все-таки вопреки всем своим претензиям на всеохватность советский разрешительный механизм был машиной несовершенной, дававшей сбои. Бывали случаи, когда в органах ВОКС явно по недосмотру санкционировали отправку книг писателей, находившихся в заключении. Так, одна научно-популярная книга, принадлежавшая перу Л. Андреева, была послана по каналам ВОКС за рубеж в месяцы, когда ее автор, прославившийся уже после смерти мыслительской эзотерического толка, сидел во Владимирской тюрьме.

Таким образом, атмосфера страха и всеобщей бдительности негативно сказывалась на эффективности функционирования советского пропагандистского механизма, обращенного к зарубежной аудитории, призванного выполнять важную внешне-политическую задачу – формирования общественного мнения зарубежных стран в благожелательном по отношению к СССР духе. Принимая решения об отправке тех или иных материалов за рубеж, в ВОКС и других ведомствах руководствовались, в первую очередь, критерием их идеологической выдержанности подчас в ущерб другим, в частности эстетическим и познавательным, критериям.

Углубление противоречий между недавними союзниками по антифашистской коалиции, начало "холодной войны", создание Коминформа, ставшего инструментом советизации Восточной Европы, способствовали снижению симпатий к СССР. Эта тенденция прослеживается на материале разных стран мира; очень показательны, например, результаты опросов, проведенных в 1946–1947 гг. Институтом Гэллага в Великобритании [1. Д. 392. Л. 132]. В странах Центральной Европы, в той или иной мере испытавших на себе советское военное присутствие, политический престиж СССР подрывали как акты насилия, совершенные военнослужащими, так и участие органов безопасности в действиях по дефашизации государственного аппарата и общественной жизни, жертвами которых стали тысячи людей, совершенно не скомпрометировавших себя сотрудничеством с фашистами. Характерно, что насильственные действия армии и спецслужб, сводившие на нет все усилия гигантской пропагандистской машины, распространились не только на страны-союзницы Германии. "Все, что мы строили 25 лет, Красная Армия разрушила в течение одной ночи", – с горечью заметил чехословацкий коммунист К. Шмидке под влиянием самых первых дней пребывания советских войск на территории Словакии [12]. М. Джилас вспоминал, что именно жалобы на поведение красноармейцев явились причиной резкого охлаждения к нему в Москве задолго до советско-югославского разрыва [13].

Говоря о творческой интеллигенции, надо заметить, что снижению ее симпатий к СССР способствовали известные идеологические постановления 1946–1948 гг. [7]. В условиях обострения столкновений со своими политическими противниками, коммунистические силы в разных европейских странах были объективно заинтересованы в укреплении собственной базы за счет привлечения на свою сторону по возможности большего числа интеллигентов. Этому, однако, явно не способствовало происходившее по мере углубления "холодной" войны усиление сектантских начал во внешней политике СССР, сказавшееся и на официальном отношении ко многим зарубежным художникам и целым направлениям в культуре, в том числе и левого толка. Факты свидетельствуют о крайней недальновидности тех, кто ведая в СССР пропагандой за рубежом успехов "страны Советов", оттолкнул от себя своей нетерпимостью немало потенциальных союзников. Даже художники коммунистического лагеря предостерегали иногда советскую сторону от непродуманных действий, способствовавших падению престижа СССР. В РЦХИДНИ сохранилась запись беседы Л. Арагона с представителем ВОКС, в ходе которой крупный французский писатель-коммунист с недоумением отреагировал на развязанную в СССР кампанию против "формализма в искусстве", в ходе которой симпатизировавший СССР П. Пикассо объявлялся врагом

социалистического искусства. Если Советский Союз настолько уверен в собственном политическом могуществе, что не испытывает нужды в союзниках за рубежом и благоприятном для себя общественном мнении на Западе, тогда деятельность организаций типа ВОКС вообще теряет какой-либо смысл – такое умозаключение прочитывается между строк в размышлениях Арагона [1. Д. 509. Л. 293].

Если художественная интеллигенция зарубежных стран проявила обеспокоенность в связи с развернувшейся в СССР борьбой против "формализма в искусстве", то для научной интеллигенции важной причиной усиления настороженности в отношении "страны Советов" послужили кампании по утверждению приоритетов русской науки, сопровождавшиеся разносной критикой ученых-"космополитов". Печально известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., ознаменовавшая собой наступление "лысенковщины" в биологической науке, в соответствии с принятыми на высоком партийном уровне установками широко пропагандировалась за рубежом. При этом терялось всякое чувство меры. В Совинформбюро устроили разнос журналисты, в заметке, адресованной зарубежному читателю, написавшему, что задача советских биологов – "догнать и превзойти зарубежную науку". "Наша биологическая наука уже решила эту задачу", – прозвучал вердикт [10. Д. 123. Л. 3.]. Между тем, все происходившее в СССР в области биологической науки воспринималось за рубежом прежде всего как свидетельство глубокого упадка научной мысли.

При всем идеократическом характере Советского государства, конечно, было бы явным упрощением говорить о том, что из СССР по официальным пропагандистским каналам переправлялись только псевдонаучные трактаты Лысенко, парадные портреты и бюсты Сталина, напичканные унылой дидактикой романы о передовиках производства да начисто лишенные конфликта современные пьесы и фильмы. О том, сколь сложна и неоднозначна проблема советской культурно-идеологической экспансии, свидетельствует обстоятельство, о котором иной раз склонны забывать: по одним и тем же каналам и в одно и то же время из СССР передавалась не только низкопробная пропагандистская продукция, но и русская литературная, музыкальная, театральная классика, которая практически в каждой из стран региона гораздо шире, чем до войны, издавалась, исполнялась, ставилась на сцене. Не только коммунистическая и близкая ей пресса отмечала высокий профессионализм гастролировавших советских музыкантов – пианистов С. Рихтера, Э. Гилельса, скрипача Д. Ойстраха, дирижера Е. Мравинского, балерины Г. Улановой. Распространение подлинных духовных ценностей не могло не способствовать подтверждению высокого престижа русской культуры (а опосредованно и самой страны) при том, что последняя преподносилась зарубежной аудитории официальными путями в крайне усеченном виде – за бортом оставалось все то, что не укладывалось в схемы сталинской эстетики. Характерно, что границы разрешенного фонда культуры расширялись и сужались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, до 1948 г. советские пропагандистские службы много делали для популяризации произведений С. Прокофьева и Д. Шостаковича, после же принятия в 1948 г. постановления ЦК ВКП(б), объявившего войну "формализму" в музыке, они явно в ущерб престижу русской культуры стали препятствовать их распространению⁹.

Установление к концу 1940-х годов в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы диктатур, типологически близких сталинской, создало принципиально новую ситуацию в культурной жизни этих стран. Если ранее культурный поток из СССР сосуществовал с иными, западными, то теперь он занял монопольное положение. О масштабах распространения культурной продукции СССР в странах советской зоны влияния в начале 1950-х годов свидетельствует хотя бы тот факт, что советские фильмы составляли в некоторых из них до 90% кинопроката, тогда как американские

⁹ Руководство ВОКС в письме своему уполномоченному предложило поставить перед венгерским радиокомитетом вопрос об исключении из репертуара "формалистических" произведений [3. Оп. 28. Папка 131. Д. 52]. Все же и в Венгрии, и в Чехословакии, и в Польше произведения этих композиторов продолжали, хотя и реже, чем раньше, исполняться.

практически перестали быть доступны широкому зрителю. Но массивная "советизация" культур носила довольно поверхностный характер, не затронула глубинные пласты сознания интеллигенции, не только оставшейся верной многим прежним ценностям, но продолжавшей даже в годы самой жесткой диктатуры сохранять духовные связи с другими культурами. Так, в Чехословакии после того, как в январе 1949 г. вышел закон, согласно которому частные лица лишились права подписки на западную прессу, а популярное среди интеллигенции Общество друзей США было распущено в административном порядке, культурно-библиотечные центры, функционировавшие при британском и американском посольствах, пытались, и не безуспешно, в очень сложных условиях поддерживать контакты с частью интеллигенции, снабжать ее литературой. "В сегодняшней Чехословакии не так уж безопасно открыто, днем, в самом центре города, посещать американское и английское информационное бюро. Точно также не каждый, даже реакционно настроенный гражданин согласится открыто по почте получать газеты, журналы, книги, посылаемые из информационных органов Америки или Англии", – откровенно признал в записке от 1949 г. представитель Совинформбюро в Праге [14]. Тем показательнее приводимые в документах данные о масштабах участия чешской и словацкой интеллигенции в работе западных культурных институций.

Формирование общественного мнения в пользу СССР было, таким образом, важной составной частью политики, направленной на усиление советского влияния в странах Центральной Европы. Роль СССР во второй мировой войне, равно как и произошедшие вследствие войны сдвиги влево в сознании интеллигенции региона, способствовали не только повышению интереса к СССР, но и известному усилению просоветских настроений. Тем самым существовали благоприятные условия для решения поставленных задач по дальнейшему формированию общественного мнения. Однако послевоенная внешняя и внутренняя политика СССР, отличавшаяся крайними проявлениями идеологической нетерпимости, ведшая к нагнетанию "холодной войны" и обострению международной напряженности, неизменно работала на разрушение положительного образа "страны Советов", нейтрализуя все усилия гигантской пропагандистской машины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский центр хранения и изучения документов по новейшей истории (РЦХИДНИ). Фонд 17. Оп. 125.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283.
3. Архив внешней политики МИД РФ (АВП). Ф. 077.
4. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128.
5. СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов) / Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М., 1994.
6. *Стыкалин А.С.* Венгерская общественная мысль второй половины 1940-х годов о судьбах Венгрии в Европе // *Единая Европа: идея и практика.* М., 1994. С. 62–89.
7. *Стыкалин А.* Рец. на: *История литератур Восточной Европы после второй мировой войны.* Т. 1: 1945–1960-е гг. // *Славяноведение.* 1997. № 1.
8. *Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965).* М., 1993. С. 128.
9. *Szekfü Gy.* Forradalom után. Budapest, 1947.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132.
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137.
12. *Поп И.И.* Крутые повороты карьеры Густава Гусака // *Бывшие "хозяева" Восточной Европы. Политические портреты.* М., 1995. С. 273.
13. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 66–73.
14. ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 265. Л. 30.

© 1997 г. ГОРОДНЯНСКИЙ А.В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО КОНФЛИКТА

Поверхностному взгляду вся новейшая история сербско-хорватских отношений представляется бесконечной вариацией одного и того же сюжета. Меняются лишь действующие лица и исторические декорации. Драма двух братских (без кавычек!) народов, словно обреченных на бессмысленную кровавую междоусобицу, продолжается вот уже больше века. Иррациональный национализм и столкновение реальных национальных интересов¹ создают, на первый взгляд, безвыходную пат-позицию с далеко идущими последствиями для всего региона, а возможно, и Европы в целом. Тем не менее сербско-хорватский конфликт отнюдь не является имманентным состоянием сербско-хорватских отношений, он имеет свою предысторию, истоки и, самое главное, – первопричину.

В предлагаемой статье речь пойдет о важнейших сферах столкновения национальных интересов сербов и хорватов, которые в конечном счете предопределили весь ход и динамику сербско-хорватского конфликта. Автор сознательно не ограничивал хронологические рамки работы, желая показать историческую преемственность тех проблем, которые породили сербско-хорватские противоречия. Все же следует оговориться, что основное внимание будет уделено исследованию начальной фазы конфликта, что обуславливает определенную хронологическую заданность темы (вторая половина XIX – начало XX в.).

На протяжении многих столетий, вплоть до середины XIX в., сосуществование сербов и хорватов являло если не образец идеального взаимопонимания, то во всяком случае пример достаточно мирного сожительства. Разделение церквей в 1054 г. и заключение хорватско-венгерской унии в 1102 г. окончательно поделило Балканский полуостров на две культурно-исторические зоны. Хорваты, являвшиеся католиками, оказались под культурно-религиозным и политическим воздействием западной цивилизации, сербы же составляли неотъемлемую часть византизированного православного мира. Разделенные в политическом и религиозном отношениях, хорваты

Городнянский Андрей Вадимович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Категория "национальный интерес" выражает устойчивые приоритеты политики, призванные обеспечить наиболее благоприятные внешние и внутренние условия для существования нации как особого социоэтнического организма.

и сербы, тем не менее, долгое время оставались "по одну сторону баррикад", выступая против турецкой экспансии на Балканах. Борьбу с турками возглавили австрийские Габсбурги, объединившие народы Центральной Европы в рамках многонациональной монархии, в состав которой в числе прочих вошли и хорватские земли. Желая обезопасить свои балканские владения, правоверные католики Габсбурги усиленно поощряли заселение приграничных областей военными поселенцами из числа православных сербов, бежавших от турецкого ига. Религиозная терпимость Габсбургов была вполне прагматичной: даруя сербам культурно-религиозную автономию, монархия стремилась использовать своих православных подданных как "заградительный заслон" против турецкой экспансии.

Следствием миграционных процессов на Балканах в XV–XVII вв. стало резкое изменение демографической ситуации в регионе. Сербь и хорваты, развивавшиеся прежде в своих замкнутых культурно-исторических ареалах, оказались в зоне контактного, смешанного проживания. К середине XIX в. численность сербского населения Хорватии составляла около полумиллиона человек или примерно 30% от общего числа ее жителей [1. С. 9, 37–38]. В отдельных приграничных районах, входивших в особую административную единицу (Хорвато-славонская Военная Граница), сербы в численном отношении даже преобладали над хорватами. В целом же, из 698 тыс. человек, проживавших в 1880 г. на территории Хорвато-славонской Военной Границы, сербов было 330 тыс. (47% от общего числа ее жителей) [1. С. 9, 285]. На протяжении всей второй половины XIX в. численность сербского населения Хорватии, увеличиваясь в абсолютном размере, неуклонно сокращается в процентном отношении (1869 г. – 27,8%, 1880 – 26,3%, 1890 – 26%, 1900 – 25,5%, 1910 – 25% [1. С. 362]).

Сербско-хорватская этническая чересполосица была характерна и для Боснии и Герцеговины – двух бывших турецких провинций, переданных в 1878 г. решением Берлинского конгресса в управление Австро-Венгрии. К началу XX в. две наиболее многочисленные этнические общины Боснии и Герцеговины – сербская и мусульманская, составляли в общей сложности четыре пятых ее населения. Хорваты в Боснии и Герцеговине явно уступали в численном отношении как сербам, так и мусульманам, составляя менее 20% их населения [2. С. 937]. В Далмации ситуация была обратной: здесь сербы являлись этническим меньшинством, а преобладали хорваты и итальянцы [3].

Сама по себе этническая чересполосица не являлась причиной сербско-хорватского конфликта, но она создавала для него благодатную почву. В Австро-Венгерской монархии главным "генератором" напряженности в сербско-хорватских отношениях являлась Хорватия, где острота проявлений межнациональных противоречий была наивысшей вследствие большей интенсивности национальной жизни и отсутствия "буферной" этнической прослойки (в Далмации – итальянцы, в Боснии и Герцеговине – мусульманское население).

Зарождение и развитие сербско-хорватского конфликта тесно связаны с "идеологизацией" массового сознания в результате проникновения национальной идеологии в широкую социальную среду. Возникающее на этой основе национальное самосознание является важнейшим симптомом "рождения нации". Формирующаяся нация стремится утвердить свой политический статус и заново определить территориально-политические границы национальной общности с тем, чтобы они совпадали с ее этнической территорией. При этом ее интересы зачастую сталкиваются с интересами соседних наций. Именно на этой почве и возникают многие межнациональные конфликты. Специфика ситуации в сербско-хорватских отношениях заключается в том, что оба этноса образуют единый этноязыковый ареал, включающий в себя области со смешанным составом населения (Хорватия, Далмация, Босния и Герцеговина). Последнее обстоятельство и явилось тем "отягчающим фактором", который предопределил особую остроту и хронический характер сербско-хорватского конфликта.

Первые симптомы кризиса в сербско-хорватских отношениях достаточно ясно проявляются уже в начале 1860-х годов. В 80–90-е годы XIX в. сербско-хорватский конфликт достигает критической фазы, что было связано, с одной стороны, с усилением влияния в хорватском обществе крайне националистических сил, возглавляемых А. Старчевичем, а с другой – с идейно-организационным оформлением сербского национального движения в Хорватии. Кульминацией сербско-хорватского противостояния стали антисербские погромы в Загребе в сентябре 1902 г., поводом для которых послужила антихорватская статья Н. Стояновича, опубликованная в издававшейся в Загребе сербской газете "Србобран".

Столкновение национальных интересов сербов и хорватов в первую очередь проявлялось в программно-тактических разногласиях по вопросу о перспективах сохранения монархии Габсбургов. Основным приоритетом всей сербской политики второй половины XIX – начала XX в. стала идея объединения всех сербских земель. Она начала приобретать конкретное содержание вскоре после обретения Сербией автономного статуса в составе Османской империи в 1830 г. Сербская национальная программа ("Начертание") была сформулирована одним из ведущих политических лидеров Сербии середины прошлого века И. Гарашаниным в 1844 г. [4. С. 271–272]. Впоследствии менялись только акценты и нюансы, однако независимо от политической конъюнктуры идея объединения всегда оставалась главным национальным приоритетом сербов.

Любой из возможных путей объединения сербских земель – "югославянский" (создание полиэтнического югославянского государства) и "великосербский" (объединение всех земель, населенных сербами, в рамках единого государства) – подразумевал неизбежность коренного изменения государственно-политического status quo на Балканах. В той неравной борьбе, на которую отважилась Сербия, бросив вызов своим могущественным соседям, ее главными противниками были Австро-Венгрия и Турция, с беспокойством наблюдавшие за усилением сербского влияния на Балканах. Однако по мере ослабления Османской империи, особенно после оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками в 1878 г., в сербских правящих кругах стало зреть убеждение, что именно Вена представляет собой главное препятствие на пути осуществления сербской национальной программы. Опасаясь за целостность монархии, венский двор впадал из одной крайности в другую: то всячески стараясь "приручить" белградских правителей, то недвусмысленно угрожая им. Впрочем, и то и другое могло иметь лишь временный эффект. В Белграде твердо верили, что рано или поздно внутренняя борьба расшатает устои монархии, что приведет к общевосточному катаклизму и как следствие – к новому государственно-территориальному размежеванию на Балканах.

В борьбе против монархии Габсбургов естественным союзником сербов были сепаратистски настроенные венгры, а противником – те силы в хорватском национальном движении, которые надеялись на помощь Вены в решении "хорватского вопроса"².

Австрославистские концепции федерализации монархии, весьма популярные среди умеренных хорватских политиков, вызывали в сербской среде резкую критику. По мнению лидера воеводинских сербов³ С. Милетича, любая реорганизация монархии способна лишь на некоторое время продлить ее агонию, отдаляя тем самым перспективу коренного решения югославянского вопроса: "Австро-венгерская или австро-венгерославянская монархия – не та страна, где возможно достижение единства южных славян: хорватов, словенцев и сербов" [5]. Враждебно был настроен по отношению к идее коренной реорганизации монархии и лидер хорватских сербов С. Прибичевич, который указывал на "политическую наивность" надевавшихся на то,

² Хорватские земли в административном отношении были раздроблены: Внутренняя Хорватия входила в состав Транслейтании (венгерской части монархии), пользуясь весьма ограниченной автономией. Далмация имела собственное самоуправление в рамках Цислейтании, объединявшей австрийские земли монархии. Хорватско-славонская Военная Граница до 1881 г. вообще составляла особую административную единицу.

³ Воеводина – особая автономная область в составе Транслейтании, населенная преимущественно сербами.

что правящие круги монархии когда-либо согласятся на ее федерализацию или триализацию [6. S. 444]⁴.

Ссылка на "неосуществимость" политических планов коренного государственного переустройства монархии – лишь благовидный предлог, а не истинная причина отказа сербов поддержать борьбу хорватов за осуществление своего национального суверенитета. Попытки решения "хорватского вопроса" в рамках монархии Габсбургов объективно способствовали ее стабилизации, что, по мнению сербских политиков, не соответствовало национальным интересам Сербии. Кроме того, сербы не могли сочувствовать идее создания "Великой Хорватии", видя в этом угрозу своим планам объединения сербских земель.

Стратегической целью всей сербской политики была дестабилизация, а в конечном счете – дезинтеграция Австро-Венгрии, в то время как для хорватского национального движения приоритетной задачей являлось укрепление хорватской государственности в рамках монархии. Проявления открытого сепаратизма были скорее исключением, чем правилом, и в целом хорватское национальное движение в Австро-Венгрии вплоть до самых последних дней ее существования оставалось вполне лояльным по отношению к Габсбургам.

Наблюдается определенная закономерность в проявлениях сепаратистских настроений в Хорватии: всякий раз их всплеск связан с критической фазой развития австро-венгерских отношений.

В конце 1860-х годов, в обстановке ожесточенной борьбы против системы дуализма, в Хорватии резко возросла популярность идеи югославянского объединения в рамках Балканской федерации. Негласные контакты лидера хорватской оппозиции Й.Ю. Штроссмайера с сербским премьером И. Гарашаниным привели к заключению в апреле 1897 г. сербско-хорватского соглашения о координации усилий в деле осуществления "югославянской акции" [4. С. 297–298]. Неудача гарашаниновских "прожектов" общебалканского восстания, упрочение австро-венгерской системы дуализма и заключение в 1868 г. хорватско-венгерского соглашения, регулировавшего статус хорватских земель в рамках Венгерского королевства, способствовали резкому ослаблению радикальных настроений в хорватском обществе. Отчаянная попытка Э. Кватерника поднять "национальную революцию" в хорватских землях монархии окончилась неудачей, надолго отбив у хорватов охоту к подобного рода авантюрам.

Новое оживление сепаратизма в Хорватии отмечено в годы как называемого "нового курса" (середина 1900-х годов), ориентировавшегося на поддержку венгерской оппозиции в ее борьбе за национальную независимость от Австро-Венгрии. Конституционный кризис монархии в 1905–1906 гг., возникший в результате победы оппозиционной Партии независимости на выборах в венгерский парламент, снова оживил в Хорватии сепаратистские настроения. Однако и на этот раз венгры за спиной хорватов сумели договориться с австрийцами. Главным протагонист "нового курса", Ф. Супило, являвшийся активным сторонником "югославянского" варианта решения "хорватского вопроса", к началу 1910-х годов оказался отгеснен "на обочину" хорватской политической жизни сторонниками соглашения с правящими кругами монархии.

Для понимания истинных устремлений хорватского национального движения в Австро-Венгрии весьма показательна идейная эволюция той разновидности хорватской национальной идеологии, которая базировалась на взглядах основоположника хорватской национальной мысли А. Старчевича. Раннее правашство⁵ не признавало

⁴ Наделение Хорватии теми же правами, которыми обладала Венгрия в рамках дуалистического государственного устройства 1867 г., закрепившего разделение монархии на два государственно-политических субъекта. Символами и гарантиями государственного единства Австро-Венгрии являлись правящая династия, армия и общее представительное учреждение (так называемые Делегации).

⁵ Так как возглавлявшаяся А. Старчевичем партия называлась Хорватской партией права, его последователей стали называть правашами.

никаких компромиссов в борьбе за национальную независимость Хорватии. Основная политическая идея А. Старчевича – идея борьбы на два фронта: против Вены и против Будапешта, одинаково угрожавших национальному суверенитету Хорватии (акценты при этом могли меняться: в зависимости от политической конъюнктуры главным "врагом" хорватского народа выступали либо Австрия, либо Венгрия). В тактическом плане праваша делали ставку на "национальную революцию" снизу, поддержанную либо спровоцированную выступлением великих держав (Франции или России) против Австрии [7. С. 174–175].

По мере упрочения системы дуализма идеология правашства претерпевала серьезные изменения. Ее радикализм постепенно приобретал чисто условный характер. В 1890-х годах в партии усиливается влияние Й. Франка, который становится официальным наследником престарелого А. Старчевича. Не уставая твердить о своей верности идеям основоположника партии, Й. Франк исподволь готовил почву для радикальной смены партийного курса. В 1894 г. праваша признали возможность достижения суверенитета Хорватии в рамках монархии, что означало по сути дела "политическую гибель" старой партии, на обломках которой Й. Франк создал в 1895 г. Истинную партию права, стремившуюся опереться на помощь Вены в решении "хорватского вопроса" [8].

Идейная эволюция правашства отражала закономерное для хорватского национального движения явление: осознание взаимозависимости исторических судеб Хорватии и монархии Габсбургов. Дезинтеграция Австро-Венгрии представлялась хорватским национальным деятелям маловероятным и к тому же нежелательным путем развития событий. Если для сербов Австрия являлась главным политическим противником на Балканах, в то время как венгры были потенциальными союзниками в борьбе против монархии, то для хорватов ситуация выглядела обратной. Главную непосредственную опасность для них представляли венгры, в то время как монархия выступала гарантом хорватской автономии.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. основные усилия хорватского национального движения были направлены на укрепление автономного статуса Хорватии в рамках Венгерского королевства. "Крайние" патриоты требовали незамедлительного заключения "персональной унии", что было равнозначно установлению конфедеративных отношений, более умеренные деятели ограничивались требованием предоставления Хорватии финансовой самостоятельности. При всех нюансах в подходах отдельных хорватских политиков общим для всех них было признание необходимости пересмотра хорватско-венгерского соглашения 1868 г., предоставлявшего Хорватии весьма куцую автономию.

Национальные устремления хорватов встречали активное противодействие со стороны венгров, что заставляло хорватских политиков искать поддержки у венских правящих кругов, заинтересованных, в свою очередь, в разыгрывании "хорватской карты" для обуздания непомерных венгерских appetитов, угрожавших целостности монархии.

Проавстрийская ориентация хорватского национального движения диктовалась не только тактическими соображениями; во многом она обуславливалась общей геополитической ситуацией на Балканах. Хорваты всеерьез опасались тех политических последствий, которые повлек бы за собой распад Австро-Венгрии. По мнению депутата хорватского сабора И. Першича, распад монархии привел бы к разделу Хорватии между ее более сильными соседями [2. С. 593]. Для хорватов постоянным кошмаром являлась идея Великой Сербии, и уже только поэтому сохранение монархии было оправданным. За исключением "раннего" А. Старчевича и "позднего" Ф. Супило, все главные действующие лица хорватской политической сцены были настроены вполне лояльно по отношению к монархии. В политическом сознании хорватского общества второй половины XIX – начала XX в. идея национального суверенитета имела не столько антиимперский, сколько антивенгерский характер. Вследствие своей антивенгерской направленности хорватское национальное движение в Австро-Венгрии высту-

пало интегрирующим фактором имперской системы, что объективно предопределяло неизбежность столкновения с сербскими национальными интересами.

Расхождение коренных национальных интересов сербов и хорватов, порождавшее постоянную напряженность в их взаимоотношениях, еще более усиливало взаимное соперничество, проистекавшее из желания играть ведущую роль в деле югославянского объединения. Хорваты всячески стремились ограничить процесс такого объединения рамками монархии, что совершенно исключало Белград из возможных политических комбинаций. При этом "югославянская идея" в хорватской интерпретации зачастую приобретала ярко выраженную великохорватскую окраску. По словам лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, хорватский план "собрания народных сил" заключается в объединении всех южных славян монархии под хорватским именем в едином Хорватском королевстве [6. S. 233]. В представлении А. Старчевича, идея "южнославянского народного единства" является всего лишь формой выражения хорватской национальной идеи, так как, по его мнению, все южные славяне представляют собой чистокровных хорватов [9]. Последователи А. Старчевича были несколько скромнее в своих национальных амбициях, ограничивая территориальные рамки "народного единства по-хорватски" пределами монархии. По их мнению, Загреб должен сыграть роль политического центра всех южнославянских земель монархии, а сербам и словенцам предлагалось добровольно признать себя составной частью "хорватского политического народа" (во имя все той же пресловутой идеи "народного единства") [6. S. 89, 186, 389].

Претендуя на то, чтобы быть выразителями интересов всех южных славян монархии, хорваты ревниво следили за усилением сербского влияния на Балканах, видя в этом потенциальную угрозу своим планам. Понимая, что в борьбе за гегемонию на Балканах Сербия находится в более выгодном положении, чем Хорватия, хорватские политики неоднократно предлагали сербам договориться о разделе сфер влияния. При этом предполагалось, что хорваты возглавят процесс югославянского объединения внутри монархии, а сербы – на остальной части Балканского полуострова [6. S. 245; 10]. Сторонником подобного "дуалистического" подхода к процессу югославянского объединения был один из ведущих хорватских политиков начала века Ф. Супило. Вскоре после начала первой мировой войны он оказался в эмиграции, став одним из лидеров Югославянского комитета, созданного в 1915 г. в качестве представительного органа южнославянских народов монархии. Ф. Супило отвергал попытки сербского правительства устранить хорватов от сколько-нибудь активного участия в деле югославянского объединения, что привело его в конце концов к открытому конфликту с сербским премьером Н. Пашичем и примиренчески настроенными членами Югославянского комитета [11].

В годы первой мировой войны Сербия испытала ужасные тяготы и ни с кем не хотела делить лавры победителей, тем более – с хорватами, которых сербское общественное мнение клеймило как предателей, ставших на сторону монархии в тяжелейшие дни "сербской Голгофы". После долгих колебаний Никола Пашич был вынужден принять "югославянский вариант" решения "сербского вопроса", задумав создать Югославию исключительно по "сербскому сценарию". Впрочем, у Пашича, как у большинства сербских политиков вообще, никогда не было сомнений относительно роли Сербии как "югославянского Пьемонта". В этом вопросе сербы занимали жесткую позицию, отвергая возможность каких-либо компромиссов с хорватами. В недавно опубликованной статье Н. Пашича "Сербо-хорватское согласие", которая, по мнению А.Л. Шемякина, была написана на рубеже 80–90-х годов прошлого века, подчеркивается, что сербы "никогда не согласятся" с тем, чтобы объединение сербских и хорватских земель происходило под эгидой Загреба. Пашич доказывал, что хорваты в силу своей религиозной, культурной и политической зависимости от Запада "органически не способны" возглавить процесс объединения, в то время как сербы имеют для этого все основания: они смогли освободиться от турецкой власти собственными силами, создать два независимых государства (Сербию и Черногорию),

сохранить свою культурную и национальную самобытность, наконец, обеспечить себе симпатии русских единоверцев. По мнению Пашича, спор о старшинстве между сербами и хорватами "уже давно решен в пользу сербского народа" [12].

Статья, написанная Н. Пашичем за два десятилетия до начала первой мировой войны, позволяет лучше понять мотивы его действий в те годы, когда "югославянский вопрос" из предмета теоретической дискуссии был перенесен в практическую плоскость, превратившись в объект всевозможных политических манипуляций. Пашич всячески препятствовал политической легитимации Югославянского комитета, в котором он упорно не желал видеть равноправного партнера в переговорах относительно судьбы будущей Югославии. Корфская декларация 1917 г., а особенно Женевское соглашение 1918 г. об основах послевоенного решения "югославянского вопроса" нанесли серьезный удар по сербскому самолюбию, глубоко уязвленному тем, что Сербия лишилась героического ореола "югославянского Пьемонта"⁶. На следующий день после подписания Женевских соглашений Пашич подал в отставку с тем, чтобы облегчить наследнику сербского престола возможность дезавуировать только что подписанные соглашения [3].

Югославянское объединение состоялось 1 декабря 1918 г. по сценарию, написанному в Белграде. Хорваты были вынуждены пойти на уступки сербам, признав их первенствующую роль в процессе объединения. Желание примкнуть к лагерю победителей оказалось сильнее антисербских предрассудков и национально-политических антипатий хорватского общества. В обстановке всеобщей нестабильности, в ситуации, когда Хорватия могла стать объектом дележа между Италией⁷ и Сербией, для многих хорватских политиков югославизм показался спасительным решением или, по крайней мере, меньшим из двух зол.

Однако период югославистских иллюзий в хорватском обществе закончился довольно быстро. Югославия в форме централизованной монархии во главе с сербской династией Карагеоргиевичей была явно неприемлема для хорватов. Впрочем, как оказалось впоследствии, никакой другой вариант Югославии (децентрализованной и республиканской) их тоже не устраивал. Если для сербов объединение югославянских земель было способом решения национального вопроса, то для хорватов оно оказалось лишь промежуточным этапом на пути обретения ими национальной независимости.

В начале 20-х годов хорватское национальное движение возглавил С. Радич, лидер Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП). Оппозиционные хорватские депутаты Учредительной скупщины, возглавляемые ХРКП, объявили о конституировании "Хорватского народного представительства", провозгласив его высшей законодательной властью на территории Хорватии: "Все наше прошлое, а особенно горький опыт двух последних лет свидетельствуют о том, что хорваты и сербы в политическом отношении не могут составлять один народ, так как Хорватия, где большинство представляет республикански настроенная крестьянская масса, не может составлять с Сербией единое государственное целое, пока та остается королевством", – говорилось в обращении к регенту Александру Карагеоргиевичу депутатам Учредительной скупщины от ХРКП, опубликованном в седьмом номере газеты "Дом" за 16 февраля 1921 г. [14. S. 347].

1 апреля 1921 г. "Хорватское народное представительство" одобрило проект Конституции "Нейтральной Крестьянской Республики Хорватии". Провозгласив хорватский государственный суверенитет на территории восьми жупаний, входивших во времена Австро-Венгрии в состав Венгерского королевства (так называемая банская Хорватия), "Хорватское народное представительство" вместе с тем заявило о возможности вступления Хорватии в "югославянскую союзную республику" (в более

⁶ Декларация и соглашение явились результатом компромисса между правительством Н. Пашича и теми, кто выдвигал "дуалистическую" формулу югославянского объединения (большинство членов Югославянского комитета).

⁷ В соответствии с Лондонским протоколом 1915 г., оговаривавшим условия участия Италии в войне на стороне Антанты, приморские области Хорватии и Далмация были обещаны ей в качестве компенсации.

широком составе, с участием Болгарии, или в сербско-хорватско-словенском варианте), если будет достигнут межнациональный консенсус на основе свободно выраженного волеизъявления народа [14. С. 366, 388]. В июне 1922 г. С. Радич в интервью одному белградскому журналисту следующим образом определил условия примирения с Белградом: признание государственного суверенитета Хорватии (в том числе на территории Далмации), заключение союзного договора с Сербией, гарантом которого выступала бы Лига Наций, с целью создания конфедерации двух государств (с возможным участием Болгарии). По мнению С. Радича, сферу компетенции союзных структур должны были бы определить соответствующие представительные органы, однако тут же он уточнял, что в любом случае Хорватии должна быть гарантирована полная финансовая самостоятельность, а общая оборона не должна предполагать создание единой армии [14. С. 542–545].

Концепция "югославской конфедерации" С. Радича, предусматривавшая создание военно-политического союза формально независимых государств, – вновь стала весьма актуальной в 80-х годах XX в., в обстановке кризиса югославской федерации, созданной после второй мировой войны Йосипом Броз Тито. Югославия при Тито по сути оставалась централизованным государством, единство которого поддерживалось "столпами" авторитарного режима – Союзом коммунистов Югославии и Югославской народной армией. Однако, в отличие, скажем, от Советского Союза, в Югославии централизм был сведен с общегосударственного уровня на республиканский. Помимо федерального центра, авторитет которого во многом поддерживался благодаря культуре личности Тито, в Югославии возникли локальные политические центры в республиках и автономных краях. Вокруг этих центров началось формирование этнократических кланов, которые сыграли решающую роль в процессе дезинтеграции социалистической Югославии после смерти ее создателя в 1980 г. [15].

На рубеже 80–90-х годов идея Радича о преобразовании Югославии в "конфедерацию независимых государств" из умозрительной концепции превратилась в предмет оживленных политических дискуссий. В октябре 1990 г. Хорватия и Словения выдвинули свою модель конфедеративного устройства Югославии по типу Европейского сообщества. Предусматривалось, в частности, сохранение общего экономического пространства, заключение таможенной и финансовой унии. Каждое из государств – членов конфедерации – должно было иметь собственные вооруженные силы, однако на уровне конфедерации предполагалось осуществление "координации и согласования оборонительных усилий". Не исключалась также возможность создания единой организации отдельных родов или видов вооруженных сил (ВВС, противовоздушная оборона, ВМФ). В области внешней политики, по мнению хорватов и словенцев, органы конфедерации могли бы обеспечивать "совместное решение определенных внешнеполитических вопросов", а также по взаимной договоренности осуществлять дипломатическое представительство в третьих странах [16. С. 67–71].

Хорватский подход к идее трансформации югославской федерации был воспринят сербами резко негативно. Большинство сербов были убеждены, что хорваты хотят во что бы то ни стало "развалить Югославию", а идея конфедерации является всего лишь благовидным предлогом для этого. В феврале 1991 г. высшие руководители Сербии и Черногории выступили с совместной декларацией о будущем конституционном устройстве Югославии. По мнению авторов декларации, "Югославия должна быть демократической федерацией в форме союзного государства. Конфедерация означала бы ликвидацию Югославии как единого целого..." Концепция федерации, предложенная Сербией и Черногорией, предусматривала наделение союзных органов полномочиями в сфере обороны, внешней политики, финансовой системы, государственного регулирования рыночных отношений, а также в вопросах обеспечения прав граждан [17].

Позицию сербского руководства поддержали хорватские и боснийские сербы. Стремясь оградить себя от возможных последствий развала Югославии, хорватские сербы образовали на территории Хорватии две автономные области, которые после

провозглашения независимости Хорватии в мае 1991 г. выразили желание остаться в составе югославской федерации. В ноябре 1991 г. в сербских общинах Боснии и Герцеговины был проведен плебисцит, на котором боснийские сербы также высказались за сохранение Югославии. Они отказались участвовать в республиканском референдуме 1 марта 1992 г., который юридически санкционировал независимость Боснии и Герцеговины, тем самым окончательно развеяв последние надежды на возможность реанимирования Югославии в ее "усеченном виде" (без Хорватии и Словении) [16. С. 110–111, 116].

Все попытки сохранить единое югославское государство потерпели неудачу. Агония Югославии длилась чуть больше года. Уже к весне 1991 г. кризис федерации достиг той стадии, за которой неминуемо следует фаза распада. Сербы продолжали упорствовать в своем желании во что бы то ни стало сохранить югославскую федерацию, хотя это было заведомо неприемлемо для хорватов. В этой ситуации последние предпочли демонстративно "хлопнуть дверью", положив конец затянувшемуся выяснению отношений. Однако это "соломоново решение" возымело обратный эффект: оно лишь привело к очередной эскалации конфликта, превратившегося, фактически, в необъявленную войну между Сербией и Хорватией.

Несомненно то, что одним из важнейших источников напряженности в сербско-хорватских отношениях еще долгое время будет оставаться проблема хорватских сербов. Суть "сербского вопроса" в Хорватии заключается в стремлении хорватских сербов к политическому и национальному самоопределению⁸, чему всячески противодействуют хорваты, видящие в сербских популяционных угрозу территориальному единству и целостности хорватских земель.

В то время, когда сербское национальное движение в хорватских землях Австро-Венгрии только зарождалось (вторая половина XIX – начало XX в.), хорватские сербы открыто не выдвигали никаких политических требований. Их программа ограничивалась лишь требованием предоставления сербскому населению Хорватии гарантий национального равноправия (официальное признание имени и языка сербского народа, равноправие вероисповеданий, употребление кириллицы наряду с латиницей в официальных документах) [7. С. 348–350; 18]. Но уже в 1902 г. на Загребской конференции в программу Сербской независимой партии Хорватии – ведущей политической силы хорватских сербов – было включено новое требование: право свободного пользования сербской национальной символикой (флагом) [7. С. 349].

Попытка сербов заявить о своих политических правах была воспринята хорватскими политиками как покушение на сами основы хорватской государственности. Все позднейшие разъяснения сербской стороны на счет того, что сербский флаг является лишь чисто национальным, а не государственным, так и не смогли убедить хорватов, подозревавших в любой сербской акции скрытую антихорватскую направленность [2. S. 727, 885].

Особое раздражение у хорватских патриотов вызывало настойчивое стремление сербов быть субъектом хорватского государственного права. На протяжении более 50-ти лет (с 1860-х годов и вплоть до первой мировой войны) хорватский сабор постоянно муссировал одну и ту же тему: являются ли сербы "частью хорватского политического народа" или же их следует упоминать в официальных документах отдельно в качестве "сербского народа", на чем упорно настаивали сами сербы. На первый взгляд незначительный смысловой нюанс мог иметь очень серьезные политические последствия. Признание сербов субъектом хорватского государственного права давало им возможность претендовать на политическое самоопределение либо в рамках политической автономии в составе хорватских земель, либо в форме осуществления своего права на отделение (в случае создания "Великой Сербии"). В

⁸ Под политическим самоопределением мы подразумеваем стремление к созданию политической автономии либо к осуществлению права на отделение; культурно-национальное самоопределение предполагает возможность свободного культурно-языкового развития, гарантированного наличием соответствующих институтов и правовых норм.

этой связи сербский национальный флаг воспринимался как символ политического самоопределения хорватских сербов, а это было заведомо неприемлемо для любого хорватского политика независимо от его политической ориентации. Хорватов всегда преследовал кошмар "Великой Сербии", которая может поглотить хорватские земли, населенные ее соплеменниками.

Панический страх перед возможностью осуществления "великосербских" планов заставлял хорватов действовать в "сербском вопросе" вопреки всякой логике и разумному смыслу. Хорватские экстремисты в лице А. Старчевича и его идейных наследников – франковцев⁹ – постоянно подчеркивали "чисто хорватский характер" славянского населения Хорватии, заявляя при этом, что различия между хорватами и "так называемыми сербами" состоят исключительно в их религиозной, но никак не национальной принадлежности. По их мнению, сербы в Хорватии не представляют особую этническую общину, а являются "хорватами православной веры" [19. S. 90, 1226–1228]. Националисты разных мастей усиленно муссировали идею о "чужеродности" сербского национального самосознания на хорватской почве, о том, что оно "искусственно насаждается" интеллигенцией (православными священниками и учителями церковно-приходских школ) при поддержке сербского капитала [22. S. 701–702, 813–814, 873–874]. Один из видных представителей франковцев, депутат хорватского сабора И. Элегович, весьма своеобразно выразил весь логический абсурд так называемого сербского вопроса в Хорватии, заявив с трибуны сабора буквально следующее: "Я признаю, что сербы существуют, но не признаю за ними право на существование" [22. S. 191].

Более умеренные представители хорватского национального движения были готовы признать национальную индивидуальность сербского населения Хорватии, однако и в этом случае сербы рассматривались лишь как часть "хорватского политического народа" [19. S. 90, 315–316; 6. S. 236].

Неурегулированность правового статуса хорватских сербов являлась источником постоянной напряженности в сербско-хорватских отношениях. Создание Югославии на некоторое время приглушило остроту "сербского вопроса" в Хорватии, но не решило тех проблем, которые лежали в его основе. С новой силой сербско-хорватский антагонизм вспыхнул в годы второй мировой войны. В Независимом Хорватском Государстве, возникшем на развалинах "версальской" Югославии при морально-политической и военной поддержке гитлеровской Германии, идея создания этнически чистого Хорватского государства была возведена в ранг официальной политики. Более 700 тыс. сербов, евреев и цыган погибли в концлагере Ясеновац, сотни тысяч бежали либо были депортированы [16. С. 43–44]. Все это не могло не оставить глубокий след в исторической памяти сербского народа, способствуя закреплению устойчивого антихорватского стереотипа в его национальном сознании.

В условиях кризиса югославской федерации "сербский вопрос" в Хорватии снова оказался в эпицентре политических баталий. В декабре 1990 г. была принята новая Конституция Хорватской республики, призванная "укрепить" Хорватию как "единое и неделимое" "национальное государство хорватского народа". В шестой статье Конституции запрещалась деятельность любой политической партии, которая может представлять угрозу "конституционному порядку, независимости или территориальной целостности республики". В соответствии с этой статьей фактически любая сербская политическая организация в Хорватии в любой момент могла быть объявлена вне закона. Кроме того, в Хорватии запрещалось создание партий на национальной основе, что также "прямой наводкой" било по сербскому национальному движению. Статья 12 Конституции провозглашала официальными хорватский язык и латинский алфавит, хотя и допускала возможность служебного использования иного языка и иного алфавита в "отдельных территориальных единицах" [16. С. 110–111].

Новая хорватская Конституция вызвала острое недовольство хорватских сербов,

---

⁹ Хорватские ультранационалисты из Истинной партии права, возглавляемой Й. Франком.

возмущенных ущемлением своих прав. Националистическая истерия, охватившая хорватское общество, резко активизировала сербское национальное движение в Хорватии. В декабре 1990 г. сербы провозгласили создание Сербской автономной области Крайны, а вскоре на территории Хорватии возникла и вторая сербская автономия, включавшая в себя Восточную Славонию, Бараню и Западный Срем. После столкновения с полицией и внутренними войсками хорватские сербы создали собственные отряды самообороны. С весны 1991 г. противостояние защитников сербских сел и хорватской полиции переросло в кровопролитную войну. Ввод миротворческих сил ООН в Хорватию весной 1992 г. способствовал некоторой стабилизации ситуации, дав возможность хорватам собраться с силами для проведения акции "умиротворения" непокорных сербов осенью 1995 г.

"Силовой" вариант решения "сербского вопроса" в Хорватии оказался достаточно эффективным в условиях мощного международного давления на Сербию, лишенную возможности оказать действительную помощь своим собратьям по ту сторону Савы. Вопрос лишь в том, сможет ли Загреб обеспечить долгосрочную перспективу урегулирования "с позиции силы" или же ему придется пойти на уступки, которые в конце концов могут привести к возвращению на круги своя.

Помимо проблемы хорватских сербов самым большим искушением для сербско-хорватских отношений всегда был боснийский вопрос. Босния и Герцеговина, оказавшиеся волей судьбы своего рода буфером между Хорватией и Сербией, вот уже более 100 лет являются ареной их ожесточенного соперничества.

Передача двух бывших турецких провинций под управление Австро-Венгрии, санкционированная решениями Берлинского конгресса 1878 г., нанесла жесточайший удар по сербской национальной идее, рассматривавшей боснийские земли как исконно сербские. По глубочайшему убеждению сербов, именно они должны были стать законными наследниками одряхлевшей Османской империи. Однако вмешательство австрийцев, поддержанных "европейским концертом", спутало сербам все карты, надолго отдалив осуществление заветной цели объединения сербских земель. Присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии создавало непосредственную угрозу их поглощения Хорватией, претендовавшей на роль центра объединения всех южнославянских земель монархии.

Учитывая свое численное превосходство в Боснии и Герцеговине, сербы упорно настаивали на применение принципа "народного самоопределения" в качестве основы решения боснийского вопроса. Идею "народного плебисцита" дополняла идея "международного арбитража", так как по мнению сербской стороны судьба Боснии и Герцеговины во многом зависела от позиции великих держав. Сербы надеялись, что великие державы (и в первую очередь Россия) не допустят чрезмерного усиления австрийского влияния на Балканах, что неминуемо произойдет в случае аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины [4. С. 382; 20].

Увы, на этот раз сербы ошиблись в своих расчетах: когда 5 октября 1908 г. пришло известие об аннексии Боснии и Герцеговины, европейская дипломатия осталась весьма пассивной. Слабо протестовавшая Россия была бессильна что-либо изменить. Русским дипломатам пришлось приложить немалые усилия, чтобы "утихомирить" сербов, до крайности возмущенных очередным вероломством австрийцев [21]. Хорваты же не скрывали своего воодушевления, полагая, что аннексия лишь увеличивает их шансы на обладание Боснией и Герцеговиной. У большинства хорватских политиков никогда не возникало сомнений относительно своих "исторических прав" в бывших турецких провинциях, рассматривавшихся ими как составная часть хорватской национальной территории. При этом все население Боснии и Герцеговины объявлялось исключительно хорватским [14. С. 285–286; 10. С. 180; 6. С. 11–17].

В борьбе Сербии и Хорватии за обладание Боснией и Герцеговиной последняя, как это нередко бывает в подобных случаях, сумела обрести независимый статус: сначала в качестве субъекта югославской федерации, а затем – как независимое государство, официально признанное международным сообществом.

Слухи о возможном разделе Боснии и Герцеговины между Сербией и Хорватией в ходе дележа "югославского наследства" оказались беспочвенными. Конечно, и в Загребе, и в Белграде подобные планы находили понимание и сочувствие. Однако ни Хорватия, ни Сербия не могли пойти на столь решительный шаг. Сербь и хорваты были вынуждены учитывать непредсказуемые (и прежде всего для самих себя) последствия перекройки внутриягославских границ. Кроме того, раздел Боснии и Герцеговины на сербскую и хорватскую сферы влияния наверняка бы вызвал отчаянное сопротивление мусульман.

В конце концов раздел Боснии и Герцеговины по этноконфессиональному признаку все-таки произошел. Он был закреплен Дейтонскими соглашениями, подписанными в Париже в декабре 1995 г. Создав перспективу мирного урегулирования, Дейтонские соглашения, вместе с тем, таят в себе опасность новой эскалации конфликта, так как являются по сути дела вынужденным компромиссом, навязанным внешними силами.

Распад Югославии, насильственное "умиротворение" хорватских сербов и заключение Дейтонских соглашений, знаменующих раздел Боснии и Герцеговины, представляют собой важнейшие вехи новейшей истории сербско-хорватского конфликта. Эти три события являются разрешением, может быть временным, трех основных проблем сербско-хорватских отношений, сфокусировавших в себе основные точки столкновения национальных интересов сербов и хорватов:

1) взаимоисключаемость стратегических задач национальной борьбы: для хорватов – сохранение монархии Габсбургов и ее реорганизация (федерализация или триализация), после первой мировой войны – достижение государственной независимости в результате дезинтеграции Югославии; для сербов – поощрение центробежных тенденций в Австро-Венгрии с целью создания условий для объединения всего сербского народа в рамках единого государства на основе "великосербского" или "югославянского" сценария, после образования Югославии – стремление во что бы то ни стало сохранить единое югославское государство;

2) проблема хорватских сербов (осуществление их права на политическое самоопределение);

3) боснийский вопрос (проблема территориальной принадлежности Боснии и Герцеговины).

На первый взгляд, можно ставить точку в долголетней истории сербско-хорватского конфликта. Однако слишком большой оптимизм вряд ли уместен хотя бы потому, что по крайней мере одна сторона – мы имеем в виду сербов – осталась явно недовольна финалом долголетней драмы. Вполне возможно, что после некоторого умиротворения, в условиях, когда давление международного сообщества ослабеет, сербско-хорватский конфликт может вспыхнуть с новой силой. И тогда, как это, к сожалению, уже не раз бывало на Балканах, все опять вернется на круги своя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крестич В.* Историја Срба у Хрватској и Славонији. Београд, 1991.
2. *Hrvatska, Slavonija i Dalmacija.* Sabor. Stenografski zapisnici i prilozi (далее – S.Z.) 1906–1911 Sv. 2. D. 1.
3. *Бакотич Л.* Срби у Далмацији од пада Млетачке републике до ујединења. Београд, 1991. С. 5.
4. Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 6. Т. 2.
5. *Novak V.* Antologija jugoslovenske misli. Београд, 1930. С. 367.
6. S.Z. 1913–1918. Sv. 2.
7. Народна енциклопедија. Београд, 1928. Књ. 4.
8. *Šidak J.* Povijest Hrvatskog naroda. Zagreb, 1981. S. 145, 147, 239.
9. *Gross M.* Nacionalno-integracijske ideologije u Hrvata od kraja ilirizma do stvaranja Jugoslavije // Društveni razvoj u Hrvatskoj. Zagreb, 1981. S. 294.
10. *Supilo F.* Politički spisi. Zagreb, 1970. S. 143, 147.

11. *Horvat J. F. Supilo*. Beograd, 1961. S. 287–289.
12. *Пашић Н.* Слога Срба и Хрвата. Београд, 1995.
13. *Станковић Д. Н.* Пашић и Југословенско питање. Београд, 1985. Т. 1. С. 233–234.
14. *Radić S. Politički spisi*. Zagreb, 1971.
15. *Волков В.К.* Трагедија Југославији // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4/5. С. 5–6.
16. *Југославија в огне*. М., 1992.
17. *Zbirka dokumenata relevantnih za dogovor o budućnosti Jugoslavije*. Beograd, 1991. S. 75–77.
18. *Застава*. 1901, бр. 232; 1903, бр. 209.
19. *S.Z.* 1908–1913. Sv. 1.
20. *Застава*. 1905, бр. 162, *Нови Србобран*. 1903, бр. 167.
21. *Историја дипломатије*. М., 1945. Т. 2. С. 194–198.
22. *S.Z.* 1906–1911. Sv. 1.

© 1997 г. ЭНГЕЛЬГАРТ Г.Н.

РЕСПУБЛИКА СЕРБСКАЯ ПО ДЕЙТОНСКИМ СОГЛАШЕНИЯМ

В истории Европы первая половина 90-х годов омрачена кровавой войной, вызванной распадом Югославии. С 1992 г. эпицентром боевых действий стала территория бывшей югославской республики Боснии и Герцеговины (БиГ), на которой возникло несколько враждующих друг с другом государственных образований.

Переговоры по разрешению боснийского кризиса начались еще до начала гражданской войны и продолжались на всем ее протяжении. Великие державы и международные организации неоднократно предпринимали попытки найти решение кризиса. По разным причинам все эти инициативы (планы Вэнса-Оуэна, Оуэна-Столтенберга и контактной группы) потерпели крах.

В ноябре 1995 г. на базе ВВС США Райт-Паттерсон в Дейтоне (Огайо) прошли переговоры по урегулированию боснийского кризиса. Трехнедельные переговоры завершились заключением 21 ноября 1995 г. Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине. Официальное торжественное подписание произошло 14 декабря 1995 г. в Париже.

Дейтонский договор подвел определенную черту под четырехлетней гражданской войной в Боснии и Герцеговине и определил некоторые контуры будущего устройства этой бывшей югославской республики.

В начале 1996 г. под дейтонским процессом и дейтонскими решениями понимались в основном конкретные соглашения военно-территориального характера: делимитация территории сторон и передача власти над теми или иными районами, взаимный отвод войск и их постановка под контроль международных сил. Таким образом, вопросы собственно послевоенного устройства БиГ "по Дейтону" оказались несколько в тени. Мы остановимся на тех аспектах этого устройства, которые касаются государственного образования одной из сторон – боснийских сербов¹.

Одно из принципиальных положений дейтонских договоренностей – сохранение международно признанных внешних границ Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) при одновременном внутреннем разделении на две части [3. I.1]. По этому разделу территория Республики Сербской (РС) составляет примерно 49% от всей территории БиГ.

Энгельгардт Георгий Николаевич – аспирант МГУ.

¹Соглашение приводится по английскому тексту [1]. Ссылки даются на составляющие его отдельные документы и конкретные их статьи.

Между РС и ФБиГ² устанавливается граница, статусу которой посвящено особое соглашение по внутреннему разграничению [4]. По Конституции, эта граница рассматривается как чисто административная и на ней запрещено установление пограничного контроля [3, I.4].

Что касается территориального аспекта урегулирования, то здесь произошли наибольшие изменения по сравнению с предшествующими планами. За исключением района Сараево, фактически произошел давно предлагавшийся Р. Караджичем территориальный обмен "количества на качество" [14. P. 105; 15]. Республика Сербская сохранила за собой Восточную Боснию кроме Горажде, отказавшись от обширных малонаселенных и слабо развитых территорий на западе Боснии (Дрвар, Гламоч, Грахово, Петровац), равно как и буферных районов средней Боснии (Купрес, Яйце и Донья Вакуф).

Однако статус многих ключевых территорий был определен не в пользу РС. Так Сараево целиком отошел Федерации, тогда как по всем предшествовавшим планам над городом предполагалось установить протекторат ООН (планы Вэнса – Оуэна, Оуэна – Столтенберга, контактной группы). Прямым результатом такого решения стал исход более 100 000 жителей сербской части города и полный провал концепции сохранения многонационального характера столицы БиГ.

Кроме утраты Сараево, боснийские сербы много потеряли и при определении статуса "коридоров". В случае с Горажде Федерация получила достаточно широкий и безопасный проход, связующий анклав с ее основной территорией [5. IV]. В то же время будущий статус района Брчко, через который проходит жизненно важный для РС посавинский коридор, соединяющий восток и запад республики, должен быть определен международным арбитражем [4. V]. Более того, коридор Горажде – Сараево фактически разрезал надвое и восточную половину РС, отделив ее боснийскую часть (с центром в Пале) от герцеговинской (с центром в Требинье).

РС располагает весьма протяженной границей с ФБиГ и Хорватией, своими недавними противниками. К тому же она сама фактически разделена на три части, связанные между собой лишь узкими коридорами. Из-за этого ее территория очень уязвима и в случае военного конфликта удержать ее будет весьма трудно. ФБиГ, напротив, расположена крайне благоприятно – единым компактным массивом на западе и в центре БиГ.

Военные стороны урегулирования в БиГ отражены в соглашении по региональной стабилизации [6] и в соглашении по военным аспектам мирного разрешения кризиса [5]. Эта сторона дейтонских соглашений является наиболее осязаемой.

Реализация соглашения о региональной стабилизации приведет к кардинальному изменению баланса сил в Боснии. Лучшей гарантией мира в регионе может быть как политическое урегулирование споров боснийских сторон, так и лишение их способности вести наступательную войну. Как уже показано, территориальное разграничение невыгодно для РС и весьма благоприятно для ФБиГ.

Главный смысл этих договоренностей – коренное изменение баланса сил в Боснии. Как известно, в ходе гражданской войны в БиГ соотношение сил сторон выглядело следующим образом: перевес мусульмано-хорватской коалиции в численности войск компенсировался преимуществом боснийских сербов в тяжелом вооружении и в качестве офицерского корпуса. Даже постоянное участие крупных сил армии Хорватии в боснийской войне не могло перевесить этого сербского преимущества. Одним из элементов поддержания status quo был фактический отказ РС от наступательных операций и согласие на деятельность "голубых касок" ООН и гуманитарных агентств "в обмен" на сохранение эмбарго на поставки оружия. Потребовались значительные политические усилия США и двухнедельная массированная бомбардировка авиацией НАТО территории РС в августе – сентябре 1995 г., чтобы армия Хорватии и

---

²Федерация Босния и Герцеговина – название мусульмано-хорватского образования, официально закрепленное в Дейтоне.

мусульманские силы смогли нанести сербам ряд чувствительных поражений. Но, несмотря на все потери осени 1995 г., армия РС сохранила значительную часть своего потенциала и осталась серьезной силой.

Соглашение о региональной стабилизации предусматривает установление пороговых значений по тяжелым вооружениям для ряда пост-югославских государств (Союзной Республики Югославия (СРЮ), Хорватии и БиГ, причем в последнем случае – раздельно для РС и для ФБиГ). Это соотношение определено в пропорции 5:2:2, где пять – квота СРЮ, а квота БиГ делится в соотношении 2:1 между ФБиГ и РС соответственно. Причем квота Югославии задана лишь как 75% от нынешнего уровня [6. IV.3]. Выполнение этих соглашений сводится к одностороннему сокращению вооружений СРЮ и РС и наращиванию военного потенциала ФБиГ и Хорватии до потолка квот.

Соглашение предусматривает снятие и формального препятствия перевооружению армий ФБиГ и Хорватии – эмбарго на поставки оружия в регион. Как и предполагалось, эмбарго было отменено спустя достаточно короткий срок (шесть месяцев) со дня вступления в силу дейтонских договоренностей [6. III.b].

Армии РС и СРЮ в основном оснащены морально устаревшим вооружением, в массе своей унаследованным от ЮНА. Именно это оружие подпадает под сокращение. Одновременно США и ряд исламских стран приступили к оснащению и переподготовке армии ФБиГ. Конечно, такая помощь практиковалась и в период эмбарго – но теперь она полностью легализована и принимает весьма широкий размах. Речь идет о наполнении квот ФБиГ и Хорватии (РХ) новейшим американским вооружением и о создании квалифицированного командного состава для армий этих государств.

Численный перевес ФБиГ и РХ над РС будет закреплен и превосходством в качестве вооружений. Более того, реальный баланс сил может быть представлен не как 5,6 к 3,3 (квоты РС и СРЮ против квот ФБиГ и РХ), а как 5:1 в пользу ФБиГ и Хорватии. Ведь весь опыт боснийской войны показал, что вмешательство СРЮ на стороне РС очень маловероятно, а армия Хорватии, напротив, постоянно так или иначе участвовала в боях.

Одной из основных частей соглашения является конституция Боснии и Герцеговины. Наряду с образованием ряда центральных органов Республики Босния и Герцеговина (РБиГ) она предусматривает разделение БиГ на два "образования": Федерацию Босния и Герцеговина (ФБиГ) и Республику Сербскую (РС) [3. 1.3]. Вместе с определением сферы полномочий Боснии и Герцеговины этот текст также предусматривает и определенное ограничение суверенитета как РС и ФБиГ, так и Боснии и Герцеговины в целом.

До начала гражданской войны главной целью боснийских сербов было остаться в составе Югославии и противодействовать выделению БиГ в отдельное государство. Однако начавшаяся в 1992 г. война, международное признание независимости БиГ и ряд других факторов значительно изменили эту цель. В течение 1992 г. в сербских районах Боснии фактически возникает самостоятельное государство – Республика Сербская, которое и ведет войну с "официальной" Боснией и Герцеговиной. Эта никем в мире не признанная республика в ходе войны постепенно приобретает черты независимого национального государства [14. P. 115–118]. Теперь уже ее лидеры стремились добиться международного признания и отделения от Боснии и Герцеговины. Именно эта цель получила приоритет над немедленным объединением с Сербией и Черногорией, образовавшимися в 1992 г. Союзную Республику Югославию.

Что касается права на отделение от БиГ, то в этом случае дейтонский текст достаточно ясен – как в преамбуле, так и отдельных статьях зафиксировано безусловное "сохранение территориальной целостности БиГ" [3. Preamble. III.5.a, VI.3; 6. I.2.a; 2. I]. Действительно, конституция предоставляет "образованиям" право устанавливать "особые параллельные отношения" с соседними государствами [3. III.a], однако здесь существует одно ограничение. Такие отношения могут быть установлены

и вступить в силу лишь после их изучения Конституционным Судом на предмет соответствия "территориальной целостности и суверенитету БиГ" [3. III.5.a].

Однако, не получив полной независимости, Республика Сербская добилась весьма широкой автономии и международного признания своего существования как субъекта Боснии и Герцеговины. Нельзя забывать, что до Дейтона даже в документах ООН использовались понятия "боснийские сербы", "боснийско-сербская сторона" [10. В.10] или неудобоваримые конструкции – "власти де-факто боснийских сербов", "администрация де-факто с политическим центром в Пале" [11. Р. 38]. Теперь же дейтонские документы подписывали представители Республики Сербской и под этим именем она фигурирует в конституции БиГ.

Также важным достижением РС является решение проблемы гражданства. Оно определяется как двойное – БиГ и субъекта конфедерации, причем последнее находится в ведении РС (или ФБиГ) [3. I. 7].

Степень автономии двух частей БиГ позволяет говорить о ее конфедеративном устройстве: к компетенции центральных органов БиГ отнесены лишь внешняя и внешнеэкономическая политика, таможня, поддержание центральных органов и международных обязательств БиГ, иммиграционная политика, сотрудничество с Интерполом, общереспубликанские и международные сообщения, а также контроль над воздушным пространством [3. III. 1]. Также в нее включены вопросы обеспечения прав человека, решение проблем беженцев и перемещенных лиц, охраны памятников культуры. Все остальные государственные функции входят в компетенцию субъектов БиГ. Однако к ведению БиГ отнесена и весьма неясно очерченная сфера "вопросов, связанных с сохранением суверенитета, территориальной целостности, политической независимости и международной правосубъектности БиГ" [3. III. 5.a]. Такая нечеткость формулировки создает возможность для очень широкого толкования прав БиГ.

Все же остальное входит в компетенцию составных частей. Тем самым РС сохраняет свой парламент и президента, судебные органы и законодательство [3. III. 3.b], а также финансовую независимость. По дейтонской конституции в течение первых шести лет Центральный Банк БиГ не имеет права эмиссии, хотя теоретически это право за ним и закреплено [3. VII]. Параллельное существование в Боснии нескольких валют, т. о., закрепляется, по крайней мере, на переходный период. Кроме того, РС сохраняет такие важнейшие элементы государственности, как собственную армию, органы внутренних дел и силовые структуры [3. III. 3.a].

Неотъемлемым элементом автономии РС является ее право на участие в принятии решений на общепоснийском уровне. Поэтому следует рассмотреть возможности, которые закреплены за представителями Республики в органах власти БиГ.

К совместным органам власти БиГ относятся Президиум, двухпалатная Парламентская Скупщина, Конституционный Суд, Центральный Банк, Комиссия по правам человека, руководимая особым уполномоченным (омбудсманом), Комиссия по делам беженцев и перемещенных лиц, Комиссия по охране национальных памятников и Комиссия по инфраструктуре.

Центральные институты, такие как Президиум и парламентская Скупщина, должны будут комплектоваться в пропорции 2/3 мест представителям федерации и 1/3 – представителям РС [3. IV. 1.a; IV. 2.a; V]. Исключение составляют ряд структур, в которые должны будут войти представители различных международных организаций (они будут рассмотрены ниже). Эта пропорция основана как на принципе формального равенства трех государствообразующих народов, так и на реальном соотношении этнических общин (по данным переписи 1991 г. – мусульмане – 43,7%, сербы – 31,3%, хорваты – 17,3% [13. S. 31]).

Высшим органом власти БиГ является Президиум, состоящий из трех членов, по одному от каждого государствообразующего народа. Представитель от Республики Сербской избирается непосредственно на ее территории, равно как мусульманин и хорват – на территории федерации. В 1996 г. Президиум избирается сроком на два года, последующие составы будут обладать четырехлетним мандатом. Председателем

Президиума первого созыва становится получивший наибольшее количество голосов. Функции этого органа сводятся к ведению внешней политики БиГ, контактам с международными и европейскими организациями, представлению Парламентской Скупщине на утверждение Совета Министров и назначению послов БиГ. Также члены Президиума являются верховными главнокомандующими войск своих территорий [3. V].

Как известно, еще до начала гражданской войны в БиГ одним из основных требований боснийских сербов было создание Совета Народов как верхней палаты Скупщины БиГ, решения которого принимались бы только консенсусом. Таким образом каждый из трех народов республики наделялся бы правом безусловного вето и исключалась бы возможность навязывания решений, неприемлемых для него. Сербская община, изрядно пострадавшая от этой практики (напр., декларация о суверенитете БиГ 15 октября 1991 г. была принята Скупщиной в отсутствие сербских парламентариев, да и на референдуме по независимости БиГ 28–29 февраля 1992 г. также голосовали фактически лишь мусульмане и хорваты), видела и видит в праве вето гарантию от возможного ухудшения своего статуса в дальнейшем (например гипотетической возможности присоединения БиГ к Хорватии и т.п.). Поэтому особое внимание мы постараемся уделить именно трактовке права вето в дейтонской конституции.

Важно отделить положения о "нежелательности" диктата, обязанности сторон "прилагать все усилия" [3. IV. 3.d] для достижения консенсуса, от зафиксированного права отлагательного или окончательного вето.

Что касается регламента принятия решений, то предусматривается особое право вето. Президиум должен "стремиться к достижению консенсуса", но допускается принятие решений большинством голосов [3. V. 2.c]. Для реализации же своего права вето член Президиума должен в трехдневный срок передать вопрос на рассмотрение парламента своей республики и получить там поддержку 2/3 депутатов [3. V. 2.d].

Другим совместным выборным органом является Скупщина, состоящая из Совета народов и Совета представителей [3. IV]. В соответствии с упомянутым принципом представительства в обеих палатах преобладают депутаты от ФБиГ: 10 из 15 в Совете Народов [3. IV. 1] и 28 из 42 в Совете Представителей [3. IV. 2]. В компетенцию Скупщины входит принятие законов, необходимых для исполнения решений Президиума, определение размеров и источников финансирования совместных учреждений БиГ и ее международных обязательств, а также ратификация международных договоров [3. IV. 4.a–d]. Известной гарантией сохранения status quo для РС является положение о невозможности расширения предмета ведения Скупщины без обоюдного согласия субъектов конфедерации [3. IV. 4.e].

Регламент принятия решений (простым большинством в каждой палате) предоставляет представителям РС лишь право отлагательного вето, причем окончательное решение по спорному вопросу выносит Конституционный суд [3. IV. 3.e–f]. Однако возможен и механизм блокирования неприемлемых решений – срыв заседаний Совета Народов, т.к. для кворума здесь необходимо не менее трех представителей каждого государствообразующего народа [3. IV. 1.b].

Довольно скромная роль отводится Совету Министров, председатель которого назначается Президиумом и утверждается Скупщиной. Конституция предусматривает обязательное назначение лишь министров иностранных дел и внешней торговли, оставляя учреждение других ведомств на усмотрение сторон [3. V. 4]. Квота РС в его составе та же – 1/3 министров и их заместителей [3. V. 4.b]. В соглашении не оговорено распределение конкретных постов между образованиями. Совет Министров – орган, исполняющий решения Президиума в сфере компетенции последнего, а также решения других совместных учреждений [3. V. 4.a].

Суверенитет как БиГ, так и составляющих ее государств ограничен: 1. Размещением международных сил по выполнению соглашения (СВС/IFOR)³; 2. Внешним

³CBC – IFOR – Implementation Force.

участием в органах власти и институтах Боснии и Герцеговины (постоянным и временным).

О существенных ограничениях суверенитета всех боснийских государственных образований говорит фактическая оккупация всей территории БиГ многонациональными силами, руководимыми НАТО, и объем их прав и полномочий. Ключевым здесь является право СВС на применение силы против нарушителей соглашений и в целях самообороны [5. I. 2.b]. Именно поэтому миссия СВС относится к операциям "принуждения к миру", а не "поддержания мира", каковой была деятельность миротворческих сил ООН (СООНО)⁴ в бывшей Югославии в 1992–1995 гг.

Мы не будем подробно освещать другие полномочия СВС, т.к. эти силы теоретически являются временным элементом в боснийской политике – их мандат ограничен годичным сроком [5. I. 1].

Постоянным фактором ограничения независимости является закрепленное в конституции участие представителей ряда европейских организаций в работе нескольких ключевых совместных органов власти БиГ.

Ряд этих учреждений должны будут комплектоваться по уже упоминавшейся формуле 2 к 1, но с тем отличием, что большинство мест и/или решающий голос в них закрепляется за иностранцами. К ним относится Конституционный Суд (ФБиГ – четыре, РС – два, Европейский Суд по правам человека – три [3. VI. 1.a]), Центральный Банк (ФБиГ – два, РС – один, Международный Валютный Фонд – председателя [3. VII. 2]), Комиссия по правам человека (четыре–два–восемь, председатель от Комитета Министров Совета Европы [7. VII. 2]), Комиссия по делам беженцев и перемещенных лиц (ФБиГ – два на три года и два на четыре года, РС – один на три года и один на четыре года, три – от Европейского суда по правам человека на пять лет [8. IX. 1]), Комиссия по защите памятников культуры (ФБиГ – два, РС – один, и два – от Юнеско [9. II. 1]), Комиссия по общественным корпорациям (ФБиГ – два, РС – один, Международный Банк реконструкции и развития – два, в том числе и председателя [10. I. 2]).

Конституционный Суд определен как высший арбитр, толкующий Конституцию и определяющий конституционность принимаемых фактов, как инстанция, решающая споры между субъектами конфедерации, и между БиГ и ее составной частью [3. VI. 3.a].

Именно Конституционному Суду (КС) предстоит определять соответствие конституций и законов субъектов БиГ нормам действующего основного закона, выносить решения по законопроектам, опротестованным представителями того или иного народа. Кроме того, этот орган определен как верховная апелляционная инстанция по приговорам, выносимым любыми судами на территории БиГ [3. VI. 3.c]. Одно из ключевых полномочий КС – проверка установленных РС и ФБиГ "особых параллельных отношений" с соседними государствами на предмет их соответствия Конституции БиГ [3. VI. 3.a]. Решения этого суда определены как окончательные и подлежащие обязательному исполнению на всей территории БиГ.

Суд состоит из девяти судей, из которых только два выбираются Скупщиной РС, четыре назначаются Скупщиной ФБиГ, а три – Председателем Европейского Суда по правам человека [3. VI. 1.a]. Для кворума достаточно присутствие пяти судей, причем регламент принятия решений не оговорен. Указано лишь, что он должен быть принят большинством голосов судей [3. VI. 2]. Таким образом, маловероятно, что представители РС, ввиду своей малочисленности, смогут оказывать сколько-нибудь заметное влияние на решения этого важнейшего органа. Даже их неучастие в заседаниях не скажется на кворуме. Что касается "правозащитного блока" (комиссии по правам человека и по делам беженцев), то его роль не ограничивается предотвращением дальнейшей этнической гомогенизации населения РС и ФБиГ. Это мощнейшее средство финансового давления на боснийские стороны.

⁴СООНО – UNPROFOR – Силы ООН по охране.

Нынешняя ситуация в Боснии, когда население сгруппировано на "своих" титульных территориях, объективно выгодна сторонникам развития субъектов БиГ в национальные государства соответствующих народов. Наоборот, сторонники концепции "единой Боснии" выступают за всемерное сглаживание национального характера территорий. Значительная роль в деле реинтеграции отводится восстановлению довоенного "этнического" status quo путем возвращения всех беженцев в места прежнего проживания. Эта цель зафиксирована как в Конституции [3. II. 5], так и в специальном приложении, посвященном комиссии по делам беженцев и перемещенных лиц [7. 1. I. 2.b].

В обеих комиссиях представители РС будут находиться в меньшинстве и вряд ли смогут оказывать реальное влияние на принятие решений: из девяти членов комиссии по делам беженцев РС назначает два (ФБиГ представлена четырьмя, а трех, в том числе и председателя – назначает Европейский Суд по правам человека) [7. 1. IX. 1], и столько же в комиссии по правам человека (ФБиГ – также четыре, а Комитет Министров Совета Европы – восемь, в том числе и председателя) [8. 2. С. VII. 1–2].

Из этих, на первый взгляд второстепенных структур, весьма значительную роль может получить Комиссия по делам беженцам и перемещенных лиц. Хотя в Конституции и говорится о восстановлении прав собственности всех пострадавших в ходе конфликта, начиная с 1991 г. [3. II. 5], сфера действия Комиссии ограничена рассмотрением жалоб по всем сделкам с недвижимостью "совершенных под давлением после 1 апреля 1992 г." [7. XI], с правом возвращения собственности прежним владельцам или выплате им справедливой компенсации при нежелании собственника возвращаться. Для осуществления компенсации при Комиссии создается специальный Фонд беженцев и перемещенных лиц [7. XIV. 5]. Значение Комиссии резко возрастает благодаря тому, что в ее распоряжение поступает вся оспариваемая недвижимость [7. XII. 5]. В ходе войны беженцы, переселяясь на территорию государства "своего" народа, занимали дома, покинутые другими беженцами. Естественно, что возвращение недвижимости их прежним владельцам вызовет массу коллизий, связанных с выселением нынешних обитателей, которым также некуда податься. Именно этим вызвано положение о возможности "временного размещения" в пустующих объектах, разрешение на которое также выдается Комиссией [7. XIII]. Более того, этому органу передается и вся бесхозная (брошенная) недвижимость [7. XII. 5].

Огромное количество вынужденных переселенцев как в РС, так и в ФБиГ, сразу превращает эти проблемы в политические. Комиссия по делам беженцев, пусть даже временно, может стать крупнейшим распорядителем недвижимости как в РС, так и в ФБиГ. У самих боснийских сторон сколько-нибудь значительные финансовые ресурсы отсутствуют, что также увеличивает влияние Комиссии. Удовлетворяя или отклоняя массу исков на весьма значительные суммы, которые реально могут выплатить лишь внешние спонсоры сторон, она может оказывать очень серьезное политическое давление на РС или ФБиГ.

Комиссия по охране памятников также может сыграть известную роль в определении пути развития РС и всей БиГ. РС имеет в этой структуре одного представителя, ФБиГ – двух и еще двое, в том числе и председатель, назначаются президентом ЮНЕСКО [9. II. 1]. Этой комиссии предстоит рассматривать заявки о придании тем или иным объектам статуса национального памятника [9. IV]. Решения ее также окончательны и обязательны для исполнения властями той части БиГ, где находится данный памятник [9. V. 4–5]. Постановления Комиссии также выносятся большинством голосов [9. V. 4] и представитель РС не сможет оказывать решающего влияния по вопросам, касающимся сербского наследия на территории ФБиГ или объектов, расположенных в РС.

На заре гражданской войны все ее участники обладали примерно одинаковым весом и легитимностью. С течением времени ситуация постепенно изменялась, и не в пользу сербов. Лидеры мусульманской общины все более и более утверждались на международной арене как законное правительство реально существующей суверенной

страны. В то же время РС как государство сербской общины никак не могло получить сколько-нибудь весомую международную легитимацию, превращаясь в мятежников против законных властей.

Не в силах одержать военную победу, Сараево выиграло у Пале на дипломатической арене. Именно оно получило международное признание, добилось членства в ООН, других международных организациях.

Пользуясь этим статусом, лидеры мусульман активно старались добиться помощи международного сообщества для достижения своей главной цели – установления полного контроля над всей Боснией. Хотя эта программа-максимум так и не была достигнута, мусульманам удалось очень многое – ведь, в конце концов, интервенция НАТО против РС состоялась.

Хотя внешняя политика по дейтонской конституции и отнесена к компетенции общего Президиума, но даже в такой форме это успех для РС. В любом случае она получает возможность как-то покончить с монополией мусульман на представительство всей Боснии. Если БиГ суждено какое-то будущее, то пересмотр внешнеполитической линии неизбежен – что хорошо для Сараево (например, ориентация на исламский мир), совершенно неприемлемо для РС.

Предусмотрена специальная процедура ратификации всех договоров, заключенных от имени БиГ с 1 апреля 1992 г. до вступления конституции БиГ в законную силу. Эти акты должны быть предъявлены членам Президиума БиГ в двухнедельный срок с момента начала его работы с дальнейшей передачей их на рассмотрение Парламентской Скупщины. Договоры, не предъявленные Президиуму в двухнедельный срок с момента начала его работы, должны автоматически терять законную силу [3. Annex II. 5].

С момента подписания дейтонского соглашения прошло уже более года и можно подвести промежуточные итоги его реализации. Главный успех очевиден – остановлена война и СВС удалось сохранить в Боснии мир. Много раз соглашение подвергалось испытанию на прочность – например, при передаче сербских районов Сараево под контроль ФБиГ, в эпизоде с арестом сербских офицеров в январе 1996 г., при выборах в Мостаре, а также при решении проблемы задержания лиц, обвиняемых Международным Уголовным Трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в военных преступлениях. Однако до сих пор все эти ситуации решались мирным путем.

Другой крупный результат – проведение 14 сентября 1996 г. под эгидой ОБСЕ выборов Президиума БиГ, Парламентской Скупщины и Президента РС и Скупщины РС. Выборы в местные органы власти, первоначально назначенные на ту же дату были затем отложены до весны 1997 г. Международное давление, основанное на положении дейтонских соглашений о запрете занятия государственных и военных постов лицами, обвиненными МТБЮ [3. IX], привело к существенным переменам в политической иерархии РС. В июле 1996 г. ушел в отставку президент республики Р. Караджич (в сентябре 1996 г. на этот пост была избрана Б. Плавшич), а в ноябре 1996 г. и командующий Главным Штабом армии РС Р. Младич.

Но ряд проблем остался нерешенным. Огромное значение будет иметь исход арбитража по району Брчко. Много вопросов вызывает организация возвращения беженцев, их отношений с местными властями, что зачастую вызывает столкновения (напр., Дуги Дио, Корай, Юсичи [16]). Очень медленно начинают функционировать и совместные органы власти БиГ. Крайне неравноправным остается и распределение средств, выделенных на реконструкцию БиГ в 1996 г. 98% – ФБиГ и только 2% – РС [17]. Сейчас ситуация с финансовой помощью начинает постепенно меняться – Европейская Комиссия одобрила выделение РС 60 млн долларов [18], оказывает помощь и Россия (товарные кредиты МЧС РФ).

Нынешнее промежуточное положение отразилось и на СВС. Успокоение в регионе позволило великим державам не только сократить СВС вдвое – с 60 до 30 тыс. человек, но продлить их мандат в измененном виде (силы по стабилизации СпС/SFOR) еще на полтора года.

Захотят ли великие державы сохранить дейтонскую структуру или выработают новую схему обустройства региона – все это покажет будущее.

Что касается собственно рассматриваемых решений, то они могут считаться важным достижением для РС. Республика признана, пусть и как субъект конфедерации БиГ, за ней закреплена примерно половина территории БиГ и право на особые отношения с другими сербскими государствами. РС сохранила свои законодательную и исполнительную власть, отдельную армию и собственную экономическую систему. Хотя ее статус и не дает ей полной независимости, но очень широкую автономию в составе Республики Босния и Герцеговина.

Известные гарантии от изменения этого статуса в рамках дейтонской системы заключены в закреплении за представителями РС права вето на решения совместного Президиума. Также, пусть и не в столь явной форме, РС может блокировать неприемлемые для себя решения в Скупщине. Однако, наряду с этим, в приложениях к конституции обрисован и механизм ограничения суверенитета РС, в т.ч. и меры давления экономического характера.

Основной недостаток дейтонского решения – оно не снимает главного боснийского противоречия: мусульмане не перестанут стремиться к распространению своего контроля на всю БиГ и демонтажу РС, а сербы – к полной независимости РС, с последующим присоединением к СРЮ. Цели эти – взаимоисключающие, поэтому столкновение очень вероятно. Меры, направленные на коренное изменение баланса сил в регионе, равно как и уязвимость территории РС, только повысят вероятность конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Text of Dayton Agreement. Proximity Peace Talks, Wright-Patterson Air Force Base. Ohio, November 1–21, 1995.
2. General Framework Agreement for peace in Bosnia and Herzegovina // Text of Dayton Agreement...
3. Constitution of Bosnia-Herzegovina // Text of Dayton Agreement... Annex 04.
4. Agreement on inter-entity boundary and related issues // Text of Dayton Agreement... Annex 02.
5. Agreement on the Military Aspects of the Peace Settlement // Text of Dayton Agreement... Annex 01.
6. Agreement on Regional Stabilization // Text of Dayton Agreement... Annex 01B.
7. Agreement on Refugees and Displaced Persons // Text of Dayton Agreement... Annex 07.
8. Agreement on Human Rights // Text of Dayton Agreement... Annex 06.
9. Agreement on Commission to Preserve National Monuments // Text of Dayton Agreement... Annex 08.
10. Agreement on establishment of Bosnia and Herzegovina public corporations // Text of Dayton Agreement... Annex 09.
11. Resolution 820 (1993) // The United Nations and the Situation in Former Yugoslavia. Reference Paper. 7 May. 1993.
12. "Доклад о средствах массовой информации" Специального докладчика Комиссии по правам человека Т. Мазовецкого от 27 января 1995. AS/50/71; S/1995/80.
13. *Bogosavljevic S.* Bosna i Herzegovina u ogledalu statistike // Bosna i Herzegovina izmedu rata i mira. Beograd, 1992.
14. *Engelhardt G.* République Serbe dans la crise bosniaque, 1990–1994. Mémoire de DEA à l'EHESS. Paris. 1996. Texte inédit.
15. Јавност. 12 јул 1994.
16. Dnevni informativni servis B92. 7 Januar 1997.
17. Сегодня. 5 декабря 1996. С. 4.
18. Dnevni informativni servis B92. 11 Januar 1997.

© 1997 г. НИКОЛЬСКИЙ С.В.

ПРИТЧИ О НОВЫХ АДАМАХ. ИЗ ИСТОРИИ АНТИУТОПИЙ XX ВЕКА (Братья Чапеки, А. Толстой, М. Булгаков)

Пожалуй, никогда еще в литературе не появлялось столько антиутопий, как в XX в. Это и понятно – антиутопии обычно не возникают в качестве ответа на литературные утопии, а рождаются как реакция на утопические проекты в самой жизни. А в последнее столетие таких проектов, программ, предначертаний и, главное, попыток осуществить их, было более чем достаточно. Не только литература, но и философия пытаются осмыслить это явление, и нередко они контактируют между собой. Не случайно Олдос Хаксли взял эпитафией к своему знаменитому роману "О дивный новый мир" слова Николая Бердяева: «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. Теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их окончательного осуществления ... И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее "совершенному" и более свободному» (цит. по: [1]). Над этими же вопросами размышляет и литература, в том числе с помощью антиутопий. Чаще всего последние касаются макропроцессов человеческого бытия и потому занимают особое место в борьбе общественно-философских концепций, установок, предостережений.

Заслуживает особого внимания творчество целого ряда замечательных славянских писателей XX в., авторов антиутопий – Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова, Л. Леонова – в русской литературе, В. Винниченко – в украинской, С. Виткевича – в польской, Карела и Йозефа Чапеков – в чешской и т.д. В этой статье мы остановимся на творчестве братьев Чапеков и М. Булгакова, представляющем интерес с точки зрения и типологических аналогий, и литературных связей. Характерно, кстати, что Булгаков и братья Чапеки (как, впрочем, и другие названные писатели) принадлежат к одному поколению, которому выпал удел жить в эпоху войн и революций, как нередко называют наше время. Даты жизни М. Булгакова, К. Чапека и Й. Чапека почти совпадают (соответственно: 1891–1940, 1890–1938, 1887–1945). Во многом их и интересовали одни и те же проблемы эпохи. При всем неповторимом и ярком своеобразии этих писателей (индивидуальном и национальном) их творчество обладает

заметными чертами сходства. Их роднят мировоззренческие позиции, глубокая тревога, вызываемая небывалыми масштабами войн, озабоченность возрастающей конфликтностью современного бытия, протест против опрометчивых вторжений в его макропроцессы. Все трое отдадут предпочтение "великой эволюции" (как ее называл Булгаков) перед революционными взрывами. Их волновал философский вопрос о гуманистических константах человеческой природы, вопрос о том, что делает человека человеком. Далеко не случайно появление в их творчестве образа псевдочеловека – роботы и саламандры у К. Чапека, Шариков у Булгакова... До известной степени их сближают и структурные особенности произведений и прежде всего – синтез таких компонентов, как научная и социальная фантастика, социальная утопия, сатира, комика, философские построения, при этом изображаемые события, даже самые фантастические, обычно вписаны у них прямо в современную жизнь, пронизаны реминисценциями из нее, актуальными аллюзиями и иносказаниями.

Вместе с тем, у Булгакова, судя по всему, был и непосредственный творческий контакт с К. Чапеком. В истории создания его пьесы "Адам и Ева" (1931) есть, видимо, точки соприкосновения с драмой К. Чапека "R.U.R." (1920) – той самой, в которой впервые была высказана и развита идея робота и появилось само слово "робот". И.Е. Ерыкалова, комментируя пьесу Булгакова "Адам и Ева" в собрании его сочинений, отметила: «В 1924 г. А. Толстой написал по мотивам "Р.У.Р." К. Чапека пьесу "Бунт машин", в которой есть герой-робот по имени Адам, обладающий чувством боли, страха и пола. Несомненно, этот сюжет был использован Булгаковым при создании лишенного нравственной предыстории первого человека Адама, который занят поисками человеческого материала» (для осуществления своих идей и планов. – С.Н.) [2]. Правда, в другом варианте комментария дана более осторожная, предположительная формулировка: "Возможно, что и этот сюжет был использован Булгаковым при создании..." [3]. Тем не менее существуют действительно веские основания считать вероятность такого контакта достаточно высокой.

В интересах ясности дальнейшего изложения напомним в самых общих чертах содержание пьесы Чапека "R.U.R.". В основе ее лежит увлекательное научно-фантастическое допущение, будто некоему ученому удалось найти способ искусственного получения живой материи, а затем были созданы существа, внешне неотличимые от человека, но не обладающие многими его свойствами и качествами. Они были лишены каких бы то ни было чувств, эмоций, не знали ощущения боли и наслаждения, инстинкта самосохранения, страха смерти, любви и ненависти. Подобно машине, они были полностью безразличны ко всему происходящему как вокруг них, так и с ними самими. Они обладали лишь способностью к труду и механическому мышлению, лишенному творческого начала. Словом – двойник человека без человеческой сущности. Вскоре было налажено фабричное производство искусственных людей, их стали использовать на всевозможных работах и в военном деле. Праздное человечество тем временем деградирует. Однажды была выпущена партия роботов, которым привили некоторую толику чувств, но они по иронии судьбы стали инициаторами мятежа. Роботы восстают против людей, и все население планеты погибает. Правда, из финала пьесы ясно, что человеческому роду суждено возродиться в очеловеченных роботах.

Главные действующие лица драмы – генеральный директор комбината по производству роботов Домин, несколько руководителей различных отделов и гостя комбината, а затем жена Домина, красавица Елена. Она и является, прежде всего, носителем авторской позиции. Если Домин одержим идеей форсированного прогресса и олицетворяет представление о волевом вмешательстве в жизнь, о силе, о власти, о технократии (само имя "Домин" образовано от латинского "dominus" – "господин"), то Елена – воплощение чувства, привязанности к естественному, природному и духовному началу в человеке. И на остров, где расположен комбинат, она прибыла как представительница Лиги гуманности. Чем дальше, тем все больше ею овладевает зловещая тревога, которую вызывает у нее деятельность мужа, атмосфера техни-

цистско-коммерческой цивилизации, движимой лишь погоней за увеличением производства и дивидендов и вытесняющей человечность. В самом производстве нелюдей-роботов ей чудится угроза человеческой природе. В чапековской антиутопии даже возникает мечта-утопия Елены о бегстве из этого чуждого ей мира и о создании маленькой колонии, основанной на истинно человеческих отношениях и способной указать иной путь жизни человеческому роду. В конце концов в порыве смятенных чувств Елена даже сжигает рукописи, в которых хранились сложные формулы производства роботов (подробнее о драме К. Чапека "R.U.R." см.: [4]).

Драма Чапека "R.U.R." попала в поле зрения Алексея Толстого, который познакомился с ней в 1923 г. (незадолго до своего возвращения из эмиграции на родину) в постановке одного из берлинских театров (подробнее см.: [5]). Он высоко оценил пьесу как "динамитную по содержанию и динамичную по силе развития действия" и отметил, что тема ее "мощна, грандиозна и символична" [6]. Драма настолько увлекла его, что он создал нечто вроде своего ее варианта под названием "Бунт машин". Премьера состоялась в апреле 1924 г. В предисловии к книжному изданию Толстой сообщил: "Написанию этой пьесы предшествовало мое знакомство с пьесой ВУР чешского писателя К. Чапека. Я взял у него тему. В свою очередь ВУР заимствован с английского и французского. Мое решение взять чужую тему было подкреплено примерами великих драматургов" [7. С. 5]. В этом сообщении есть две неточности. Во-первых, не соответствует действительности, что Чапек у кого-то заимствовал тему своей пьесы – никаких подтверждений этому не существует. Драма Чапека еще в 20-е годы получила всемирную известность благодаря воплощенной в ней эвристической идее робота. Об этой драме много писали в разных странах, но утверждение Толстого о якобы заимствованной Чапеком теме осталось единственным в своем роде (некоторая связь чешского писателя с традициями Г. Уэллса и А. Франса, естественно, еще не означает заимствования темы). Во-вторых, не вполне точно, что сам Толстой взял у Чапека только тему. Им сохранена фабульная канва, основные сюжетные узлы, многие частные мотивы и даже отдельные подробности. Не очень изменена и система действующих лиц. Сохранен в основных чертах и образ Елены, без изменений оставлено даже имя. (Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что у обоих авторов были ассоциации со знаменитой античной героиней, ставшей символом женской красоты.) Сохранена и оппозиция образов Елены и Домина (в драме Толстого он носит имя Морей). Пьеса русского писателя по сути представляет собой творческие вариации на тему фантастической драмы Чапека. Да и сам Толстой в "Автобиографии" отнес "Бунт машин" к числу своих "театральных переработок" [8]. Все это не исключает ни талантливое перевоплощения ряда мотивов, ни введения нескольких новых персонажей, ни новых акцентов и определенных художественных находок Толстого. Тем не менее, читатель (зритель), знакомясь с его пьесой, по существу знакомится в основных чертах и с пьесой Чапека. Это относится и к Булгакову, что и имело немаловажное значение для генезиса его антиутопии "Адам и Ева".

О пьесе Чапека и о "Бунте машин" Булгаков, по всей вероятности, узнал впервые от самого А. Толстого еще в конце августа-сентябре 1923 г. Вернувшись 1 августа этого года из эмиграции и поселившись в Петрограде, Толстой вскоре отправился в Москву и довольно долго пробыл там. Тогда с ним неоднократно общался Булгаков, что нашло отражение в его дневнике. Он даже дважды побывал на подмосковной даче у Толстого. В дневниковой записи о второй загородной встрече (9 сентября) Булгаков упомянул, в частности, о том, что читал на даче свой рассказ "Псалом", и что Толстой по собственной инициативе взялся устроить этот рассказ в петроградский журнал "Звезда" со своим предисловием [9]. Для публикации именно в этом журнале готовилась и пьеса "Бунт машин", работу над которой Толстой как раз завершал в сентябре – драма вышла в № 2 журнала за 1924 г. (рассказ Булгакова был вскоре отдан автором в газету "Накануне" и напечатан в ней 23 сентября – значительно раньше, чем он мог быть опубликован в "Звезде"). В Петрограде Толстой вел переговоры и о постановке пьесы "Бунт машин" в Большом драматическом театре, где она и

появилась на сцене весной 1924 г. В Москве возможность постановки обсуждалась с Третьей студией МХАТ, которая проявила интерес к драме (правда, замысел потом не был осуществлен). Безусловно, Толстой жил тогда этой пьесой, поэтому маловероятно, чтобы о ней не заходили разговоры во время московских бесед, тем более, что Толстой не принадлежал к числу авторов, которые не склонны раскрывать свои творческие занятия и планы до их завершения. Наоборот, он любил делиться ими – о своей работе над пьесой по мотивам Чапека он еще в середине августа очень охотно и даже, пожалуй, не без упоения, рассказал в интервью еженедельнику "Жизнь искусства". Рассказано было и об интересе к драме со стороны петроградских и московских театров. Правомерно в этой связи предположить знакомство Булгакова с пьесой "Бунт машин" по меньшей мере в пересказе А. Толстого, после чего она (уже в силу необычайности сюжета) постоянно жила в его памяти.

Однако сходство целого ряда мотивов в "Бунте машин" и "Адаме и Еве" (подробнее об этом дальше) позволяет предполагать, что он был знаком и с текстом самой пьесы. Более того, нельзя исключить, что Булгаков познакомился и непосредственно с драмой Чапека, к которой отсылал Толстой и которая в том же 1924 г., что и пьеса Толстого, вышла из печати – в русском переводе Е. Геркена и И. Мандельштама [10] (далее пьеса цитируется по этому переводу, возможно, известному М.А. Булгакову), который был сделан с немецкого перевода Отто Пика, изданного в Лейпциге в 1922 г. Оба текста довольно верно передавали оригинал¹. В пользу знакомства Булгакова непосредственно с пьесой Чапека говорит и тот факт, что в его драме и в пьесе Чапека есть совпадающие мотивы, опущенные Толстым. В той и другой пьесе присутствует, например, тема агрессивности идей и доктрин (мы еще коснемся этого вопроса). В обеих пьесах все герои мужчины влюблены в главную героиню (хотя у Булгакова это приобретает по сути фарсовую окраску). У Толстого ни того, ни другого нет.

В чем же мог состоять творческий контакт? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, напомним, что и в драме Чапека, и в пьесе Толстого происходит очеловечение бесчувственных роботов. В финале обеих пьес появляется пара молодых роботов, мужчина и женщина, у которых пробуждается чувство любви. В драме Чапека это робот по имени Прим и девушка-робот, названная в честь Елены ее именем. Этой паре и суждено стать родоначальниками нового человечества и творцами нового мира. Соответственно молодая чета уподоблена автором Адаму и Еве – в частности, в заключительной реплике пьесы (ее произносит Алквист, единственный из людей, оставшийся в живых и оказавшийся свидетелем пробуждения взаимного влечения у Прима и Елены). Толстой, повторив, в основном, чапековский финал, пошел еще дальше и дал молодой чете имена Адама и Евы. Более того, в его пьесе Адамами в обобщенном смысле называют и всю партию усовершенствованных роботов (оказавшихся вскоре во главе восстания против людей) [7. С. 39, 40, 43, 67, 68]. Мотив сотворения мира, библейский миф о прародителях человечества, тема новых Адамов в соединении с темой всемирного восстания, и привлекли, видимо, внимание Булгакова, способствуя зарождению или развитию замысла иронической антиутопии, связанной с

¹ Правда, в русском переводе прослеживается некоторая тенденция к заострению (с помощью стилистических сдвигов) социального звучания драмы (ср. [5]). Следует также оговориться, что слово "робот" тогда еще не стало общеупотребительным, и в русском тексте переводчики обходились словом "работарь" (Толстой в своей пьесе последовательно называет роботов "искусственными работниками"). Кроме того, заглавие пьесы Чапека в русском переводе звучало как "ВУР", а не "Р.У.Р.". Дело в том, что аббревиатура "R.U.R." у Чапека – это сокращенное название комбината по производству роботов. Полное его наименование "Rossums Universal Robots", т.е. "Россумовские Универсальные Роботы", где слово "Rossum" некоторым своим сходством с чешским "rozum" ("гозум") должно, по-видимому, намекать, что роботы – плод человеческого разума и рассудочной идеи. Соответственно в немецком переводе было употреблено слово "Verstand" (слегка измененное "Werstand" – "разум"), что и дало в русском переводе "Верстандовы Универсальные Работарь", сокращенно – "ВУР" (см. подробнее: [5]). Судя по тому, что во вступительном пояснении к своей пьесе Толстой также называет драму Чапека "ВУР", а не "Р.У.Р.", и он пользовался не чешским ее оригиналом, а текстом, восходящим к немецкому переводу (по некоторым сведениям у него имелся русский подстрочный перевод с немецкого).

актуальной проблемой обновления мира. Надо при этом учесть одну особенность пьесы Толстого: восстание роботов происходит у него (этого нет у Чапека) под непосредственным влиянием тайной революционной агитации, которую возглавляет один из помощников Морей, симпатизирующий мировому революционному движению угнетенных и организационно связанный с ним (Морей даже называет его "одним из вождей восстания" [7. С. 69]). В пьесе Толстого восстание роботов вообще выглядит как параллель к вооруженной социальной революции в человеческом мире (ср. [5. С. 156]) или даже как часть ее. У Чапека подобные ассоциации если и встречаются, то лишь в ряду других (расовый конфликт и т.п.) и не выступают на первый план. Таким образом, особую стимулирующую роль для возникновения названных аналогий у Булгакова могла сыграть толстовская интерпретация чапековской темы.

Драма Булгакова имеет триединую структуру – в ней как бы наложились друг на друга и взаимопроникают три разных типа произведения. Пьеса была написана (в 1931 г.) по заказу одного ленинградского театра, жаждавшего получить в свой репертуар оборонную драму. Однако во внешнюю схему такой драмы, имевшей уже некоторую традицию в советской литературе (и параллели в прозаических жанрах), Булгаков вложил по сути иное содержание. Он написал антивоенную пьесу-предостережение о той гигантской катастрофе, которой грозит обернуться для человечества война между противостоящими социальными системами – социализмом и капитализмом. В тексте недаром возникают ассоциации с Апокалипсисом, а по ходу действия от фантастического сверхоружия гибнет значительная часть населения планеты, включая всех жителей Ленинграда. На протяжении полутора актов действующие лица и зрители вообще остаются в неведении, не погибло ли все человечество, кроме небольшой кучки людей (спасенных чудодейственным лучом Ефросимова). Мелькают реплики о "погубленном мире", "зачумленной" земле и т.д. Короче, акцентируется мысль о смертельной опасности фанатизма идей, об угрозе перерастания идеологического конфликта в страшное всемирное побоище. Выражающий взгляды автора профессор Ефросимов почти в публицистической форме заявляет в пьесе: «Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистическому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому. ... Война будет ... потому, что в трамвае мне каждый день говорят: "Ишь, шляпу надел!" ... потому, что при прочтении газет ... волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар ... Что напечатано? "Капитализм необходимо уничтожить" ... А там напечатано: "Коммунизм надо уничтожить" Кошмар! Негра убили на электрическом стуле, ... стреляли в Испании, стреляли в Берлине. ... И девушки с ружьями, девушки! – ходят у меня на улице под окнами и поют: "Винтовочка, бей, бей, бей ... буржуев не жалей!". Всякий день! Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит»² [11. Т. 3. С. 333].

Писатель создает (в одном из монологов Ефросимова) почти физически наглядный образ, казалось бы, абстрактного представления – образ идеи, оснащаемой военнотехническими средствами и переходящей в вооруженное нападение: на идею словно надевается насадка в виде орудия смерти, и идеологический конфликт получает кровавое завершение. Более того, проводится прямая аналогия между потенциальной опасностью фанатичной идеи и опасностью оружия. Когда в момент катастрофы и всеобщей гибели у Адама срывается восклицание: «"Что это?", Ефросимов отвечает ему: "Это? Идея!! ... Это солнечный газ» [11. Т. 3. С. 342], причем слова Ефросимова корреспондируют с первым эпиграфом к пьесе (всего их два), где речь тоже идет об отравляющем газе (приводится цитата из брошюры о военном применении ядовитых газов): "Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова – смерть" [11. Т. 3. С. 326]. Таким образом, реплика Ефросимова о смертельной опасности идеи, заряженной ненавистью, замкнута на эпиграф к пьесе

² По воспоминаниям старожилов цитируется припев одной из песен рубежа 20–30-х годов: "Винтовочка бей, бей, бей / Винтовочка, бей, бей, бей! / Винтовочка красная, / буржуев не жалей!".

(а также еще на некоторые высказывания в тексте драмы), благодаря чему образуется нечто вроде макросемантемы, охватывающей все произведение и имеющей отношение к его главному содержанию.

Один из важных аспектов булгаковской антиутопии – развенчание как наивной веры в стремительную и легкую победу сил социализма над противником, так и утопического убеждения, что это будет последняя схватка, после которой воссияет ясное солнце вечного счастья:

"А д а м. ... Будет страшный взрыв, но это последний, очищающий взрыв, потому что на стороне СССР – великая идея.

Е ф р о с и м о в. Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить.

А д а м. Ну, это мы посмотрим.

Е ф р о с и м о в. Очень боюсь, что многим как раз посмотреть ничего не удастся..." [11. Т. 3. С. 333]. (Дальше речь идет о страшной и возрастающей силе современного оружия.)

Автор метил достаточно высоко, посягая на основные догмы. Слова "это последний, очищающий взрыв" – не что иное как парафраз "Интернационала": "Это есть наш последний и решительный бой". Сохранен не только смысл, но и фразеологический, и почти весь ритмический рисунок "формулы", причем одной из главных в гимне.

В дальнейшем тему глобальной опасности ожесточенной битвы идей с особой художественной выразительностью развивал в русской литературе Леонид Леонов, показавший в романе "Пирамида" страшную силу идеологических "генераторов озлобления" и способность человеческого "мозгового вещества" "к безграничному набуханию" гневом и ненавистью "до прямого сходства со взрывчаткой" [12]. Получила логическое завершение высказанная еще Достоевским и с избытком подтвержденная событиями XX в. мысль о преступности уже самого допущения, будто во имя определенных, якобы "спасительных" идей, можно поступить моралью и "разрешить перешагнуть через кровь" [13]. Размышления Булгакова и Леонова идут в русле традиций Достоевского и наследуют его заповеди. (Вероятно, нет необходимости пояснять, что речь идет не об отказе от идей как таковых, а пагубности отторжения их от нравственных императивов.)

В чешской литературе протест против "абсолютизации идей", против упрямого и нетерпимого возведения "частных" и рассудочных доктрин в ранг универсалий особенно сильно звучал как раз в творчестве К. Чапека. Фанатичная вражда разнонаправленных идей, каждая из которых претендует на роль абсолютной истины, и последующая мировая бойня сатирически изображены в его романе "Фабрика Абсолюта" (1922). "Простите, Домин одержим своими идеями. Людям, у которых есть идеи, не следовало бы давать влиять на происходящее в этом мире" [10. С. 65], – заявляет один из героев драмы Чапека "R.U.R.". "Вы все хотели бы разрушить мир во имя одних великих идей" [14], – обвиняет ультрарадикальных преобразователей бытия герой пьесы Чапеков "Адам-творец"³.

К братьям Чапекам вполне приложимо заключение московского исследователя А. Смелянского, раскрывающее смысл булгаковской пьесы "Адам и Ева": "Булгакову показалось возможным изложить в жанре антиутопии свою любимую предупреждающую мысль. Главная угроза человечеству заключена в том, что люди отдали свои

³ Кстати, подобные воззрения чешских авторов опять-таки сформировались не без контакта с духовным наследием Достоевского. Карел Чапек еще в молодости хорошо знал сочинения этого писателя, особенно романы "Преступление и наказание" (где как раз широко поставлены указанные проблемы), "Бесы" (где они получили дальнейшее развитие), "Идиот", "Братья Карамазовы". Он считал Достоевского самым крупным представителем русского романа, а русский роман – особым явлением в мировой литературе, обладающим особыми достоинствами. Он не раз упоминал в своих эссе и о влиянии Достоевского на свое поколение [15. 1985. Т. XVIII. С. 516; 1986. Т. XIX. С. 310] и даже разбирал механизм воздействия его произведений на читателя [15. 1984. Т. XVII. С. 176–177].

жизни на откуп идеям. Не идея для человека, а человек для идеи. Жизнь вплющена в идеологию, которая, как Молох, требует все новых и новых жертв. Нетерпимость и фанатизм с двух сторон стремительно ведут человечество к гибели" [16].

Однако больше всего удивительная прозорливость Булгакова сказалась, наверное в том, что проблему фанатизма идей он поставил в связь с перспективой появления сверхоружия. Он разглядел в грядущем опасность возникновения соблазна одностороннего обладания таким оружием (или же средством надежной защиты от него), что может в свою очередь порождать идеологически мотивируемый соблазн опережающего его применения с катастрофическими последствиями для огромных масс людей. Кажется, первым в литературе, автор "Адама и Евы" заявил, что это потребует от политиков и ученых принципиально новых подходов и решений [17]. Центральный спор двух антагонистов в пьесе – Дарагана и Ефросимова – вращается вокруг дилеммы, оставлять ли средство от сверхоружия, если оно найдено, в собственности одной из сторон или же сделать его – ради предотвращения катастрофы и спасения множества людей от возможной гибели – всеобщим достоянием. В наши дни, спустя полвека после создания пьесы Булгакова, такая дилемма стала вопросом реальной стратегии и практической политики (хотя до сих пор не получила однозначного решения).

Но антивоенным содержанием драма Булгакова не исчерпывается – изображение ужасов войны и невероятных разрушений достигает кульминации уже во втором ее акте. Правда, позднее появится обычное для оборонных произведений тех лет сообщение о международной победе революционных сил, но оно не может заглушить того удручающего впечатления, которое оставляют картины разрушенного на огромных пространствах и обезлюдившего мира. Не утрачивая и дальше внешних контуров оборонной драмы, пьеса, тем не менее, после второго акта еще больше смещается в плоскость скрытой антиутопии, антиутопии-метафоры, отражающей скептицизм автора в отношении революционного пути и иллюзорных ожиданий золотого века (об этом своем "глубоком скептицизме в отношении революционного процесса" в России Булгаков откровенно заявил за год до создания пьесы "Адам и Ева" в своем известном письме правительству СССР [11. Т. 5. С. 446]). Это третий слой произведения, третий его содержательно-структурный план.

Ситуация, когда дотла уничтожен обжитой мир, и на его обломках горстка уцелевших людей пытается обустроить жизнь заново, оказалась подходящей для построения аллюзии на разрушительный общественный переворот и на вожделенную мечту о сотворении нового мира, земного рая. В силу понятных причин такая аллюзия не могла не быть в той или иной мере замаскированной. В этих целях автор использовал, в частности, возможности интертекстуальности (что является одновременно и сильным художественным средством). В известном смысле пьеса составляет интертекст с Библией. Предусматривается, что драма должна восприниматься в соотнесении с определенными библейскими событиями, к которым отсылают авторские реминисценции. Основные из них касаются двух преданий Ветхого Завета. Как известно, там дважды описывается ситуация, когда людям приходилось как бы начинать жизнь заново: впервые – после сотворения Адама и Евы и изгнания их из рая, и затем – после Всемирного потопа. С этими событиями и связана большая часть библейских реминисценций в пьесе. При этом последние, как правило, очень лаконичны и выполняют скорее функцию знаков, сигнализирующих о необходимости "включить" в процесс восприятия пьесы знание Библии. Предполагается, что зритель (или читатель) знаком с более широким библейским контекстом, чем непосредственно зафиксировано в реминисценциях. Так, второй эпиграф к драме гласит: "...и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал: впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся" [11. Т. 3. С. 326]. Этим и ограничен фрагмент библейского текста, цитируемый автором. Между тем, очень важно знать, что цитата взята из той части книги "Бытия", где повествуется о том, как Бог увидел, что "велико развращение человек на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время" и "земля наполнилась от них злодеяниями", в связи с чем Господь, восскорбев

сердцем, решил покарать и "истребить с лица земли" [18] людей и наслал на них потоп. И только после того, как они понесли наказание, и лишь немногие из них спаслись в Ноевом ковчеге, Бог возвестил свою волю, явленную в приведенных в эпиграфе словах. Таким образом, события, изображаемые в пьесе, с самого начала соотнесены со Всемирным потопом, уподоблены ему и возникшей после него ситуации (хотя слово "потоп" ни разу в драме не произнесено)⁴.

Библейский ассоциативный ключ задан уже в заглавии драмы "Адам и Ева" и в эпиграфе к ней. Но особенно сильно эти ассоциации акцентированы в третьем акте. Именно здесь становится понятной и сама функция имен главных персонажей – Адам и Ева, до того никак не мотивированных в драме. По прямому смыслу Адам и Ева в пьесе – обычные люди, он инженер, она учится на курсах иностранных языков; просто имена молодоженов по воле случая совпали с именами библейской пары. Однако в глубинном смысле и своеобразии ситуации (до основания разрушенный мир и попытка создать его заново), и имена главных героев – суть грани одной общей метафоры-аллюзии, которая и составляет основу антиутопии, скрытой за внешним слоем оборонной пьесы и пьесы о будущей войне. Еще в 1982 г. Ю.В. Бабичева отметила: «По содержанию это ... вариант вечной библейской притчи о человеке, изгнанном из рая, чтобы создать его заново на земле. Притча, сотнесенная с остро актуальной в 30-е годы проблемой построения социализма ("организацией человечества"), решаемой в момент политического кризиса – угрозы мировой войны» [20. С. 106].

В свете сказанного особую роль в структуре и поэтике пьесы играют переносные смысловые акценты, семантические значения второго и третьего порядка. Многие выражены в метафорах и символах. Метафорично само оформление сцены, как оно предусмотрено в авторской вступительной ремарке к третьему акту: "Внутренность большого шатра на опушке векового леса. Шатер наполнен разнообразными предметами: тут и обрубки дерева, на которых сидят, стол, радиоприемник, посуда, гармоника, пулемет и почему-то дворцовое богатое кресло. Шатер сделан из чего попало: брезент, парча, шелковые ткани, клеенка. Бок шатра откинут и видна пылающая за лесом радуга.

М а р к з о в, с костью, в синем пенсне, сидит в дворцовом кресле с обожженной и разорванной книгой в руках (Библией, как ясно из контекста. – С.Н.)" [11. Т. 3. С. 106].

Несуразная мешанина из брезента, парчи, шелка, клеенки должна, по-видимому, передать весь вопиющий хаос предшествующего разрушения обжитого мира. Особенно выразительно дворцовое кресло (некий аналог трона), в котором восседает уже знакомый зрителям по предыдущим актам люмпен-алкоголик с полусожженной и разорванной (т.е. поруганной) Библией в руках. (По сути, это целый законченный философско-иронический и вместе с тем актуально-злободневный символ; нетрудно вообразить не только сценическое, но и графическое или живописное его воплощение, например, в стиле Домье, в виде гротеска, карикатуры.) Одновременно стимулируются ассоциации с попытками начать что-то новое, с библейскими родоначальниками человечества. Шатер-шалаш, Адам и Ева – достаточно ясные напоминания. Библейское происхождение имеет и радуга, подобная той, что Бог зажег на небесах после Всемирного потопа, "поставив" ее в виде "знамения завета" между собой и

---

⁴ Между прочим, Н.А. Кожевникова обратила внимание на скрытые ассоциативные аналогии между революцией и Всемирным потопом еще в пьесе Булгакова "Бег", написанной в 1926–1928 гг.: «Мимолетная реплика безумного де Бризара "Ноев Ковчег", заключающая своеобразный смотр героев в первом "сне" (пьеса написана как несколько сновидений об исходе белых из России – С.Н.), имеет вполне определенный и однозначный смысл: семь пар чистых и семь пар нечистых (разделение на чистых и нечистых содержится уже в фамилиях персонажей: Голубков – голубь – символ чистоты, Серафима, с одной стороны, Чарнота – с другой). Одновременно в ней заключена и другая возможная ассоциация – Всемирный потоп» [19]. Сравнение революции с библейским потопом встречается и у тех авторов 20-х годов, которые безусловно принимали революцию – "Мистерия-Буфф" (1918) В. Маяковского. Но они вкладывали в эту образную аналогию другой смысл.

людьми [18. Гл. 9. Ст. 13–17]. Эта пылающая за лесом радуга (тем более пылающая на протяжении целого акта) и должна, как и в Библии, с одной стороны, напоминать о предшествующей божией каре за "развращение человеков" и за их злодеяния, напоминать о происшедшей катастрофе, а, с другой, символизировать чаемое будущее. Однако радужные надежды (не восходит ли к Библии само это выражение в нашем языке?) предстают в пьесе в ироническом свете и все больше смещаются в пародийный и травестийный план – по мере дальнейшего знакомства зрителя с далеко не оптимальным нравственным потенциалом изображаемого "человеческого материала", как его называет Адам. (Выражение "человеческий материал" употреблялось в 20-е годы подобно тому, как в начале горбачевской перестройки вошла в речевой обиход формула "человеческий фактор". Характерно, например, одно из высказываний Н.И. Бухарина, в котором он раскрыл и весьма своеобразные методы преобразования "человеческого материала": "Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи" [21].)

Уже в самом начале драмы мелькнула, казалось бы, проходная и случайно брошенная фраза Ефросимова, за которым гнался пьяный дебошир: "Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство, чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается строить бесклассовое общество" [11. Т. 3. С. 330]. Тема "человеческого материала" по сути и развернута в закамуфлированном виде во второй половине произведения, где она вновь обозначена в первых же репликах третьего акта, которые произносит Маркизов, комментируя текст Библии: «М а р к и з о в (читает): "...не хорошо быть человеку (Адаму. – С.Н.) одному: сотворим ему помощника, соответственного ему". *Теория хорошая, да где же его взять?*» (курсив мой. – С.Н.) [11. Т. 3. С. 356].

Сотворение нового мира присутствует в пьесе только в виде перспективы, но зато демонстрируется, так сказать, контингент определенных человеческих типов, которым предстоит созидать земной рай и совершить бросок в золотой век. В образах действующих лиц как бы персонифицированы в ироническом свете некоторые социально-психологические тенденции, сквозь индивидуальный облик героев проступают определенные типажы, образующие в совокупности маленькую ироническую галерею (в реплики действующих лиц местами вставлены узнаваемые выражения, лозунговые и партийные словесные клише и т.д.). Отчасти пародируются и типичные герои литературы тех лет.

Заглавный персонаж – инженер Адам, партиец-организатор ("В моем лице партия требует..."), "обуреваемый" идеями "человек с каменными челюстями" [11. Т. 3. С. 373, 335, 375]. Сподвижник Адама Дараган – командир эскадрильи истребительной авиации, олицетворяющий, судя по всему, охранительные и карательные структуры. Образ закодирован на типаж смелого и негибкого военного (в этой ипостаси он подан вполне серьезно), перерастающий, однако, в символ истребителя по призванию, готового не только применять без колебаний любое оружие массового уничтожения (говоря современным языком), но и с маниакальной подозрительностью ищущего "изменников" и предателей в своем кругу (... "я вот на расстоянии чувствую, что сидит чужой", "между нами враг" [11. Т. 3. С. 363, 365]). Он не способен даже задуматься над доводами Ефросимова, который мечтает передать защитное средство от сверхоружия всем народам мира, обеим противоборствующим сторонам, чтобы предотвратить безумную войну, а затем и уничтожает запасы страшного солнечного газа (по действию напоминающего нейтронную бомбу), чтобы не множить и дальше человеческие жертвы. Дараган едва не застрелил за это гениального ученого, который, к тому же, незадолго до того спас жизнь всем героям пьесы, а самого Дарагана почти воскресил из мертвых. В тексте Дараган не раз именуется просто "истребитель". "Пока ты живешь, всегда найдется кто-нибудь, кого, по-твоему, надо истребить" [11. Т. 3. С. 659], – говорит ему Ефросимов в рукописном варианте финала драмы.

Следующие два типажа – люмпен-пьяница (Маркизов) и непотопляемый камелеон-приспособленец (Пончик-Непобеда). В качестве представителя оборотней автор счел целесообразным изобразить писателя. Вымучивший роман на колхозную тему "Красные зелены", он сам называет его потом "подхалимским". Пончик-Непобеда готов уживаться с любым режимом и так же легко отречься от него. Сюжетная линия этого героя (смена "убеждений") предстает в виде своего рода синусоиды. Захар Маркизов, поймав в Библии фразу о том, что "хитрее всех зверей полевых" был змей, начинает, подтрунивая, называть Пончика "змеем" – еще, между прочим, одна точка пародийного соприкосновения с мифом об изгнании из рая. Обронено в пьесе и имя или прозвище Пончика-Непобеды – Павел Апостолович, которое, по замечанию Ю.В. Бабичевой, является чем-то "вроде библейского кода к его внутренней сущности, вызывающего у читателя, знавшего священную историю, ассоциации с образом апостола Павла и загадочным фактом его жизнеописания: мгновенным и чудодейственным превращением из свирепого агента синедриона в убежденного назорея" [20. С. 108]. Одновременно отступничество Пончика автор не без ехидства использует для того, чтобы под видом малодушных "изменнических" речей вложить в его уста весьма колкие откровения (применяется прием, который один из исследователей Булгакова по другому поводу назвал "обличением со стороны обличаемого"): «П о н ч и к. ... Все начисто ясно. Вот к чему привел коммунизм! Мы раздражили весь мир, то есть не мы, конечно, интеллигенция, а они. Вот она наша пропаганда, вот оно уничтожение всех ценностей, которыми держалась цивилизация. ... Был СССР и перестал быть. Мертвое пространство загорожено и написано "Чума. Вход воспрещается!" Вот к чему привело столкновение с культурой!» [11. Т. 3. С. 357]⁵. Зрителю предоставлялось решать – слышит он наветы трусливого ренегата и коварные речи змея-искусителя или небезосновательные пророчества?

Образ Захара Маркизова выглядит словно выхваченным из жизни и не случайно так напоминает героев газетных фельетонов Булгакова. Зритель впервые знакомится с ним, когда он в жаркий весенний вечер в кальсонах, в накинутах на плечи пальто с меховым воротником и в синем пенсне гонится за профессором Ефросимовым, намереваясь избить его. Позднее он, правда, обнаруживает и симпатичные черты и даже спасает жизнь тому же Ефросимову, выбив револьвер из рук Дарагана. Но все это не мешает ему оставаться малообразованным выпивохой – то задиристым, то насмешливо наблюдательным, то смешным. Один из завершающих комических штрихов этого образа – перемена Маркизовым своего русского имени на иностранное Генрих: "Не желаю жить в новом мире с неприличным названием – Захар" [11. Т. 3. С. 368].

Травестийный групповой портрет всех этих персонажей дорисован в их отношении к Еве. Ситуация, как уже говорилось, напоминает чапековскую. Все мужчины неравнодушны к героине, причем сообщено об этом, как и у Чапека, уже в самом начале пьесы, практически в экспозиции; оба автора, следовательно, придавали определенное значение такому аспекту сюжетного построения, намереваясь определенным образом использовать его в интересах раскрытия темы. Но реализован он по-разному – у Чапека скорее в поэтическом ключе, у Булгакова – в сниженно-травестийном.

В пьесе чешского писателя после того, как Елена стала женой Домина, его коллеги, не переставая восхищаться ее обаянием и красотой, естественно, даже в мыслях не претендуют больше, чем на дружбу. В пьесе Булгакова та же ситуация ("... одна женщина и пять мужчин", – сообщал автор в одном из писем о своей драме [11. Т. 3. С. 600]) решена в комедийно-фарсовом варианте. Каждый из мужчин (кроме Ефро-

⁵ Ср. также: "П о н ч и к. ... Не верь ни Адаму, ни Дарагану, когда они будут говорить, что валюта теперь ничего не будет стоить. ... А если хоть два человека останутся, доллары будут стоить до скончания живота. Видишь, какой старец напечатан на бумажке? Это вечный старец! С долларами, когда Дараган установит сообщение с остальным миром, ты на такой женщине женишься, что все рты расстегнут" [11. Т. 3. С. 358].

симова) тайком от других пытается добиться взаимности Евы. В хмельном сознании Маркизова, едва он узнает об охлаждении ее к Адаму, рождается мысль попытаться счастья самому. Тут же он выбалтывает это Пончику. Тот дает ему тысячу долларов, чтобы он отступился в его пользу. Маркизов, недолго думая, решает употребить полученную валюту, чтобы произвести впечатление на Еву своей состоятельностью, но она мгновенно все разгадывает и пристыжает его. Попытка Пончика обнять Еву кончается тем, что она с презрением прогоняет его, не тратя даже энергии на гневную отповедь, а просто бросив фразу "Пошел вон!" Новоявленный змей-искуситель удаляется посрамленным. Тайком объясняется Еве в любви ("хватая ее за кисть руки и выкручивая ее") и главный сподвижник ее мужа Дараган. При этом в душу Еве закрадывается подозрение, что и расстрелять Ефросимова Дараган пытался, чтобы устранить в его лице соперника, который все больше нравился ей. В свою очередь Адам терзает Еву ревностью и подозрениями...

Даже мотив цветов, сопутствующий у Чапека и Толстого образу Елены и возникающий также в драме Булгакова, получает у него трагическое воплощение. В пьесе Чапека и Толстого такой мотив как бы создает дополнительную поэтическую аранжировку образа героини. С особым вкусом и изяществом это сделано у Чапека. В годовщину свадьбы Елены друзья дарят ей не только корзины цветов и шампанское в серебряных ведерках (то же у Толстого), но и специально выведенный для нее новый сорт цикламена. Эстетический эффект усилен созвучием названия цветка и имени героини: "Цикламен Елена". В пьесе Булгакова есть эпизод, когда Маркизов идет навстречу Еве и хочет вручить ей букет лесных цветов. Пончик-Непобеда вырывает у него и выбрасывает цветы, заявляя вполголоса, что раз он взял доллары, то не имеет права подносить Еве букеты. "Аморальный субъект..." [11. Т. 3. С. 359], – укоризненно заключает он!

Короче говоря, если в пьесе Чапека – благородное восхищение всех мужчин красотой и женственностью героини, здесь – пошлое ухаживание тайком от других, с попытками сделок между соперниками, обманами и т.д.

Безусловной симпатией автора пользуется только человеческая Ева да профессор Ефросимов, у которого "в глазах туман, а в тумане свечки" (по поэтичному определению Булгакова в ремарке). Он изобретатель целительного луча, противник войн и насилия, желающий добра всем людям и всем народам. (Благородство Ефросимова подчеркнуто и семантикой его фамилии, восходящей к греческим именам Ефрасий – благоглаголящий, и Ефросин – радость, веселье.) Лишь за Ефросимовым автор готов признать и миссию истинного нового Адама, что и высказано в пьесе устами Евы. Поведение Ефросимова заставляет вспомнить и о позиции самого Булгакова, о его "великих усилиях стать бесстрастно над белыми и красными" [11. Т. 5. С. 447], о чем он со всей прямотой поведал в упоминавшемся письме правительству СССР, написанном за год до пьесы "Адам и Ева" (Ефросимов заявляет в пьесе, что он " в равной мере равнодушен и к коммунизму, и к фашизму" [11. Т. 3. С. 366]). Образ Ефросимова вообще в некоторых отношениях автобиографичен. Может быть, драматург даже намекнул на это, указывая в списке действующих лиц его возраст: Ефросимову 41 год – столько же, сколько было автору в момент написания пьесы (не лишены автобиографического элемента и личные отношения Ефросимова и Евы, в чем-то напоминающие отношения Булгакова и Е.С. Шиловой).

Параллелей образу Ефросимова в пьесе "R.U.R." и "Бунте машин" нет, хотя позднее в драматургии Чапека появится типологически сходный персонаж – врач Гален в драме "Белая болезнь" (1937), тоже противник войны и диктатуры, пытающийся использовать свое научное открытие в интересах антивоенной борьбы.

Обращает на себя внимание близость образа Евы у Булгакова образу Елены у Чапека. Обе героини противопоставлены дегуманизированному миру как носительницы естественных, неискаженных чувств и врожденной, от сердца идущей нравственности. Подобно тому, как Елена у Чапека мечтает о бегстве из мира бездушного производства и технократических идеалов, где идея узко понятого прогресса взяла

верх над человеком, Ева также стремится к иной жизни и в конце концов уходит от Адама, покидая вместе с Ефросимовым чуждую ей среду: "Я вижу, – восклицает она, – что мой муж с каменными челюстями, воинственный и организующий. Я слышу – война, газ, чума, человечество, построим здесь города, мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я хочу просто людей и больше всего одного человека, а затем домик в Швейцарии, и – будь прокляты идеи, войны, классы, стачки" [11. Т. 3. С. 375]. Этот крик души так напоминает мечту Елены о бегстве и о создании крошечной колонии, где можно было бы начать новую жизнь ("Мы найдем на свете уголок, где нет никого, Алквист построит нам дом, все поженятся, будут иметь детей и тогда ... тогда мы начнем жить сызнова" [10. С. 49–50]).

Приведенные реплики Елены и Евы интересны и в другом отношении. Им созвучен финал пьесы Булгакова, где Дараган говорит в конце концов профессору Ефросимову: "Ты жаждешь покоя? Ну что же, ты его получишь", а Ефросимов отвечает: "Мне надо одно, чтобы перестали бросать бомбы – и я уеду в Швейцарию" [1. Т. 3. С. 380]. Все три реплики в свою очередь перекликаются с эпилогом судеб Мастера и Маргариты в "закатном" романе Булгакова, где его герой также обретает "покой" в уединенном домике. Во всех трех произведениях оппозиция обесчеловеченного макробытия и оазиса частной жизни (а у Булгакова одновременно и миролюбивой страны) – горький упрек современному миру.

Близость образов Елены и Евы, по-видимому, еще одно свидетельство возникшего творческого контакта писателей. Конечно, речь идет не об элементарном влиянии, а о своего рода сцеплении творческих поисков и представлений двух авторов.

Для полноты картины необходимо сказать о завершении сюжетной линии Ефросимова. Приведенный обмен репликами между ним и Дараганом, хотя и происходит в самом конце пьесы, еще не завершает ее. Под занавес Дараган еще сообщит своему антиподу: "Эх, профессор, профессор!... Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну что же... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь" [11. Т. 3. С. 580]. На этом в пьесе и ставится точка. Казалось бы, благополучный для профессора исход, но это только на первый взгляд. Что сулит герою встреча с генеральным секретарем? Чем она обернется для него? Какова будет дальнейшая судьба ученого, не только делающего фантастические открытия, но и претендующего на свободу мысли? – все это остается неизвестным. По существу, перед нами открытый финал с возможными альтернативными вариантами дальнейшего развития событий. Настораживают и поучающе высокомерные нотки в словах Дарагана, произнесенных от имени "организаторов человечества", и его инструментальное отношение к гению ученого... Двусмысленность финала усилена и не менее двусмысленными знаками, которые автор расставил в ремарках: на протяжении всего финального диалога Дараган "стоит в солнце", "поблескивая снаряжением", а Ефросимов "в тени"; в конце пьесы трижды раздаются "трубный сигнал" [11. Т. 3. С. 279, 280], то ли возвещающий о прибытии победителей, то ли призванный напомнить об Апокалипсисе. Короче говоря, до последнего момента продолжается "игра" на двойных и неясных значениях, на скрытых смыслах – "игра", составляющая особенность поэтики этой антиутопии в целом.

Трехслойная структура драмы "Адам и Ева" (оборонная драма, антивоенная пьеса, социальная антиутопия) при завуалированности основной мысли автора, который вынужден был считаться с условиями заказа и цензурно-политическими препятствиями, иногда давала повод для того, чтобы читался только один ее структурно-семантический слой. Так, в "Очерках истории русской советской драматургии", вышедших в шестидесятых годах, она однозначно описывается как оборонная драма, а все, что не укладывается в такое прочтение, попросту игнорируется [22]. (Впрочем, авторы, может быть, хотели сослужить добрую службу Булгакову и, замалчивая крамольное содержание его пьесы, стремились способствовать более широкому продвижению его литературного наследия в печать?)

Драма "Адам и Ева" не была разрешена к постановке, долго оставалась в рукописи и увидела свет, да и то в сокращенном виде, только спустя сорок лет после ее возникновения, в 1971 г., в Париже, а полностью была опубликована – на этот раз на родине писателя – лишь в 1987 г. Но она стала важным событием и крупной вехой в творчестве Булгакова. С ней связана творческая история и нескольких других его произведений. От нее лежал прямой путь к антиутопии "Блаженство" (задуманной еще в 1930 г., но завершенной в 1934 г.). Тема "золотого века", затронутая в "Адаме и Еве", была выделена в этой драме как главная и самостоятельная (анализ пьесы "Блаженство" в контексте утопических идей эпохи и полемик с ними содержится в исследовании И.Е. Ерыкаловой [23]). От "Блаженства" отпочковалась в свою очередь комедия Булгакова "Иван Васильевич". Проблема, которую можно передать формулой "научное открытие и власть" или "творческая личность и власть", разрабатывалась Булгаковым не только в драме "Адам и Ева", но и – параллельно с ней и позднее – в образе Рейна в пьесе "Блаженство" и в образе Мастера в главном романе писателя. Отношения Ефросимова и Евы, несомненно, вообразив в себя, как уже говорилось, и автобиографический элемент, также находят аналогии в образах Рейна и Авроры, а кроме того, стали, как подчеркивает М.О. Чудакова [17. С. 15], "пунктирным наброском" линии Мастера и Маргариты в одноименном романе. Опыт обращения к поэтике интертекстуальности, приобретенный в процессе создания драмы "Адам и Ева", сказался потом в работе над пьесой о молодом Сталине "Батум", где сходным образом использовались библейские ассоциации, а по мнению некоторых исследователей, проведено и очень тонкое, еле уловимое соотношение главного героя с общим рисунком образа самозванца в "Борисе Годунове" Пушкина.

В заключение остается добавить, что от исходного мотива сотворения мира и образа Адама Булгаков шел примерно в том же направлении, что и К. Чапек. Через несколько лет после драмы "R.U.R.", в которой впервые у него мелькнули имена Адама и Евы, ее автор написал совместно с братом Йозефом пьесу "Адам-творец", где мотив, связанный с этими именами, как позднее и у Булгакова, послужил основой для создания антиутопии. Сюжетная завязка сводится к тому, что Адам, разочаровавшись в существующем мире, именем Анархии уничтожает его из Орудия отрицания, но, будучи наказан Богом, повелевшим ему сотворить новый мир, берет на себя миссию творца и начинает ваять из глины людей, чтобы положить начало бытию нового человечества. Он даже пишет своего рода проект "Основы золотого века", содержащие "образ и закон будущего рая", где "мир как сад блаженных". Братья пытались построить нечто вроде наглядной художественной модели ультралиберального общественного переворота во имя преобразования мира и последующих процессов.

Пьеса была задумана в 1925 г., закончена в конце 1926 г., а поставлена в 1927 г. – в год десятилетия Октябрьской революции. Однако это не аллегория российской революции. Авторы интересовали не столько конкретные исторические события, сколько общие закономерности явления, причем понятого довольно широко. В пьесе возникают реминисценции, связанные с античными утопиями-сказаниями о золотом веке, с республикой Платона, с именами Бакунина и Маркса. Носителями идеи радикального вооруженного переворота в драме оказываются и Красный глашатай-романтик и Черный глашатай-узурпатор власти. Авторы, судя по всему, задалась целью схватить общие черты различных, хотя в чем-то подобных, по их мнению, явлений и продемонстрировать их на притче об Адаме, которому выпала миссия Бога – сотворить мир. Если несколько упростить, фиксируются такие стадии и фазы процесса: решительное отрицание всего предыдущего и стремление полностью разрушить и уничтожить все, чтобы расчистить простор для нового; попытка после насильственного переворота создать все заново и иначе, которая, однако, наталкивается на непредвиденные и неожиданные процессы и обстоятельства. В результате возникает эффект отклонения того, что создается и происходит, от задуманного. Плод ума вырывается из человеческих рук. Далее начинается

расщепление внутри самих новых сил, возникает антагонизм и борьба в собственных рядах: в пьесе ни один из сотворенных Адамом людей не согласен ни с самим творцом, ни со своими собратьями, и противоречия нарастают в геометрической прогрессии. Наконец, все венчает отказ последователей признавать авторитет зачинателей. В итоге новый мир оказывается полон противоречий и недостатков, а жизнь – неизмеримо сложнее мечтаний, умозрительных доктрин и планов. (Структурные особенности пьесы "Адам-творец" в контексте драматургии Чапека анализирует П. Яноушек, относящий ее к разряду проблемных драм и экспрессионистского гротеска [24].)

Строго говоря, комедия "Адам-творец" типологически даже ближе драме Булгакова "Адам и Ева", чем пьеса "R.U.R.", но этой драмы Булгаков определенно не знал. Она была переведена на русский язык только в 70-х годах [25]. Тем более показательна общая направленность мысли, сходство поднятых проблем и отчасти фабульных мотивов.

В драме братьев Чапек "Адам-творец" заострено характерное для многих антиутопий XX в. предостережение об опасности рискованных и безоглядных, "хирургических" вторжений в процессы макробытия, об опасности несовпадения планов (даже самых благих) и их реализации, о необходимости с достаточной осторожностью относиться к возможностям человеческого разума, дерзкого в своих попытках предвосхищений, но не охватывающего всей сложности мира. Собственно, та же мысль лежит и в основе антиутопий Булгакова "Роковые яйца", "Собачье сердце", "Адам и Ева", наконец, романа "Мастер и Маргарита", саму проблемно-философскую завязку которого составляет спор между Воландом и Берлиозом о том, "управляет ли" самочинно и своевольно всем на земле сам человек и всегда ли ему подчиняются его планы (подробнее см.: [26]). В плоскости этой проблематики находятся как основные созвучия художественной мысли Булгакова и братьев Чапек, так и творческое соприкосновение русского писателя со знаменитой драмой чешского автора и вариациями на ее сюжет у Толстого. Творческий контакт Булгакова с Чапек и Толстым способствовал активизации его размышлений на соответствующую тему и дал дополнительную пищу воображению в процессе разработки концептуальных образных мотивов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фантастика 2. Антиутопии XX в. М., 1989. С. 132.
2. Ерыкалова И.Е. "Адам и Ева" // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5-и т. М., 1990. Т. 3. С. 662.
3. Ерыкалова И.Е. "Адам и Ева" // Булгаков М.А. Пьесы 30-х годов. СПб., 1994. С. 591.
4. Никольский С.В. Карел Чапек – фантаст и сатирик. М., 1973. С. 35–123.
5. Минц З.Г., Малевич О.М. К. Чапек и А.Н. Толстой // Ученые записки Тартуского государственного университета. № 65. 1958. С. 122–124.
6. Злат П. О новых работах А.Н. Толстого. Из беседы // Жизнь искусства. Пг., 1923. № 42. С. 9.
7. Толстой А.Н. Бунт машин. Л., 1924. С. 5.
8. Толстой А.Н. Краткая автобиография // Советские писатели. Автобиографии. М., 1959. Т. 2. С. 452.
9. Булгаков М.А. Под пятой. Мой дневник. М., 1990. С. 11, 7, 9, 10.
10. Чапек К. "ВУР". Верстандовы Универсальные Работари / Пер. Е. Геркена и И. Мандельштама. Л., 1924.
11. Булгаков М.А. Собр. соч. в 5-и т. М., 1990.
12. Леонов Л. Пирамида. М., 1994. Т. 2. С. 325.
13. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-и т. Л., 1978. Т. 6. С. 199–202.
14. Bratři Čapkové. Adam Stvořitel. Praha, 1929. S. 8.
15. Čapek K. Spisy. Praha.

16. *Смелянский А.* Драмы и театр М. Булгакова // *Булгаков М.А. Собр. соч.* в 5-и т. М., 1990. Т. 3. С. 600.
17. *Чудакова М.О.* Адам и Ева свободны // *Огонек.* 1987. № 37.
18. Библия. Бытие. Гл. 6, 7, 8, 9.
19. *Кожевникова Н.А.* О сквозных мотивах в пьесах Булгакова // *Вопросы стилистики.* Саратов, 1977. Вып. 12. С. 78.
20. *Бабичева Ю.В.* Эволюция жанров русской драмы XIX – начала XX в. Вологда, 1982. С. 106.
21. *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. М., 1920. С. 8.
22. *Очерки истории русской советской драматургии.* 1934–1945. М., 1966. Т. 2. С. 135–146.
23. *Ерыкалова И.Е.* Закат Европы в "Блаженстве" // *Творчество Михаила Булгакова.* СПб, 1995. Кн. 3. С. 62–88.
24. *Janoříček P.* Studie o dramatu. Praha, 1992. S. 39–71.
25. *Чапек К.* Собр. соч. в 7-и т. М., 1976. Т. 4. С. 359–439.
26. *Никольский С.В.* В невидимой части ассоциативного спектра... // *Славяноведение.* 1994. № 5. С. 29–44.

© 1997 г. СМОЛЕНЧУК А.Ф.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ ПОЛЯКОВ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

В последнее время историки Белоруссии все чаще обращаются к вопросам этнической истории. Особенно актуальными становятся "польский" и "русский" вопросы. Главной задачей настоящей работы является более точное определение места, которое занимали "поляки белорусского происхождения" в этнической структуре населения Белоруссии, и переосмысление роли этих "местных" поляков в истории белорусской земли.

Подавляющее большинство польского населения Белоруссии имело (и имеет) местную генеалогию. Именно этот аспект и выходит сегодня на передний план. Если ранее для характеристики верхов польского населения Белоруссии конца XIX – начала XX в. применялся термин "польские помещики" [1], то теперь в белорусской исторической науке возобладала новая терминология: польско-белорусские помещики [2], дворяне-"поляки" [3] и др.

В современной белорусской историографии обозначилась тенденция к отказу от тезиса, о том что белорусский этнос в XIX и начале XX в. являлся исключительно крестьянским. Ряд исследователей утверждает, что белорусский этнос в XVII–XVIII вв. вовсе не утратил в результате полонизации свои социальные верхи, и в деятельности таких политиков начала XX в., как Р. Скимунт, И. Друцкий-Любецкий, Э. Ропп, которых традиционно связывали с польским движением, на самом деле проявились пробелорусские настроения [4]. Однако подобные выводы не находят подтверждения в источниках.

Для решения вопроса о месте поляков Белоруссии в ее этнической истории крайне важно составить представление об их мировоззрении в тот период, когда началось национально-культурное возрождение белорусов и литовцев. Данная статья представляет собой попытку анализа менталитета поляков – их исторического сознания и политической ориентации во время революции 1905–1907 гг.

Весь XIX в. поляки не воспринимали белорусов и литовцев в качестве само-

---

Смоленчук Александр Федорович – канд. ист. наук, декан Института повышения квалификации педагогических работников (Гродно).

¹ Белоруссия и Литва рассматриваются в административных границах шести губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской.

стоятельных этносов, рассматривая их как "этнографический материал" [5]. Лишь в революционные годы они вдруг обнаружили, что находятся в полиэтничном обществе, значительная часть которого относится к ним враждебно. Это ощущение было связано с социальными и культурными требованиями белорусского и литовского национальных движений. Призыв к переделу помещичьих земель – один из основных социальных лозунгов белорусских и литовских политиков – имел ярко выраженную антипольскую окраску. Как показала перепись 1897 г., почти каждый второй потомственный дворянин Белоруссии и Литвы (47,1%) считал своим родным языком польский и осознавал себя поляком. В руках польских помещиков находилось более половины частновладельческих земель края (50–55%)².

Национально-культурные требования белорусов и литовцев, связанные с введением белорусского и расширением использования литовского языка в католическом богослужении, таили в себе угрозу позициям польской культуры. Пойти на подобные уступки полякам было нелегко: ведь именно польское землевладение и польская окраска католической церкви являлись краеугольными камнями их влияния в Белоруссии и Литве.

К политической активизации белорусов и литовцев добавлялось то, что после манифеста 17 октября 1905 г. в Белоруссии и Литве стали возникать филиалы русских шовинистических организаций, объединившихся в 1906 г. в "Русский окраинный союз", который вместе с черносотенной прессой вел активную антипольскую и антиеврейскую агитацию.

Поляки оказались в положении изгоев, чужаков. Ощущать это было тем более тяжело, что речь шла о земле их предков. Новая ситуация потребовала от местного польского населения осмысления того, чем для него является белорусско-литовский край, какова их роль в жизни этого края, как нужно относиться к белорусскому и литовскому национальным движениям. Ответы на все эти вопросы должны были стать основой новой идеологии польского национального движения. Поляки понимали, что не в их интересах идти на открытый конфликт ни с царскими властями, ни с белорусами и литовцами. Они искали возможность компромисса.

Неудивительно, что в публицистике, программных заявлениях и выступлениях представителей польской общественности все чаще звучит признание в любви к Белоруссии и Литве как к своей родине. Безусловно, это чувство не возникло вдруг. Достаточно вспомнить известные строки А. Мицкевича:

Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье, –
Тот дорожит тобой, как собственной кровью,
Кто потерял тебя.
Тоскуя на чужбине,
Всю красоту твою и я увидел ныне.

Раньше, за редким исключением, об этой привязанности не было принято говорить. В начале XX в. все изменилось. В 1905 г. землевладелец из Минской губернии Р. Скирмунт, имея в виду себя и своих единомышленников, писал: "Кроме тех, кто всеми силами стремится, как к родной матушке, к Польскому королевству, и отдельных деятелей, которые делают ставку на Россию, среди шляхты есть группа людей, сердцем и душой преданных своей Родине – Литве и Руси (Белоруссии. – А.С.)" [7]. А вот что отмечалось в редакционной статье первого номера за 1906 г. "Gazety Wileńskie": "Мы граждане Литвы и Белоруссии. Наш гражданский долг – служить родному краю. Мы не должны быть польскими колонистами. С политической, общественной и экономической точки зрения, нашей Родиной является Белоруссия и Литва. Только с культурно-национального взгляда, мы – дети польского народа – и не отказываемся от него".

² Цифры получены на основе анализа архивных материалов [6].

Характерным был также ответ председателя Минского сельскохозяйственного общества Э. Войнилловича на упрек в том, что польские землевладельцы, рассматривая проекты аграрной реформы, руководствуются только собственными интересами. "Своим многолетним трудом на родной земле, – заявил он на заседании общества в марте 1906 г., – местные землевладельцы уже доказали, насколько близки им интересы родного края и единоплеменного с ними коренного населения. Сегодня никто не имеет права упрекать нас в неискренности и желании защищать только собственные интересы" [8]. Обращает на себя внимание употребляемая Войнилловичем терминология. В крестьянах он видел "единоплеменное население", а вместо дефиниций, призванных обозначить национальную принадлежность, употребил термины "коренные" и "местные". О своем родном крае, о своей родине писал в конце 1905 г. и будущий депутат I Государственной думы от Виленской губернии Б. Яловецкий [9. S. 49].

Большую роль в формировании представлений о родине играло то, что детские годы многих поляков проходили среди белорусского и литовского крестьянства. Они понимали язык, на котором разговаривали крестьяне, знали народные песни и сказки. Няньками многих из них были деревенские женщины. Для многих из них собственные и семейные воспоминания служили тем мостом, который соединял далекое прошлое и сегодняшний день. Так, Э. Войниллович, благодаря помещика А. Ельского за присылку белорусских книг, отметил: "Каждому из них этот язык (белорусский. – А.С.) мил, каждый засыпал в колыбели под народные песни наших няnek, каждый на этом языке находит взаимопонимание с местным населением" (цит по: [10]).

Это осознание родины становится в начале XX в. настолько сильным, что часть поляков Белоруссии и Литвы перестает отождествлять себя с единомышленниками из Королевства Польского – причем не только в отношении происхождения, но даже черт характера. "Под влиянием исторического переплетения народов (польского с белорусским и ... литовским, – писала Э. Ожешко, – поляки края обрели качества, которых не имеют поляки Королевства. ... Здесь больше мудрости, выдержки, более высоки интеллектуальные способности" [11].

Восприятие Белоруссии и Литвы в качестве своей родины стало ядром той новой идеологии, которую приняло большинство местных поляков. Ее приверженцы провозгласили интересы родной земли более важными, чем интересы отдельных этносов, в том числе и польского. Они заявляли, что в своей политической и общественной деятельности будут руководствоваться национально-культурными, экономическими, религиозными и историческими особенностями и потребностями края. Отсюда и название нового движения – "краевое" и его участников – "краевцы".

Главным постулатом краевцев была декларация единства всех жителей Белоруссии и Литвы. Краевцы призывали население осознать, что большая часть его нужд имеет общее значение для всех жителей Белоруссии и Литвы, что классовая и национальная борьба бессмысленна и даже преступна, пока не завоевана свобода для всего края. "Прежде всего мы являемся гражданами края, – отмечал Б. Яловецкий. – Поэтому, невзирая на различие социального положения, национальности и вероисповедания, мы должны пожать друг другу руки и со взаимным уважением взяться за работу" [9. S. 10].

Большое значение краевцы придавали национальным отношениям. Программа Краевой партии Литвы и Белоруссии (1907), например, гарантировала право литовского народа на культурное развитие. Она также обещала с уважением относиться к появившейся среди белорусов тенденции к самостоятельному национальному и культурному развитию [12. 1907. № 135].

Однако историческое сознание это не только память человека и те психологические установки, которые возникают на почве представлений о прошлом. Оно включает историческое знание, историческую научную мысль. Краевцы занялись пропагандой и распространением среди образованной части населения "краевой историографии". Они стремились формировать отвечающее их мировоззренческим установкам историческое сознание.

Основой "краевой историографии" стали работы представителей виленской исторической школы первой половины XIX в. Такие историки, как И. Данилович, И. Ярошевич, М. Бобровский, И. Оноцевич, И. Лобойко, а позже Т. Нарбут и А. Киркор, практически впервые сделали Белоруссию и Литву самостоятельным объектом исторических исследований. Они отказались смотреть на историю края глазами Петербурга или Варшавы. Для них не существовало ни "кресов восточных", ни "Западного края России". Белорусско-литовский патриотизм был характерной чертой научной концепции виленских историков. "Никогда не умрет во мне это чувство, – писал в 1861 г. А. Киркор. – Я люблю мою Родину с вдохновением юноши и самопожертвованием мужчины. Симпатию к Польше я ощущаю настолько, насколько ее судьба связана с нашей" [13]. Т. Нарбут видел в белорусской и литовской шляхте XIV в. предков шляхты XIX в. Исторические исследования виленских историков не могли не способствовать осознанию шляхтой края своих местных корней.

Виленские историки подчеркивали самостоятельность государственного развития Великого княжества Литовского после Кревской и Городзельской уний [14. S. 213]. Давая оценку польскому влиянию, они отмечали большую позитивную роль польской культуры и католической церкви в истории края. В то же время именно на польских магнатов Т. Нарбут возлагал главную вину за безвластие, которое облегчило правителям России, Пруссии и Австрии уничтожение Речи Посполитой [14. S. 235].

Идеи виленской исторической школы жили, несмотря на то, что сфера их распространения после подавления восстания 1863 г. была сильно ограничена. Из официальных учебных заведений Белоруссии и Литвы концепции виленских историков вытеснил "западнорусизм", а в нелегальных просветительских кружках и тайных школах преобладали взгляды польской историографии, которая рассматривала белорусско-литовские земли как польскую провинцию. Такую позицию в начале XX в. занимал, например, историк З. Глогер, довольно часто выступавший на страницах польской виленской прессы. На общем фоне исторической литературы последней четверти XIX в. исключением выглядел написанный в основном А. Киркором третий том "Живописной России" (1882), который был посвящен Белоруссии и Литве.

В своих выступлениях в печати краевцы возрождали концепцию виленских историков. "Значительную часть польских землевладельцев Белоруссии, – писал Э. Войничлович, – составляла шляхта местного происхождения, которая когда-то исповедовала восточный обряд, но уже в XVII в. была полонизирована и окатоличена. Она ощущала кровное единство с местным народом" (цит. по: [15]). Тот же Войничлович в одном из писем отмечал, что древние семейные документы и его собственного и многих других польских дворянских родов написаны на белорусском языке (цит. по: [10]).

Краевцы руководствовались главным принципом виленской исторической школы – изучением прошлого Белоруссии и Литвы как самобытной истории. Вместе с тем они существенно изменили концепцию виленских историков, внося в нее свойственное им ощущение принадлежности к польской нации, которое усиливалось по мере активизации белорусского и литовского национальных движений. Идею белорусского или литовского происхождения польской шляхты постепенно сменил тезис об общих польско-литовско-белорусских корнях.

Б. Яловецкий утверждал, что еще до образования Великого княжества Литовского многочисленные набеги литовцев на польские земли в XII в. привели к появлению в Белоруссии и Литве польских осадников-католиков: используя слабость Польши после смерти Болеслава III, литовские князья переселили на свои земли десятки тысяч поляков. Согласно польскому публицисту, уже в XIII в. в белорусско-литовском крае невозможно было найти такое место, где бы не жили поляки [9. S. 4–5]. После же присоединения к государству Миндовга белорусских земель польская и литовская кровь смешалась также и с белорусской. Яловецкий полагал, что уже во времена Ягайлы в Белоруссии и Литве не осталось человека, который не носил бы в себе частицы крови трех народов – польского, литовского и белорусского [9. S. 5]. После Краевской унии и судьбы государственности этих народов стали нераздельными. Краевцы были катего-

ричны в утверждении, что христианство, просвещение и западноевропейская культура пришли на белорусские земли только из Польши. Они писали о существовании польско-литовско-белорусской культуры: "На всей территории Литвы господствовали одни и те же обычаи, одна и та же национальная этика..., потому что в жилах текла одна и та же кровь" [9. С. 3]. Фактически делалось заключение о существовании в Великом княжестве Литовском единого польско-литовско-белорусского этноса.

Времена Речи Посполитой рассматривались новой краевой историографией как "золотой век" для всех ее жителей. Краевцы не отрицали полонизации социальных верхов литовского и белорусского этносов. Однако они видели в ней закономерный и позитивный процесс, который никогда, на их взгляд, не происходил путем насилия. "В культурной победе нашего языка над литовским, – заявляли краевцы, – есть только преимущество знаний, труда и гуманизма в традициях" [12. 1905. № 10]. "Польская культура в Литве не насаждалась огнем и мечом. Она распространялась через братство народов" [12. 1906. № 38]. По мнению краевцев, социально-экономические отношения в Речи Посполитой были также отмечены печатью "золотого века". Сравнение положения крестьян в Речи Посполитой и России оказывалось не в пользу последней. Г. Свенцицкий в докладе на заседании Минского сельскохозяйственного общества в марте 1906 г. нарисовал следующую картину социальной гармонии в Речи Посполитой. Помещик выступал советчиком и опекуном крестьян, заинтересованным в росте их благосостояния, его жена лечила больных, а дочь учила крестьянских детей. Одновременно подчеркивалось, что в России крестьянин являлся полной собственностью помещика и не мог даже жаловаться на своего господина [16. С. 6].

Краевцы стремились доказать, что магнаты Белоруссии и Литвы на протяжении всего средневековья выступали против крепостного права. Правда, факты, на которые они ссылались, были связаны только с последними десятилетиями существования Речи Посполитой. Отмечалось, что в XVIII в. А. Замойский, А. Тизенгауз, И. Хрептович перевели крестьян на оброк и дали им самоуправление [12. 1905. № 16], С. Понятовский перевел на чинш 40 тыс. крепостных [16. С. 7] и т.д. Неоднократно подчеркивалось значение в этом плане Конституции 3 мая 1791 г.

Ведущаяся шляхтой "борьба за крестьянское благосостояние" прослеживалась публицистами-краевцами и в XIX в. Г. Свенцицкий отмечал, что еще в 1817 г. дворянское собрание г. Вильни обратилось к императору с просьбой о проведении крестьянской реформы, через 13 лет в Вильне возникло "Общество друзей крестьян", а в 1843 г. виленская шляхта вновь ходатайствовала об отмене крепостного права. Даже реформа 19 февраля 1861 г. связывалась с обращением к Александру II шляхты Ковенской губернии [16. С. 8].

Разделы Речи Посполитой не нашли отражения в публицистике краевцев. Возможно, эту тему обошли вниманием по цензурным соображениям. Общая оценка российского господства в крае проявилась в характеристике современного положения Белоруссии и Литвы. "Край переживает полный упадок, – писал Б. Яловецкий. – Невежество и бедность охватили все слои населения" [9. С. 10].

Развитие краевцами исторической концепции "виленской школы" заключалось в подчеркивании исключительно позитивной, на их взгляд, роли поляков в истории Белоруссии и Литвы. Исторически обосновывалась мысль, что поляки не являются национальным меньшинством. Напротив, они – один из трех основных историко-государственных и культурно-созидающих элементов края, без которого невозможно представить ни прошлое, ни будущее последнего.

Таким образом, поляки краевого происхождения неизменно делали акцент на том, что их родиной является белорусско-литовская земля. Однако продолжительное время это убеждение не сказывалось на их общественно-политической деятельности. Только в начале XX в., когда революция 1905–1907 гг., национально-культурные движения белорусов и литовцев поставили поляков в положение изгоев, чувство родины стало ощутимым фактором их деятельности. Однако краевая идеология не могла основываться на одних только патриотических сентиментах. Идеология нуждалась в

основательным научно-историческом фундаменте. И краевцы пошли по пути разработки и популяризации таких исторических воззрений, которые соответствовали их основным идейно-политическим установкам. Белорусско-литовский патриотизм И. Даниловича, Т. Нарбута и А. Киркора был в начале XX в. соединен с высокой оценкой роли поляков в истории края. В сознании краевцев соседствовали ощущения принадлежности к шляхте Великого княжества Литовского, с одной стороны, и к польской нации – с другой.

Обращение в прошлое, историческое сознание одновременно было теснейшим образом связано с системой мировоззренческих и ценностных ориентаций, которые доминировали среди поляков Белоруссии и Литвы. Именно настоящее диктовало те вопросы, с которыми краевцы обращались к прошлому, оно же "подсказывало" и ответы на поставленные вопросы. Разумеется, без характерного для краевцев чувства родины эти ответы могли формулироваться совсем по-иному. Так, партия польских национальных демократов (эндеков) рассматривала Белоруссию и Литву в качестве "кресов восточных" Польского государства и считала поляков хозяевами этой земли. Большинство поляков не приняло эндецкой идеологии, хотя нетрудно заметить, что и развитие краевцами концепции виленской исторической школы шло в направлении наполнения их польским национальным содержанием.

Верность краевой идеологии ее сторонники сохраняли до первой мировой войны. Еще в конце 1915 – начале 1916 г. группа влиятельных краевцев по главе с Э. Войнилловичем вместе с представителями литовского, белорусского и еврейского движений приняла "Универсал Временного совета Конфедерации Великого княжества Литовского". Главной идеей универсала явилась борьба за самостоятельное белорусско-литовское государство [17]. Однако с конца 1916 г. и особенно после возрождения Польского государства взгляды краевцев претерпели серьезные изменения. Среди поляков Белоруссии и Литвы быстро получила поддержку программа, основанная на концепции "кресов восточных". В 1921 г. Э. Войниллович уже возмущался результатами Рижского мира. Отказ польской делегации присоединить к Польше всю Белоруссию он считал предательством поляков и края, в котором, по его мнению, доминировала польская культура [18]. Таким было логическое завершение эволюции исторического сознания краевцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларускай ССР. У пяці томах / Пад рэд. І. Ігнаценкі. Мінск, 1972. Т. 2. С. 400.
2. Нарысы гісторыі Беларусі. У двух частках / Пад рэд. М. Касцюка. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 339.
3. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Тэзісы. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 129.
4. *Запруднік Я.* Дваранства і беларуская мова // Беларусіка. Мінск, 1992. Кн. 2. С. 34–55.
5. *Kwestia litewska w prasie polskiej.* Warszawa, 1905. S. 45.
6. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 62 об.–67 об.
7. *Romunt (Skirmunt R.).* Głos przeszłości i potrzeba chwili. Lwow, 1905. S. 49.
8. ГИА Литвы. Ф. 378. 1907. Д. 157. Л. 207.
9. *B.J... i (Jalowski B.)* Litwa i jej potszeby. Narodowy katechizm Litwy. Wilno, 1905.
10. *Туронак Ю.* Ваша национальность // Нёман. Мінск, 1992. № 12. С. 158.
11. *Orzeszkowa E.* Listy. Warszawa, 1938. Т. 2. cz. 2. S. 144.
12. *Kurier litewski.*
13. Наш радавод. Гродна, 1993. Кн. 5. Ч. 2. С. 308.
14. *Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego w krótkosci zebrany. Wilno, 1847.
15. *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 214.
16. *Свенцицкий Г.* Аграрный вопрос. СПб., 1906.
17. *Abramowicz L.* Litwa podczas wojny: zbior dokumentow, uchwał, odezww. Warszawa, 1918. S. 23.
18. *Wojniłowicz E.* Wspomnienia. 1847–1928. Wilno, 1931. S. 15–20.

Documenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa. Praha, 1994. 439 S.

Документы чехословацкой внешней политики. Возникновение Чехословакии 1918 г.

Том документов чехословацкой внешней политики в 1918 г. является первым в задуманной серии "Документы чехословацкой внешней политики". Отсутствие научной документальной публикации такого рода остро ощущалось специалистами по истории чехословацкого государства как в самой стране, так и за ее пределами. Идея такой работы возникла еще до распада Чехословакии, но осуществилась уже в условиях двух независимых государств. Инициатором публикаторской деятельности явился Институт международных отношений, получивший в 1994 г. грант для реализации этого проекта. В группу по изданию документов вошли представители различных чешских исторических институтов, философского факультета Карлова университета, архивисты. А. Клибек, Г. Новачкова и И. Штевичек были ответственными за выявление, отбор и археографическую обработку документов. Выявлением документов в словацких архивах занимался М. Гронски. Известные чешские специалисты по новейшей истории принимали участие в комментировании документов. Авторами различных частей введения являются К. Пихлик, Я. Галандауэр и А. Клибек. К. Пихлик останавливается на характеристике двух концепций будущего чехословацкого государства, разрабатываемых в годы первой мировой войны, с одной стороны, К. Кра-

маржем, а с другой – Т.Г. Масариком. Как известно, К. Крамарж предлагал создание славянской империи под эгидой русского царя. Т.Г. Масарик выступал за независимое чехословацкое государство. В сжатой форме Пихлик напоминает читателю дипломатические и пропагандистские усилия созданного в 1915 г. во Франции Чехословацкого национального совета (ЧНС) во главе с Т.Г. Масариком, М. Штефанником и Э. Бенешем, их деятельность по созданию военных формирований из чехов и словаков за границей для борьбы на стороне союзников. Существование независимой чехословацкой армии, по мнению Пихлика, стало одним из важных факторов в борьбе ЧНС за международное признание чехословацкой независимости.

Я. Галандауэр анализирует чешскую политику в Австрии, разбирая как проавстрийскую политику официальных представителей чешских политических партий, так и деятельность тайной политической организации, получившей название "Маффия". Выступление в мае 1917 г. чешских писателей с призывом к чешским депутатам отстаивать свою программу оказало влияние на заявление Чешского союза на парламентском заседании в Вене, согласно которому его политической целью является "объединение всех ветвей чехословацкого народа, включая ветвь словацкого народа, в демократическое чешское госу-

дарство..." (С. 16–17). Чешские депутаты исходили при этом из исторического права чешского народа и права наций на самоопределение. Я. Галандауэр считает, что на рубеже 1917–1918 гг. в чешской политике стала побеждать линия, направленная, как и программа Масарика, на создание независимого чехословацкого государства.

А. Климек приводит численность чехословацких военных формирований во Франции, Италии и России (где они насчитывали соответственно 11 000, 23 500 и 76 832 человека), сравнивая чехословацкое войско с армиями среднего европейского государства, такими как Бельгия и Сербия. Более подробно Климек касается истории чехословацких легионеров в России и отношения к ним государств Антанты.

Основной целью указанной публикации является освещение дипломатической деятельности чехословацкого заграничного сопротивления по отстаиванию права на самоопределение и создание собственного государства. Хронологически документы охватывают период с января по октябрь 1918 г. Начальный рубеж объясняется началом нового этапа борьбы за независимость в связи с важными международными событиями конца 1917 г. (декрет президента Франции от 16 декабря 1917 г. о чехословацкой армии) и обстановкой внутри страны (Трикралова декларация от 6 января 1918 г.). Конечный хронологический рубеж логически связан с провозглашением самостоятельного государства. Опубликованные документы выявлены в различных фондах, коллекциях, личных собраниях Военно-исторического архива, Архива Министерства иностранных дел, Архива Национального музея, Государственного центрального архива и Архива памятников национальной письменности в Праге, а также Литературного архива Матицы словацкой в Турчанском Св. Мартине. Кроме непубликовавшихся ранее архивных документов в сборник в силу различных причин были включены и некоторые материалы, опубликованные в

изданиях "Дипломатические документы о чехословацком государстве" (Париж, 1918); Э. Бенеш "Мировая война и наша революция" (Прага, 1927); "Документы нашего освобождения" (Прага, 1919); "Социальное и национальное движение в Словакии от Октябрьской революции до возникновения чехословацкого государства" (Братислава, 1979) и некоторых других.

Всего в сборник вошло 187 документов. Публикация содержит документы, касающиеся организации и деятельности чехословацкого войска за границей в 1918 г. в России, Франции и Италии, признания этого войска в качестве союзного Антанте, признания полномочий ЧНС, а затем чехословацкого временного правительства и создания их дипломатических связей и представительств. В книге содержатся также документы, показывающие новую ориентацию чехословацких политиков внутри страны. Тексты документов приводятся полностью (за исключением трех документов). Чтобы избежать неточностей перевода, все документы даются на языке оригинала (кроме двух найденных во французском переводе). Все документы археографически обработаны, имеют названия, даты, исходные данные о хранении или публикации, к документам прилагаются развернутые комментарии. В конце тома приводится таблица главных исторических событий 1918 г., связанных с чехословацким сопротивлением, список документов на чешском и английском языках, перечень упоминающихся в документах имен.

В целом надо сказать, что данная публикация документов носит научный характер, тщательно подготовлена и представляет собой солидную базу для исследователей, занимающихся не только чешской и словацкой историей, но и некоторыми сюжетами российской и украинской истории, международными отношениями периода первой мировой войны, а также военных историков.

© 1997 г. *Серапионова Е.П.*

Версаль и новая Восточная Европа / Отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М., 1996. 270 С.

Выпущенный в свет средствами малой полиграфии Институтом славяноведения и балканистики РАН сборник статей является второй книгой из серии исследований, объединенных общей темой "Итоги первой мировой войны, Версальское мирное урегулирование и образование системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе". В 1991 г. был опубликован сборник "Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе", в котором анализировались появление и развитие идеи коренных изменений политической карты региона в разгар военных действий на континенте.

Интерес авторов книги привлекли судьбы народов малых стран Восточной Европы в конце первой мировой войны и в первые послевоенные годы, когда мирными договорами определялось место этих государств в Версальской системе международных отношений. Это было очень бурное и динамичное время, о котором О.Э. Мандельштам с полным основанием писал:

Европа цезарей! С тех пор, как в
Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

Подобно карточным домикам, рушились многовековые империи Габсбургов, Романовых, Османов. Не выдержала испытаний мировой войны и канула в Лету их молодая "сестра" — Германская империя Гогенцоллернов. Вопросы территориального разграничения на землях бывших империй, процесс складывания на их

развалинах системы новых государств ЦЮВЕ находятся в центре внимания авторов книги.

На основе богатой документации они освещают нетрадиционные для отечественной историографии проблемы, знакомят читателя с неизвестными ранее страницами борьбы политических деятелей региона на Парижской мирной конференции и в ее кулуарах — за национальную государственность и за новые территориальные приобретения. Представлены также портреты некоторых "отцов-основателей" национальной идеи постверсальской ЦЮВЕ. Среди них — румыны Николае Йорга и Лучиан Блага, поляк Леон Василевский, чехи Томаш Г. Масарик и Эдуард Бенеш. Несмотря на страноведческий характер сборника, ознакомление с ним позволяет читателю составить и некоторое, пусть далеко не полное, представление о том, сколь сложными и болезненными были "роды" нового послевоенного мира и почему "новорожденный" оказался столь болезненным и нежизнеспособным.

Книга издана при финансовой поддержке Ассоциации историков первой мировой войны, члены которой приступили к активной разработке темы Версальского мирного урегулирования. Поэтому, хочется надеяться, что вслед за этой книгой появятся другие, и в своей совокупности они позволят заполнить ту лакуну на историческом поле, вокруг которой отечественная историография десятилетиями либо создавала фигуру умолчания, либо чрезмерно идеологизировала и политизировала в угоду правящей элите.

© 1997 г. Шкундин Г.Д.

Журнал "Orthodoxia" в Польской Республике

Проблема средств массовой информации национальных меньшинств в странах Центрально-Восточной Европы принадлежит к числу самых злободневных. Не является исключением и нынешняя Польша, где, в частности, проживает около 1 млн восточных славян (белорусов, украинцев, лемков, русских), в основном исповедующих православие [1]. До последнего времени они не имели своего регулярного массового православного периодического издания; его роль отчасти выполняли календари, печатавшиеся как митрополиями, так и церковными епархиями на польском, русском и украинском языках один раз в год.

В середине 1980-х годов в новых меняющихся политических условиях православная общественность Белостотчины выдвинула идею создания независимого светского православного печатного органа. С инициативой выступили православные белорусы – представители нескольких сотен тысяч коренного населения, проживающего в этом регионе в течение многих столетий.

Проект стал осуществляться в рамках Христианского общественного союза (Chrześcijański Stowarzyszenia Społecznego), Белостокский воеводский отдел которого, насчитывающий около тысячи православных членов, являлся заметным исключением среди аналогичных отделений всей остальной Польши, по своему составу в основном католических.

Первоначально журнал носил название "Подляский еженедельник" ("Tygodnik Podlaski") [2], выходил под грифом Христианского общественного союза и почти не касался непростых вопросов современной православной жизни Польши. В те годы главный редактор журнала, Евгений Чиквин, вынужден был констатировать: "Современность слишком сложна, чтобы ее сейчас же отображать" [3. 1989. № 5. С. 43].

С 1991 г. положение быстро меняется. Журнал получает название "Orthodoxia" – "Православие", становясь одним из самых авторитетных мировых светских православных изданий, в котором доля материалов на актуальные темы все более и более возрастает. Многотысячный тираж журнала расходуется не только в Польше, но и в близлежащих государствах, прежде

всего в Белоруссии и на Украине; его номера поступают в Россию, их получают подписчики в США, Канаде и ряде других стран.

"Orthodoxia" получила в последнее время еще одно параллельное заглавие – "Православное обозрение" ("Przegląd Prawosławny"). Ее читают не одни только православные, ибо, сообразно с концепцией журнала, одна из его задач – информировать широкую общественность в Польше и за ее рубежами о положении православия внутри страны и в мире. Тем не менее освещение проблем собственно польского православия или православия в Польше, его судеб и современного состояния являются, пожалуй, основными для журнала. Успех журнала во многом зависит от работы в нем постоянных авторов, светских и духовных, живущих в различных уголках Польши и за рубежом, в том числе в Греции и США.

В последнее время на страницах журнала особенно остро ставилась тема возвращения государством Православной Церкви Польши зданий знаменитого Супрасльского Благовещенского монастыря, основанного в конце XV в. известным семейством православных белорусских магнатов Ходкевичей. Православные Польши добивались возвращения им этой всемирно известной святыни еще в межвоенные годы, однако тогда, в условиях постоянных гонений, реально рассчитывать на положительное решение они не могли. Супрасльский монастырь в те годы был передан в ведение Католического Костела Польши, а после второй мировой войны в нем разместились сельскохозяйственный техникум. Сейчас же, несмотря на решение вопроса правительством Польши в пользу православных, с протестом выступил Католический Костел, поднялась кампания осуждения действий правительства со стороны польской католической иерархии и светских лиц – католиков, ратующих за невозвращение православным Супрасльского монастыря, Благовещенский собор которого – одна из жемчужин архитектуры Центрально-Восточной Европы – был варварски разрушен в период второй мировой войны, а ныне постепенно восстанавливается Православной Церковью.

Православное исповедание в католической Польше в обыденной жизни все еще вызывает во многих гражданах реакцию далеко не нейтральную, порой враждебную. Этой теме на страницах журнала уделяется много места – в специальных обзорах текущей печати, высказываний известных деятелей и рядовых граждан на радио и телевидении, специальных статьях, рецензиях, интервью. Дело еще и в том, что принадлежность к православному вероисповеданию связывается с конкретной национальностью, прежде всего украинской и белорусской, с восточнославянскими национальными меньшинствами, судьбы которых в прежней Польше оказались нелегкими, а сами они часто попадали в трагическое положение, не по своей воле не раз оказывались в ситуации конфронтации с государственными органами и даже основным населением страны. Поэтому, как пишет Э. Добровольская в статье "Выйти за православного" [3. 1995. № 6]: "Матери предупреждают дочерей и сыновей, чтобы они не раскрывали публично свою национальную и религиозную принадлежность. Так безопасней". И вот, «когда наступает время подавать документы в высшее учебное заведение, в рубрике "национальность" такой молодой человек или девушка, украинцы или же белорусы, пишут, что они "поляки"».

Проблема экуменизма, взаимодействия христианских конфессий, принадлежит в журнале к числу центральных. Недаром одним из его создателей, наряду с независимой белостокской фирмой "Orthdruk", является экуменический фонд "Tolerancja". Журнал подробно сообщает обо всех наиболее заметных совместных акциях представителей различных мировых церквей, регулярно освещает происходящее в Ватикане, в Католическом Костеле. Весьма интересны примеры современного "народного экуменизма" в Польше. Наибольшее число их связано с поклонением одним и тем же святыням, особо чтимым как православными, так и католиками. Одним из них является "источник св. Анны" возле села Селец в Холмском воеводстве, где осенью 1995 г. прошло экуменическое богослужение с участием православного, католического и протестантского духовенства.

Большое место в журнале занимают публикации о молодежи и на молодежные темы, мировом православном молодежном движении, православных молодежных братствах. Подобное неудивительно, ибо в

Православной Церкви Польши светская молодежь играет очень заметную роль, а ее церковная активность – явление для Европы далеко не ординарное. С молодежным движением тесно связаны и православные паломничества по святым местам, школы иконописания, летние лагеря, конференции, спортивные состязания и многое другое. Православная молодежь Польши – один из основных исполнителей проекта помощи пострадавшим в ходе балканской трагедии, разработанного и осуществляемого основанным в Белостоке "Православным комитетом помощи жертвам войны в бывшей Югославии".

Национальные вопросы внутри православного меньшинства Польши находят отражение практически в каждом номере журнала. Несмотря на то что основной язык публикаций польский, в нем постоянно присутствуют по две белорусоязычных и две украиноязычных полосы, печатается большое число статей о лемках. Проблема последних весьма болезненна для современной Польши, так как их, наряду с украинцами, в послевоенные годы насильно выселили с мест многовекового проживания в отрогах Карпат. Акция эта носила военный характер и говорить о ней долгое время запрещалось. Трудолюбивый народ, почти исключительно крестьянский, оказался в изгнании. И лишь теперь о трагедии лемков узнала вся Польша. В этом также немалая заслуга ежемесячно выходящей в Белостоке "Orthodoxia", готовящейся небольшим коллективом светских православных журналистов во главе с Е. Чиквиным. В православном мире журнал этот, пожалуй, уникален. Ему удалось стать не только подлинно независимым, насколько такое возможно, конфессиональным периодическим изданием, но и настоящим архивом быстротекущей современности и совсем недавнего, порой трагического, прошлого, единственные свидетельства которого им сохраняются и обновляются.

К десятилетию существования журнала, которое отмечалось в 1995 г., известным исследователем православия в Польше священником Г. Сосной [4], живущим в Подляшье в знаменитом белорусском селе Рыболы, была составлена и издана специальная библиография его содержания за период с 1985 по 1994 г. [5], насчитывающая более трех с половиной тысяч публикаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kościół Prawosławny w Polsce dawnej i dziś. Warszawa, 1993.
2. Подлясье или Подлясье – историко-культурная область на востоке Польши, истари населенная белорусами и украинцами.
3. Prasa Polska.
4. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная церковь на Белостотчине в работах протоиерея Григория Сосны. Минск, 1994.
5. Ks. Grzegorz Sosna. Wstępna bibliografia chrześcijaństwa wschodniego. Druki polskojęzyczne okresu współczesnego. Suplement I. Tygodnik Podlaski – Prawosławie – Orthodoxya – Przegląd Prawosławny. 1985–1994. Ryboły, 1995.

Страны Центральной и Восточной Европы и развитие европейской региональной кооперации

Названная в заглавии проблема стала одной из центральных на Международном симпозиуме "Региональная кооперация в Европе: роль культуры и осознания идентичности", состоявшемся 20–28 июля 1996 г. в г. Блаубойрене (Германия). Симпозиум проводился Интернациональным центром, объединяющим 18 крупнейших университетов из девяти европейских стран и США, наряду с которыми в состав участников центра входит и Институт славяноведения и балканистики РАН. Ведущая роль в этой ассоциации принадлежит университету в г. Тюбингене (Германия), который организует и координирует реализацию программ центра.

В рамках летней академии 1996 г. центром было проведено восемь международных научных конференций по важнейшим социально-экономическим и политическим проблемам современного развития европейских стран, вопросам развития права, систем государственного и местного управления, процессам, протекающим в общественном сознании и культуре.

Работой симпозиума, посвященного проблемам региональной кооперации в Европе, руководили проф. Р. Хрбек и проф. Г. Пютнер (Тюбингенский университет). В нем участвовали более двадцати ученых из Венгрии, Польши, Румынии, России, а также ученые из Германии и Великобритании. Финансовая поддержка в проведении симпозиума была оказана Фондом Альфреда Тёпфера (Гамбург).

Определяя главную тему докладов и дискуссии, организаторы исходили из

особого значения в современной Европе региональной кооперации, которая рассматривается Европейским Союзом как один из важнейших путей дальнейшего развития интеграционных процессов на континенте, более того, в докладах немецких участников симпозиума не раз подчеркивалось решающее значение именно этого направления развития европейской интеграции. Вместе с тем указывалось, что процесс регионального сотрудничества не изучен еще в достаточной мере, что в свою очередь препятствует его планомерному развитию и выработке в этой области эффективных политических решений. Кроме того, практика развития региональной кооперации определенно свидетельствует, что в ней особое значение приобретают факторы национальных и культурных традиций европейских народов, традиций, в которых воплотился многовековой опыт их взаимоотношений.

Участие в симпозиуме ученых из стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы¹ объясняется отнюдь не только потребностью изучения интеграционных процессов в рамках ЕС, что само по себе уже представляет несомненный научный интерес, но прежде всего тем, что процессы регионального сотрудничества уже

¹ В докладах и дискуссии на симпозиуме для обозначения Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы употреблялось общее понятие "Восточная Европа", которое охватывает области на востоке Европы и страны, не входящие в Европейский Союз. В этом значении понятие "Восточная Европа" употребляется и в настоящем тексте.

сейчас выходят за рамки стран Западной Европы и включают в себя западные области Польши и Чехии, что соответствующие программы разрабатываются для Юго-Восточной Европы, Карпатского региона и Прибалтики. Причем в этих программах возможно участие стран, не входящих в ЕС. Значение европейского опыта региональной кооперации и интеграции особенно важно для Восточной Европы еще и потому, что он позволяет активизировать процесс восстановления на новой основе общеевропейского разделения труда и рыночной экономики, тех связей, которые раньше развивались на востоке Европы в рамках СЭВ, а также для интеграционных процессов в СНГ.

Открывая симпозиум, Г. Пютнер отметил, что ЕС, как и Европа в целом, объединяет не только государства, но и регионы. Причем особое значение имеют регионы, включающие в себя пограничные области нескольких государств. Существуют в Европе и такие страны, территория которых охватывает различные регионы и, наконец, государства, границы которых совпадают с региональными рубежами. Сложность национально-государственной и региональной структуры континента, различная направленность национальных и региональных связей и тенденций развития экономики, культуры и органов управления – все это, по словам Г. Пютнера, диктует необходимость согласования направлений и программ общего и регионального развития, определения правовых и хозяйственных рамок региональной самостоятельности. Причем именно для Восточной Европы региональная самостоятельность имеет особое значение.

Естественно, что развитие экономики, будучи важнейшим фактором строительства единой Европы, определяет перспективы и регионального развития, создает ту среду практической деятельности, которая в свою очередь обуславливает процессы развития культуры и общественного сознания. Воздействию тенденций экономического развития на изменение национального сознания и формирование осознания идентичности был посвящен доклад Г. Земфа. Рассматривая производство как определяющий фактор развития культуры, докладчик сформулировал отнюдь не бесспорный тезис о том, что интернационализация технологии и мирового рынка, выработка единых мировых стандартов потребления, всемирная информационная система и возраста-

ющая динамика перемещения людей – все это преодолевает национальную идентичность. Г. Земф констатировал, что национальные культуры – это элементы прошлого, которые уступают место новой европейской культуре. При этом культурная политика европейских государств, по его мнению, только консервирует национальные рамки культурного процесса, а развитие современного производства и мировая конкуренция ведут, напротив, к формированию новых транснациональных центров мировой экономики и новых культурных общностей, таких как Западная Европа и Северная Америка, Восточная Европа, включая Россию, и Азия. При этом сохранение позиций Запада в будущем будет невозможно без всесторонней модернизации производства. Однако, по словам докладчика, модернизация не сводится к проблемам технологии, а включает в себя и преобразования в области культуры, т.е. изменение субъекта производства, для чего необходимо создание наднациональных образовательных систем и в перспективе формирование мультикультурального общества.

Преодоление национальной ограниченности, с точки зрения Г. Земфа, непосредственно связано с развитием региональной структуры народного хозяйства и межрегиональной кооперации. Содержание этой региональной структуры рассматривалось в докладе через определение понятия "регион", которое характеризуется географическими, экономическими, культурными, этническими рубежами, а также административными и государственными границами. Причем, если в первом случае формирование регионов есть следствие объективного развития взаимодействия общества с окружающей средой, то во втором присутствует и субъективный фактор, определяемый волей государства и облеченный в правовую и административную форму. Именно здесь содержание регионального развития вступает в противоречие с его национально-государственной формой. При этом в своем определении региона Г. Земф предлагает исходить из содержательных, а не формальных административных признаков. Среди первых, по его мнению, важнейшим является место в общественном разделении труда. В концентрированном виде Г. Земф определил регион как "продукт труда и предпринимательства".

Доклад вызвал оживленную дискуссию

по целому ряду поставленных автором принципиальных вопросов. Рассматривая регион как относительно обособленную предпринимательскую структуру, Г. Земпф подчеркнул тем самым буржуазную направленность развиваемой им региональной концепции. Его тезис о роли экономики регионов в образовании мультикультурального общества встретил ряд возражений, которые сводились к двум основным проблемам. Во-первых, как отмечали выступающие, технологический и экономический прогресс, при всей дискусионности определения самого этого понятия, как свидетельствует история, оказывает весьма противоречивое воздействие на развитие культуры, что, в частности, выразилось в наши дни в делении культуры на массовую и элитарную, негативные последствия которого едва ли можно отрицать. Во-вторых, мультикультуральность общества, которую мы можем наблюдать в истории на примерах античного мира или средних веков, представляет собой явление сугубо временного, переходного порядка или имевшее определенные внутренние социальные или сословные границы. А начиная с Нового времени именно таким обществом прежде всего и исключительно в культурном отношении была Европа. Однако каждый раз развитие мультикультуральных сообществ приводило либо к культурной ассимиляции составлявших его частей, либо к их обособлению или синтезу. И именно национальные границы сохранили поликультурность современной Европы в рамках единой европейской культуры, не разделенной на культуру Востока и Запада. Поэтому так и осталось неясным, какое именно новое качество культурного строительства подразумевает идея создания "мультикультурального общества". И, в-третьих, Г. Земпф рассматривает Запад и Восточную Европу как экономических конкурентов. Разумеется, в капиталистическом обществе всеобщей конкуренции это понятие отражает не только преобладающие, господствующие отношения соперничества, но и сотрудничества. Тем не менее представленная в докладе абстрактная модель: Запад – Восточная Европа – Азия как описание будущих центров мирового экономического соперничества, при всей ее полемической заостренности, все же, на наш взгляд, является выражением позиции некоторых направлений экономической и политической мысли Западной Европы и США, которые не могут быть не учтены и

воспринимаются с настороженностью на востоке Европы. Думается, что научная дискуссия по названной проблеме была бы очень полезна, особенно с точки зрения перспектив строительства "единой Европы", как и обсуждение того, как повлияет экономическое соревнование на процессы развития культуры: не станет ли рубеж экономической конкуренции одновременно и границей противоречий в области культуры и какие шаги следует предпринять, чтобы свести к минимуму возможные негативные последствия такого развития?

Затронутый в докладе Г. Земпфа вопрос о роли органов государственного управления в процессе культурной интеграции европейских стран был в центре внимания доклада Г. Пютнера, который сосредоточился на проблеме культуры управления и ее роли в развитии международного регионального сотрудничества. Он, в частности, отметил наличие двух тенденций или традиций управления в странах ЕС: централистскую, которая преобладает во Франции и других романских странах, и федеративную, как, например, в Германии, где централизованная правовая система сочетается с децентрализацией в управлении и коммунальным самоуправлением. Вопрос соединения этих традиций является одним из центральных для ЕС, ибо от его разрешения зависит государственно-политическая система единой Европы. И именно в ходе развития пограничного регионального сотрудничества, т.е. сотрудничества в рамках региона, включающего в себя территории двух или нескольких стран, накапливается неоценимый опыт в этой области. В частности, происходит интеграция функций местного управления на основе решения общих для региона проблем (защита окружающей среды, совместные энергетические и транспортные программы, общие проекты в области культуры, поскольку пограничные территории имеют исключительное значение для культуры народов-соседей), а совместная работа, в свою очередь, создает условия для унификации органов управления. Однако такой процесс взаимодействия органов власти возможен, по мнению Г. Пютнера, только в условиях открытой экономики, т.е. свободного рынка, и формирования у людей, занятых в сфере управления, такого отношения к своим обязанностям, которое определялось бы не только государственной подчиненностью, но и долгом "общест-

венной службы", что невозможно также без эффективного демократического контроля. Наконец, специфическим, но немаловажным аспектом взаимодействия органов местного управления внутри пограничных регионов является, как полагает докладчик, выработка особого "языка управления", т.е. согласование системы правовых и административных понятий, применяемых в соседних странах, без чего функционирование правовой системы управления в регионе может столкнуться с существенными затруднениями.

Как не раз отмечалось в ходе дискуссии, правовые и административные вопросы регионального сотрудничества приобретают особое значение для стран Восточной Европы, имеющих, в отличие от западного континента, гораздо больше различий в системе государственного управления, нежели те две модели, которые были названы Г. Пютнером. Это объясняется переживаемым восточноевропейскими странами переходным периодом после ликвидации социалистического лагеря. Самый разнообразный и нередко противоречивый спектр правовых и административных новаций связан в этих странах не только с реакцией на однообразие старой "коммунистической" системы управления или же с попытками возрождения в этой области традиций национальной государственности, но прежде всего с тем, что новая социальная структура общества еще формируется, поэтому рано говорить о становлении адекватной ей государственно-политической системы. Однако потребности участия стран в развитии регионального сотрудничества уже сейчас настоятельно диктуют необходимость поиска взаимодействия органов государственной власти и местного управления в деле хозяйственной и культурной кооперации, в особенности на уровне регионального сотрудничества, не только со странами Западной Европы, но и между собой.

После обсуждения докладов, посвященных общим проблемам регионального сотрудничества и кооперации, участники симпозиума продолжили дискуссию в рамках "круглых столов", посвященных трем важнейшим аспектам региональной кооперации: истории становления; экономике и социальным вопросам; государственному и местному управлению. Примечательно, что российские участники симпозиума проявили особый интерес к руководимому Г. Пютнером "круглому

столу" по проблемам права и государственного строительства.

В ходе дискуссии отмечалось, что государственное управление выступает одновременно как субъект и объект региональной интеграции на всех трех уровнях: государственном, областном (региональном) и местном, а также во всех трех ветвях власти – законодательной, исполнительной и судебной. Именно такой подход предлагали участники обсуждения из стран Восточной Европы, в отличие от своих западных коллег, которые ограничивали сферу возможного государственного участия в региональной кооперации главным образом местными органами исполнительной власти. Думается, что такое различие не случайно. С одной стороны, в странах Восточной Европы это связано с крайне ограниченными ресурсами как самих пограничных регионов, так и их администраций. Поэтому без государственной поддержки осуществление региональных кооперационных программ представляется весьма проблематичным. А с другой стороны, более сильная и конкурентноспособная экономика западных стран может получить в пограничных районах стран Восточной Европы чрезмерные преимущества, если кооперация не будет опираться на государственный патронаж не только со стороны исполнительной власти, но и в законодательной, и в судебной сферах.

Естественно, что проблемы региональной кооперации в России и СНГ при обсуждении оказались в центре внимания. Это связано как с многочисленностью пограничных регионов России и существенными различиями между ними, так и с тенденцией "суверенизации регионов", свидетелями которой мы являемся в последнее время. Действительно, в России почти все субъекты федерации от Калининграда до Приморья имеют особенности конституционного статуса и правового положения, которые не укладываются в привычные рамки федерализма, ибо такие регионы, как, например, Татарстан или Якутия (перечень этот может быть продолжен), по существу не включены в единую систему государственного управления, а содержание и юридическая форма договоров о разграничении полномочий регионов и центра, региональных конституционных актов (уставов и т.п.) и местного законодательства недвусмысленно ставят вопрос об их соответствии конституционному строю Российской Федерации. Все это усугубляется экономическими и наци-

онально-политическими различиями между ними. Поэтому проблема межрегионального сотрудничества в России приобретает особое звучание, ибо, помимо всех прочих задач, служит укреплению государственного единства страны. В связи с этим нельзя не отметить значения для России региональной кооперации со странами СНГ, так как в ее рамках во многом более эффективно, чем на межгосударственном уровне, удается поддерживать жизненно важные хозяйственные связи, большой ущерб которым был нанесен распадом СССР. Какие же конкретные формы межрегиональной кооперации существуют сегодня "на постсоветском пространстве" и какова роль государственного управления в их развитии? Простейшей формой является межрегиональная и приграничная торговля, которая полностью находится под административным и фискальным контролем местных властей. Затем это преимущественно экономические связи в рамках договоров между администрациями приграничных областей. Такие договоры регулируют достаточно широкий перечень экономических и социальных вопросов и имеют особое значение во взаимоотношениях со странами СНГ, прежде всего с Украиной, Белоруссией и в определенной мере с Казахстаном. Нередко они предусматривают совместные экономические и социальные проекты. Ключевую роль в реализации таких договоров играют администрации субъектов федерации. И наконец, важной формой межрегионального сотрудничества является кооперация, направленная на решение проблем национальных меньшинств. В этой области, несмотря на формально межрегиональный характер кооперации, участвуют органы государственной власти практически всех уровней. Следует отметить, что вопросы культуры в этом сотрудничестве не занимают видного места, а, как правило, сознательно отодвигаются на второй план. В этой области присутствуют две тенденции, связанные с национальным фактором. С одной стороны — стремление к объединению имеющихся минимальных ресурсов для поддержки образования, науки и культуры, а с другой — попытки воспрепятствовать взаимодействию культур, мотивированные необходимостью приоритетного развития национальной культуры.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в ходе дискуссии было отмечено усиление инициативной роли при реализа-

ции проектов межрегиональной кооперации органов государственной власти и управления в странах Восточной Европы и в особенности в России, в отличие от Европейского Союза, где инициатива межрегионального сотрудничества принадлежит все же в первую очередь общественным организациям и хозяйствующим субъектам.

Наряду с обсуждением общих вопросов региональной кооперации большое внимание на симпозиуме было уделено конкретному опыту и проектам кооперации в отдельных регионах, таких как: Западное Поморье — У. Шуберт-Заречны (Зелена Гура); Ныса — В. Бойкало (Вроцлав); Великобритания-Ирландия — Э. Барт (Эдинбург); Саар-Лотарингия-Люксембург и Эмс-Доллар — П. Шмитт-Эгнер (Саарбрюккен); Верхний Рейн — В. Штемп (Штутгарт); Балтийское море — Х.П. Малковски (Киль). Причем из семи рассмотренных регионов три принадлежат к Восточной Европе, а если учесть, что один из главных докладов, посвященный историческим аспектам становления региональной структуры в Европе, был сделан венгерскими учеными С. Поциком и Г. Гармати на примере исторического развития Центральной Европы, то можно смело утверждать, что на симпозиуме восточноевропейская проблематика занимала ведущее место как с точки зрения рассматриваемых проблем, так и по составу участников.

Обращаясь к истории Центральной Европы до 1918 г., С. Поцик отмечал, что федеративная модель монархии Габсбургов, сформировавшаяся еще в XVIII в., стала фундаментом региональной структуры на континенте. Революция 1848 г., поставившая со всей остротой национальный вопрос, по мнению докладчика, была ориентирована преимущественно на его разрешение путем создания федеративных объединений. В качестве примера приводились идеи Л. Кошута о Венгрии как о государстве равноправных венгерских граждан, объединяющем не только мадьяров по национальности. Упоминаясь в этой связи также планы Л. Кошута по созданию федерации на Балканах. Идеи "Весны народов" прошли через всю историю стран Центральной Европы. Разумеется, докладчики указали и на иные, националистические тенденции, отмечали, что развитие федералистских концепций в теории и попытки их реализации на практике диктовались не только внутренними потребностями

хозяйственного и культурного развития, но в первую очередь сложной полиэтнической структурой региона в целом и отдельных входящих в него государств, а главное, необходимостью противодействия экспансии великих держав. Таким образом, как отмечалось в ходе дискуссии, едва ли правомерно усматривать в развитии современных интеграционных процессов прямую преемственность в отношении федералистских идей XIX и первой половины XX в. в Центральной Европе, однако нельзя и не учитывать этого достаточно существенного фактора. Выступавшие подчеркивали, что именно на пути совершенствования федерализма в Центральной Европе можно добиться разрешения национального вопроса, стимулирования экономического развития, укрепления национальной и региональной безопасности.

Видное место в рассмотрении конкретных проблем региональной интеграции принадлежало на симпозиуме ученым Польши, чей опыт и программы развития регионального сотрудничества получили в их докладах довольно обстоятельное освещение. Начало было положено в докладе А. Мынца (Варшава), которая сосредоточила внимание на анализе факторов развития польско-германского сотрудничества в пограничных регионах. Характеризуя состояние экономики соседних с Германией пограничных воеводств Польши, она отметила доминирующую роль в них сельскохозяйственного производства, существенно более низкий уровень производительности труда, чем в других районах страны. Было подчеркнуто, что именно в примыкающих к Германии областях экономическая ситуация хуже, чем по стране в целом. Вероятно, такое положение может иметь два объяснения. Во-первых, это связано с общей для всех бывших социалистических стран отсталостью пограничных районов вследствие централизованного распределения ресурсов и особого пограничного режима, препятствовавших хозяйственному развитию этих территорий, а, во-вторых, такая отсталость, возможно, стала также следствием воздействия мирового рынка, ибо в той или иной форме с депрессией столкнулись все без исключения страны Восточной Европы, и именно в пограничных районах, где влияние Запада было особенно сильным, кризис протекал наиболее остро и поразил в первую очередь промышленность, затронув в меньшей степени другие сферы

народного хозяйства. А упадок промышленного производства, естественно, негативно сказался на уровне производительности труда. Эти обстоятельства нашли отражение в дискуссии в связи с тезисом докладчицы об особом значении для польского пограничья грузового транзита по линии восток-запад. Участники обсуждения отмечали деформированность структуры такого транзита, да и всей торговли западных стран с Восточной Европой, промышленная продукция которой не допускается на западные рынки. Надежды на прогресс пограничных западных воеводств Польши А. Мынец связывает с развитием программ регионального экономического сотрудничества, которое, по ее словам, имеет для реформируемых стран первостепенное значение. Условиями же для него должны стать либерализация экономики, приватизация, конвертируемость польского злотаго. По сути дела представленная в докладе концепция вполне соответствует экономическим взглядам "неолиберализма" и представляет собой развитие экономической программы Л. Бальцеровича.

Несколько иной подход был представлен в докладе В. Бокайло "Еврорегион Ныса". Рассматривая структуру современной Европы как систему регионов, которые, в свою очередь, объединяют национальные государства, проф. Бокайло подчеркнул, что именно национальное государство является основополагающим элементом этой структуры. Не выступая прямо против характерной для неолибералов концепции разгосударствления экономики, он тем не менее сместил акценты в направлении признания необходимости регулирующего воздействия государства на народное хозяйство.

Регион Ныса как субъект интеграции возник в 1993 г. и был первым в Восточной Европе признан ЕС как еврорегион. Он объединяет пограничные области Польши, Чехии и Германии и занимает центральное положение среди проектируемых восьми регионов, протянувшихся с севера на юг вдоль германо-польской и германо-чешской границ. Поставив в своем докладе вопрос о "естественных" и "искусственных" регионах, В. Бокайло косвенным образом вступил в дискуссию с Г. Земпфом, указав на особую роль государства, а не предпринимательства в реализации программ региональной интеграции. При этом он подчеркнул различие в подходе к этой проблеме центральных органов власти в

Польше, чье правительство стремится выступить посредником между регионами и Европейской комиссией, и ФРГ, где планирование развития региональной интеграции предполагается осуществлять только на местном уровне. Большой интерес вызвала представленная докладчиком структурная модель управления еврорегионом Ныса. Она состоит из Регионального собрания трех стран — участниц, работу которого координирует президиум. Затем в каждой из стран региона имеется свой Региональный конгресс, которому подчинен секретариат. Он, в свою очередь, непосредственно связан с Евробюро в Циттау. Таким образом, описанная в докладе структура управления региональным сотрудничеством отражает преобладание не столько регионального, сколько национального принципа руководства сотрудничеством. В распоряжении каждого из трех Региональных конгрессов имеется фонд для финансирования общих региональных программ в соответствующей национальной части региона. И только для фонда, формируемого в Германии, предусмотрено весьма красноречивое отступление от национального принципа в пользу регионального. Средства этого фонда планируются вкладывать не только в немецкой, но в польской и чешской частях региона. В докладе В. Бокайло, хотя и достаточно глухо, но прозвучала мысль о том, что региональная кооперация не только встречает одобрение, но и вызывает сопротивление как на межнациональном, так и на внутринациональном уровнях. Об этом, в частности, говорила У. Шуберт-Заречны, рассматривая перспективы польско-германского сотрудничества на примере региона Западное Поморье. Она подчеркнула, что развитие такого сотрудничества стало особенно актуальным в начале 90-х годов после воссоединения Германии и в контексте русско-германских хозяйственных связей. На это была направлена программа Л. Бальцеровича, предусматривавшая переориентацию хозяйственных и политических связей Польши на запад, либерализацию хозяйственной жизни и разгосударствление экономики. По словам докладчицы, план Л. Бальцеровича предполагал также экономическую регионализацию Польши по образцу Западной Европы. Однако эта программа натолкнулась на различие интересов польских регионов и подходов политических партий к определению целей реформ и путей

экономического развития страны. Поэтому пришедшие сейчас к власти в Польше "новые левые", как подчеркивалось в докладе, "повернули к Востоку". Разумеется, мы не можем в полной мере признать обоснованность подобной оценки эволюции политической линии польского правительства. Однако высказанная точка зрения представляется весьма показательной, ибо отражает критику справа современного экономического курса в Польше и признает наличие политической борьбы по вопросам определения приоритетов в ориентации экономических связей, и, наконец, наличие межрегиональной конкуренции в стране, а также, как это отмечалось в ходе дискуссии, в Восточной Европе в целом. Отмечалась, в частности, довольно острая конкуренция между Венгрией, Польшей, Чехией, в сферу которой оказались вовлечены земли на востоке Германии.

Завершая обзор работы симпозиума, хотелось бы остановиться на докладе Х.П. Малковски, посвященном кооперации в регионе Балтийское море. Данная тема вызвала большой интерес, во-первых, потому, то в отличие от других регионов, и в экономическом, и в политическом отношении Балтика имеет для Европы стратегическое значение, во-вторых, пожалуй, именно в этом регионе взаимоотношения Запада и Востока развиваются особенно интенсивно и противоречиво, и, в-третьих, этот регион как по своей площади и населению, так и по экономическому потенциалу вполне сопоставим не только с крупными странами, но и с ЕЭС десятилетней давности. Х.П. Малковски подчеркнул, что "Балтийское море является внутренним морем Европейского Союза". Определяя возможные границы сферы региональной кооперации, он включил в нее не только Балтику, но и территории стран, примыкающих к Баренцеву и Северному морям. Подчеркивая роль Германии в развитии регионального сотрудничества и кооперации на Балтике, докладчик указал, что ФРГ является их мотором и представляет собой экономический, научный, культурный и транспортный центр региона.

В ходе обсуждения доклада был поставлен ряд важных вопросов, которые, как представляется, отразили дискуссионность затронутых проблем. Как скажется острая конкуренция среди прибалтийских стран на развитии региональной кооперации? Не будет ли вопрос об участии в программах регионального сотрудничества

использован для экономического, а возможно, и политического давления на участников или третьи страны? Не приведет ли осуществление кооперационных проектов к изоляции Норвегии, отказавшейся от вступления в ЕС? Как может сказаться на развитии экономики балтийских стран переориентация хозяйственных связей с направления восток–запад на направление север–юг и каковы в этой связи перспективы традиционных связей России с прибалтийскими странами?

Однако наибольшее значение, по нашему мнению, имел вопрос, не приведет ли образование такого крупного регионального объединения, включающего в настоящее время более 50 млн человек, в будущем к усилению центробежных тенденций в ЕС, учитывая наличие уже сегодня особых отношений между Германией и Францией, а также проектируемое региональное сотрудничество в области Средиземного моря?

К сожалению, объем журнальной публикации не позволил осветить рассмотренный в докладах опыт региональной кооперации и интеграции в Западной Европе. Однако в целом эти доклады отразили как положительный опыт сотрудничества, так и проблемы и препятствия на пути его развития. Оценивая итоги симпозиума, можно со всей определенностью присоединиться к мнению проф. Р. Хрбека, подчеркнувшего, что проблемы общественного сознания и культуры, обусловленные национальными традициями, играют принципиально важную роль в развитии европейского сотрудничества, оказывают существенное влияние на выработку руководителями экономики и политики направлений и выбор темпов европейской интеграции, в том числе и региональной. Поэтому исследование этого процесса является перспективной и актуальной научной задачей.

© 1997 г. Носов Б.В.

Славяноведение, № 3

Первые Дьяковские чтения

17 декабря 1996 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН состоялись Первые чтения, посвященные памяти выдающегося российского историка Владимира Анатольевича Дьякова (1919-1995).

Открыл Чтения зав. группой славянской энциклопедии, канд. ист. наук М.А. Робинсон. Он, в частности, сказал, что Дьяковские чтения продолжают традиции Историографических чтений, которые организовал и проводил В.А. Дьяков с 1978 по 1993 г. (всего состоялось 57 заседаний). Их учредители ставят своей задачей и далее популяризировать в докладах, выступлениях и обсуждениях исследования в области истории науки, разрабатывающей проблемы развития отечественного и зарубежного славяноведения с конца XVIII в. до современности, а также в сфере изучения истории общественной мысли славянских народов того же периода, т.е. тех отраслей знания, которые долгие годы служили главными направлениями монументальных исследований покойного ученого. Проводить Чтения предполагается регулярно,

по мере поступления заявок на доклады.

Зав. центром украинистики, канд. ист. наук Л.Е. Горизонтов коротко, но емко представил портрет В.А. Дьякова как разностороннего исследователя истории славян, выдающегося полониста, исследователя славянской идеологии, методологии истории, архивиста, историографа и т.д. Докладчик подчеркнул самодостаточность и органичность ученого в науке и в жизни. Этому ученому, как и многим другим, иногда приходилось корректировать свои научные взгляды, но это вызывалось не конъюнктурными соображениями, а всегда подкреплялось огромной работой исследователя, стоявшего на высоте научных задач своего времени. Л.Е. Горизонтов рассказал далее о работах, подготовленных в ИСБ в память В.А. Дьякова. Это прежде всего брошюра "Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995)", представляющая творческий портрет ученого (Л.Е. Горизонтов) и полную библиографию его трудов (А.Н. Горяинов). Аналогичная

работа подготовлена и в переводе на польский язык. Она будет издана в Польше. В печати находится последний сборник статей ученого, посвященный проблемам славянской идеологии. Памяти В.А. Дьякова посвящены два сборника работ Центра по изучению истории славяноведения – "Из истории славяноведения. Вып. 1" и "Славянский вопрос: веки истории", сданные в печать. Как дань памяти ученому Л.Е. Горизонтов считает необходимым продолжить работу по приведению в порядок его огромного научного архива, содержащего примерно 500 тематических папок, а также заблаговременную подготовку специального труда, посвященного грядущему 80-летию со дня рождения В.А. Дьякова.

Присутствующие почтили память скончавшегося 10 декабря 1996 г. одного из ветеранов Института, д-ра ист. наук Г.Э. Санчука, с теплым словом о котором выступил канд. ист. наук Ю.Ф. Иванов.

С основным докладом на Чтениях выступила канд. ист. наук М.Ю. Досталь. Его темой была "Борьба за создание Института славяноведения АН СССР в свете новых архивных документов". Автор подчеркнула, что эта тематика разрабатывалась ею в русле того направления изучения проблемы становления слависти-

ки в СССР, основоположником которого в свое время выступил В.А. Дьяков. Докладчица рассказала о главных перипетиях борьбы, тех проектах и предложениях по организации в Москве комплексного центра славяноведения, которые вносились в руководящие органы со стороны лидеров тогдашнего славяноведения – академика Н.С. Державина, с одной стороны, и академиков Б.Д. Грекова и В.И. Пичеты – с другой. В конце концов был признан приоритет последних, эти ученые и возглавили созданный в 1947 г. Институт славяноведения АН СССР (полностью документы опубликованы автором в журнале "Славяноведение" за 1996 г. № 6).

Выступавшие в прениях Ю.Ф. Иванов, М.А. Робинсон и д-р филол. наук Г.К. Венедиктов, положительно оценившие содержание доклада, внесли ряд ценных предложений по продолжению исследования данной проблематики. В частности, Г.К. Венедиктов предложил обратиться к старейшему сотруднику Института, д-ру филол. наук С.Б. Бернштейну, обширная память и богатый личный архив которого содержат много интереснейших свидетельств эпохи.

На Чтениях присутствовала вдова ученого Б.Б. Дьякова.

© 1997 г. *Досталь М.Ю.*

Славяноведение, № 3

К 75-летию В.И. ФРЕЙДЗОНА

29 апреля 1997 г. исполнилось 75 лет Владимиру Израилевичу Фрейдзону – известному отечественному историку, ведущему научному сотруднику Института славяноведения и балканистики РАН.

В.И. Фрейдзон родился в 1922 г. в небольшом городке Освей Великолукской (ныне Витебской) области, находящемся ныне на территории Белоруссии. Вскоре его семья переехала в Москву.

Жизненный путь В.И. Фрейдзона во многом похож на жизненный путь людей его поколения. Сначала – обычная школа, выбор профессии, поступление в 1939 г. на исторический факультет МГУ. Затем –

война. Поскольку правительство считало необходимым сохранить научные кадры даже в таких тяжелых условиях, университет был эвакуирован сначала в Ашхабад, затем в Свердловск, а студенты получили отсрочку от призыва.

Но в 1942 г. В.И. Фрейдзон был призван в армию и, вместе со своими товарищами окончив в артиллерийском училище за восемь месяцев курс обучения, рассчитанный на два года, оказался на фронте. В феврале 1944 г. последовало тяжелое ранение, лечение в госпитале и возвращение в июле того же года на 1-й Прибалтийский фронт. В.И. Фрейдзон награжден орденами Крас-

ной Звезды и Отечественной войны II степени. Поскольку В.И. Фрейдзон участвовал в боях на территории Литвы, он получил звание Почетного гражданина Акмянского района Литвы.

Демобилизовавшись, В.И. Фрейдзон вернулся на исторический факультет. Выбрав кафедру истории южных и западных славян, он учился у таких известных советских славистов старшего поколения как В.И. Пичета, З.Р. Неядлы. Его научным руководителем была С.А. Никитина. Окончив в 1948 г. университет, В.И. Фрейдзон поступает в аспирантуру, по окончании которой в 1952 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию "Положение крестьян в Хорватии в конце XIX – начале XX в. и Хорватская крестьянская партия А. и Ст. Радичей 1905–1914 гг."

В 1956 г. судьба привела его в Институт славяноведения, где началась работа над "историей Югославии". В этом двухтомнике, вышедшем в 1963 г., который по многим параметрам не утратил своего значения и поныне, В.И. Фрейдзону принадлежат главы, посвященные истории Хорватии и Словении в конце XIX – начале XX в. Научная деятельность В.И. Фрейдзона в последующие годы посвящена в основном истории Хорватии третьей четверти прошлого века. Ее итогом стала вышедшая в 1970 г. монография "Борьба хорватского народа за национальную свободу", ставшая образцом для отечественных кроатистов и два года спустя защищенная автором в качестве докторской диссертации.

В дальнейшем В.И. Фрейдзон перешел от конкретно-исторических к теоретическим исследованиям, от изучения проблем истории одного народа к осмыслению исторического опыта и закономерностей развития всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Помимо отдельных статей, опубликованных как в сборниках Института славяноведения и балканистики, так и в различных журналах, этот переход выразился в издании двухтомника "Освободительные движения народов Австрийской империи" (1980, 1982). Эта книга, ответственным редактором которой был В.И. Фрейдзон, и по сей день остается единственным не только в отечественной, но и мировой историографии комплексным и сравнительно-историческим исследованием национальных проблем этого государства-региона.

Опираясь на накопленный опыт, В.И. Фрейдзон в дальнейшем занялся

теоретическими аспектами формирования наций региона Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XVIII – начале XX в. Но он не утратил интереса и вкуса к собственно историческому исследованию. Об этом свидетельствуют написанные им в конце 80-х – начале 90-х годов монографии "Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX в." (1993), "Далмация в хорватском национальном возрождении в XIX в.", "Социальные аспекты формирования наций в Центральной Европе". (Две из этих книг еще ждут своего издателя.) В них, как и в ряде статей, посвященных истории развития югославизма и его соотношения с узким этническим хорватским и сербским национализмом, ученый стремится переосмыслить исторический опыт южных славян, освободившихся после первой мировой войны от инонационального гнета и создавших совместное государство, которое дважды в нашем столетии распалось трагическим и кровавым образом.

В.И. Фрейдзон не ограничивается деятельностью в рамках Института. Его перу принадлежат соответствующие разделы и статьи в "Большой советской" и "Исторической" энциклопедиях, во "Всемирной истории", в различных учебниках для высшей школы. Его статьи с удовольствием печатали и печатают самые солидные отечественные и зарубежные журналы – "Вопросы истории", "Новая и новейшая история", "Славяноведение", "Часопис за сүвремену повиест", "Исторически зборник". Его труды известны во многих европейских странах, со многими видными учеными его связывает многолетняя дружба.

Отличительными чертами исследовательского стиля В.И. Фрейдзона являются основательность, стремление собрать максимально возможное количество источников, их доскональная обработка и тщательный анализ, всестороннее знание историографии. Эти качества снискали ему глубокое уважение коллег. Эти качества он старается привить и своим аспирантам, и всем, кто с ним работает. Как ученый и профессионал высочайшего класса, он исключительно строг и требователен и к себе, и к другим. Как человек, он исключительно добр, являя собой образец порядочности, неподкупности, принципиальности и душевной щедрости.

К 70-летию Т.М. ИСЛАМОВА

1 мая 1997 г. исполняется семьдесят лет Тофику Муслим-оглы (Муслимовичу) Исламову, известному российскому историку, доктору исторических наук, заведующему Центром по истории Австрии и Венгрии Института славяноведения и балканистики РАН.

Тофик Муслим-оглы родился в 1927 г. в Баку. Сначала он поступил на исторический факультет Азербайджанского университета. В числе отличившихся студентов был послан в ЛГУ, а затем перевелся в МГУ.

У Т.М. Исламова были замечательные учителя. В Ленинградском университете это были Н.П. Полетика, Е.В. Тарле, О.Л. Вайнштейн. На истфаке МГУ он слушал лекции и участвовал в семинарах А.С. Иерусалимского, Б.Ф. Поршнева, Н.Е. Застенкера, того же Е.В. Тарле. Позднее, уже во время работы в Институте истории АН СССР, ему довелось сотрудничать и дружить с замечательными знатоками истории Австрии В.М. Туроком-Поповым и Польши И.С. Миллером.

Научная судьба Т.М. Исламова сложилась удачно. Поступив в аспирантуру Института истории АН СССР к Е.Н. Рубинштейн, он стал заниматься историей Венгрии. Обе его диссертации – кандидатская и докторская – вышли отдельными монографиями: "Политическая борьба в Венгрии в начале XX века" (1959) и "Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны" (1972). Трудно переоценить его вклад в написание таких коллективных трудов, как "История Венгрии" (в 3-х томах), "Освободительные движения народов Австрийской империи (в 2-х томах)", "Краткая история Венгрии", "Краткая история Румынии" и др.

Дарование Т.М. Исламова как ученого проявилось в самостоятельном, оригинальном и по тем временам (50–70-е годы) смелом подходе к сложнейшим проблемам истории Австро-Венгрии как многонационального государства. Он сумел показать противоречивость исторического процесса, проявившуюся в политических, социальных, экономических, этнических и иных сферах. Исследователю удалось исподволь преодолеть жесткую идеоло-

гическую формулу тех лет, предписывавшую рассматривать монархию Габсбургов только как "тюрьму народов" и замалчивать (если речь шла не о Российской империи или СССР) достоинства и выгоды сосуществования десятка народов в одном государстве в течение нескольких столетий.

Естественно обращение в дальнейшем Т.М. Исламова к двум концептуально важным, сложным, дискуссионным и тесно связанным между собой проблемам – проблеме Средней Европы как исторического региона и проблеме вариантности исторического развития. В регионе Средней Европы с течением времени создалась историческая полиэтничная и многонациональная общность. В регионализме и федерализме ученый видит сегодня историческую возможность избежать кровавых конфликтов, что явилось бы альтернативой нынешнему развитию межнациональных и межгосударственных отношений в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе.

Это касается и распада монархии Габсбургов, и судеб государств – ее наследников: Югославии, Чехословакии, впоследствии также распавшихся на несколько независимых национальных государств. По его мнению, особую роль в судьбе Австро-Венгрии сыграло то, что она не смогла разрешить три национальные проблемы – венгерскую, чешскую и югославянскую.

Для исследовательского стиля Т.М. Исламова характерны концептуальность, глубокое и всестороннее изучение источников, научно корректные интереснейшие временные и пространственные сопоставления. Его литературный стиль отличают яркость, метафоричность и изящество в сочетании с безукоризненной логикой исследования.

В последнее время Т.М. Исламов большое внимание уделяет истории восстания 1956 г. в Венгрии и его подавления. Готовится наиболее полная публикация документов "Советский Союз и восстание 1956 г. в Венгрии".

Т.М. Исламову удалось не только создать и сохранить Центр по изучению

истории Австрии и Венгрии как организационную единицу, но и гармонично объединить в нем интересы имеющих свои устремления ученых – специалистов по разным странам и историческим периодам. Центр стал средоточием особой творческой атмосферы свободного научного исследования, профессионального отношения к делу и благожелательности по отношению друг к другу.

Тофик Муслимович никогда не отказывает в поддержке талантливому человеку, всячески подчеркивая достижения других – качество, редкое во все времена. Не произнося "воспитательных" речей, не подавляя своим авторитетом и не призывая на помощь "доводы" формальной дисциплины, он просто увлеченно работает сам. Он не принуждает, но побуждает других работать с такими же самоотдачей и требовательностью к себе.

Комиссия историков России и Венгрии – особая забота и гордость юбиляра, являющегося многолетним вдохновителем ее деятельности. Он не ограничивается собственно историей – Т.М. Исламова можно назвать координатором связей в области гуманитарной науки СССР (России) и Венгрии. За тридцать лет работы

комиссии на совместное обсуждение ученых двух стран было вынесено множество проблем – от раннего средневековья до событий последних лет. Эта сторона деятельности Т.М. Исламова была по достоинству оценена: он был награжден одним из высших орденов Венгрии – Орденом Знамени.

Т.М. Исламов получил широкое признание в научном мире Европы и Америки. Это выражается не только в том, что его приглашают сотрудничать крупнейшие исследовательские центры Австрии, Венгрии и США, не только в том, что во многих странах охотно печатают его статьи. Коллеги его уважают и ценят как разносторонне эрудированного и остроумного собеседника, общительного человека, всегда открытого к диалогу и уважающего точку зрения другого.

Говорят, что только человек, стремящийся к истине, достоин имени ученого. Т.М. Исламов всегда неутомим в поисках научной истины, полагая, что предназначение ученого – говорить всегда и всем только правду.

© 1997 г.   *Фрейдзон В.И.,
Романенко С.А.*

Александр Яковлевич Манусевич

(1913–1997)

17 января 1997 г. скончался видный ученый, внесший заметный вклад в отечественную историческую науку, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН Александр Яковлевич Манусевич.

А.Я. Манусевич прожил долгую, яркую жизнь, встречался с выдающимися людьми, был свидетелем и участником многих событий.

Из 60-ти лет, отданных А.Я. Манусевичем науке, 45 он проработал в нашем Институте. Общее число написанных им научных работ превышает 650.

А.Я. Манусевич закончил Ленинградский университет в начале 30-х годов и делал первые шаги в науке под руководством выдающегося историка Е.В. Тарле. Поэтому не случайным был интерес молодого Александра Яковлевича к Французской буржуазной революции и новой и новейшей истории Франции. Результатом стал выход в свет в 1947 г. книги "Борьба за демократию во Франции". В то же время у А.Я. Манусевича рос интерес к истории Польши, что и определило его работу в Институте славяноведения и балканистики. А.Я. Манусевич подготовил ряд статей и книг (среди них можно упомянуть "Польский народ в борьбе за свободную независимую Польшу" (1945), "Очерки по истории Польши" (1952)), а затем вошел в состав авторского коллектива и стал одним из редакторов трех томов "Истории Польши", также был автором и редактором вышедшей в 1964 г. фундаментальной коллективной монографии "Очерки истории Народной Польши". Одной из последних обобщающих полонистических работ А.Я. Манусевича являются главы в вышедшей в 1993 г. "Краткой истории Польши с древнейших времен до наших дней", посвященные первой мировой войне и межвоенному периоду.

Параллельно А.Я. Манусевич занимался вопросами истории Октябрьской революции и вклада в нее поляков. При его активном участии возникла плеяда ученых, создававших творческую атмосферу новых подходов к изучению документального, источникового наследия, преодоления рогаток моноидеологической цензуры.

Александр Яковлевичу были присущи глубокая, рафинированная интеллигентность, талант общения и конечно редакторские способности. Эти черты его личности полностью проявились во время его работы в исторической редакции БСЭ в 40–60-е годы. Специфическая деятельность требовала не только глубоких разносторонних знаний, но и решительности, стремления брать ответственность на себя.

К Александру Яковлевичу тянулись люди, у него были широчайшие контакты в научном мире. Начав педагогическую работу еще в довольно молодом возрасте (накануне войны он был доцентом Петрозаводского университета) А.Я. Манусевич подготовил множество

ученых – кандидатов и докторов наук. География научно-педагогического влияния А.Я. Манусевича весьма обширна – его воспитанники, став маститыми учеными, трудятся во многих научных учреждениях и вузах России, ближнего и дальнего зарубежья, а книги публиковались в ряде стран Европы, в Аргентине, Японии и на Кубе.

А.Я. Манусевич много сил отдавал просветительской популяризаторской работе. Он долгие годы возглавлял институтскую организацию Общества "Знание". Александр Яковлевич будучи талантливым оратором выступал с докладами на острые темы в критические для страны дни.

От нас ушел незаурядный интересный человек. И мы уже не узнаем от него много интересного и поучительного.

Грустно...

© 1997 г. В.В.М.

**Новые издания Института славяноведения
и балканистики РАН**

В 1994–1996 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.

Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.

Польско-советская война. 1919–1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.

Михутина И.В. Польско-советская война. 1919–1920. М., 1994.

Улуныян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878. М., 1994.

Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.

**Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – нач. XX в. М., 1994.

**Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.

Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.

Славянские съезды XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1994.

НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.

Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.

Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

**Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая половина XVI в.). М., 1994.

*История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.

Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.

*Специфика литературных отношений. М., 1994.

*Общечарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.

Миф и культура. Человек – не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

**Кишкин Л.С.* Литература среди искусства и наук. М., 1994.

*Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.

Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.

*Движение Соппротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.

*Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.

*Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.

*Исследования по славянской диалектологии-3. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.

*Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.

Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

*Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.

Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

*Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.

*Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.

*Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.

**Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.

*Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.

Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

*Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.

Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.

У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.

*Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.

*Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.

Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.

*"Путь романтичный совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.

*Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.

*Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.

*Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.

Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Р.М. ЦЕЙТЛИН. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы / Отв. ред. Л.Н. Смирнов. М., 1996. 232 С.

В монографии рассматриваются проблемы и методы сравнительного исследования лексических систем близкородственных языков; анализируются рукописи русского, болгарского и чешского языков X/XI–XIV/XV вв.; исследуются лексико-семантические группы слов с общей морфемой (корневой или аффиксальной) как лексические микросистемы данного языка данной эпохи. В книге выделены типы морфемных микросистем, описана их структура, сходства и различия по языкам, показаны взаимосвязи микросистем как блоков лексической системы языка в целом. Исследование позволяет внести уточнения в классификацию славянских языков, определить или уточнить значения многих неясных слов в древних текстах.

CONTENTS

DISKUSSIONS

Problems of Regional Identity in the Central European Countries	3

ARTICLES

<i>Novopashin Yu.S.</i> (Moscow). The Academic Scholarship under Crossfire (notes on Social Scientists)	28
<i>Sykalin A.S.</i> (Moscow). The Policies of USSR in the Formation of the Public Opinion in the Central European Countries and the Intellectuals' Mood (Second Half of 1940-ies)	50
<i>Gorodnyansky A.V.</i> (Moscow). The Historical Retrospective of the Serbian-Croatian Conflict	63
<i>Engelgardt G.N.</i> (Moscow). Serbian Republic According to the Dayton's Agreements	76
<i>Nikolsky S.V.</i> (Moscow). The Parabol on the New Adams. From the History of Anti-Uthopia in XX century (Chapeki, A. Tolstoy, M. Bulgakov)	85
<i>Smolenchuk A.F.</i> (Grodno). The Historical Thinking and the Ideology of the Poles in Byelorussia and Lithuania in the Beginning of XX century	100

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Serapionova E.P.</i> Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa	106
<i>Shkundin G.D.</i> Versaille and New Eastern Europe	108
<i>Labyncev Yu.A., Shavinskaya L.</i> The Journal "Orthodoxia" in Poland	109

SCIENTIFIC LIFE

<i>Nosov B.V.</i> The Central and Eastern European Countries and the Development of the European Regional Cooperation	112
<i>Dostal M.Yu.</i> The First Conference in Memoriam Vladimir Dyakov	119
<i>Romanenko S.A.</i> 75-th Anniversary of V.I. Freidson	120
<i>Freidson V.I., Romanenko S.A.</i> 70-th Anniversary of T.M. Islamov	122

* * *

A.Y. Manusevich (1913-1997). In memoriam	124
New Publications of the Institute for Slavic and Balkanic Research	126

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.02.97	Подписано к печати 11.03.97.	Формат бумаги 70 x 100 1/16		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,6	Усл.кр.-отт. 7,5 тыс.	Уч.-изд.л. 12,6	Бум.л. 4,0
Тираж 697 экз. Зак. 1339				

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Российская академия наук • Издательство “Наука”

Заявка, подписанная руководителем и заверенная печатью организации, направляется письмом в Издательство “Наука” по адресу 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90.
Для ускорения обработки Вашего заказа высылайте копию заявки по факсу (095) 420 2220, либо по электронной почте catalog@apr.msk.su

Заявка

на специальную адресную подписку
на журналы Издательства “НАУКА”
с доставкой по почте через Агентство подписки и розницы (АПР)
во 2-ом полугодии 1997 года

Химические науки • Биологические науки • Журналы РАН общего содержания

Наименование организации (сокращенно и полностью) _____

Местонахождение: почтовый индекс _____ Область (край, респ.) _____
город _____ ул. _____ дом _____ корп. _____
код+тел. _____ факс _____ e-mail _____

Полный почтовый адрес организации для писем и бандеролей (если отличается от адреса местонахождения) _____

просит оформить специальную адресную подписку на отмеченные ниже журналы, необходимые для научно-исследовательской (учебной, производственной) деятельности на территории России:

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	Кол-во подписных экземпляров (впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы)						Всего заказано подписных комплектов на 1 ^{ое} полугодие (4+5+6+7+8+9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
70008	Агрохимия	6								14800	
70112	Биологические мембраны	3								15000	
71151	Биология моря	3								14000	
71150	Биоорганическая химия	6								15100	
70054	Биохимия	6								14600	
70056	Ботанический журнал	6								19400	
70147	Вопросы ихтиологии	3								18900	
70178	Высокомолекулярные соединения	6								19800	
70211	Генетика	6								15900	
70219	Геохимия	6								14600	
70244	Доклады РАН	18								51000	
70284	Журнал аналитической химии	6								15900	
70286	Журнал высшей нервной деятельности им. И. Павлова	3								16600	
70293	Журнал общей биологии	3								16300	
70294	Журнал общей химии	6								24600	

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	Кол-во подписных экземпляров (впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы)						Всего заказано подписных комплектов на I ^{кв} полугодие (4+ 5 + 6 + 7 + 8 + 9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
70301	Журнал органической химии	6								24600	
70296	Журнал прикладной химии	6								24600	
70299	Журнал физической химии	6								20300	
70302	Журнал эволюционной биохимии и физиологии	3								17800	
70333	Зоологический журнал	6								15000	
70350	Известия РАН. Серия биологическая	3								17500	
70405	Известия РАН. Теория и системы управления	3								17500	
70430	Кинетика и катализ	3								19100	
70438	Коллоидный журнал	3								16400	
71057	Координационная химия	6								15100	
70495	Лесоведение	3								15000	
70561	Микология и фитопатология	3								16500	
70540	Микробиология	3								18100	
70562	Молекулярная биология	3								17900	
88744	Нейрохимия	2								13100	
70359	Неорганические материалы	6								17400	
70617	Нефтехимия	3								15800	
70669	Океанология	3								19600	
70676	Онтогенез	3								15300	
70690	Палеонтологический журнал	4								16500	
70743	Паразитология	3								16400	
70701	Почвоведение	6								18600	
70740	Прикладная биохимия и микробиология	3								16800	
70773	Радиационная биология и радиэкология	3								15900	
70777	Радиохимия	3								21000	
70786	Растительные ресурсы	2								18600	
70783	Русская литература	2								28100	

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	Кол-во подписных экземпляров (впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы)						Всего заказано подписных комплектов на 1 ^{ое} полугодие (4+ 5 + 6 + 7 + 8 + 9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
71024	Российский физиологический журнал им. И. Сеченова	6								20200	
70981	Теоретические основы химической технологии	3								16800	
71003	Успехи современной биологии	3								15400	
71007	Успехи физиологических наук	2								16200	
71025	Физиология растений	3								19500	
71152	Физиология человека	3								16500	
71068	Химическая физика	6								14600	
71051	Химия высоких энергий	3								14800	
71052	Химия твердого топлива	3								15000	
71063	Цитология	6								18800	
71113	Электрохимия	6								17900	
71110	Энтомологическое обозрение	2								22400	
ВСЕГО заказано журналов на сумму: _____											(прописью)

НДС не облагается. Оплату гарантируем на расчетный счет ЗАО "Агентство подписки и розницы" в течение 5 банковских дней после получения счета-фактуры.

ДИРЕКТОР ОРГАНИЗАЦИИ

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР

М.П.

ВНИМАНИЕ: Оплата заказа производится только после получения счета от ЗАО "АПР". Издательство "Наука" не гарантирует исполнение подписных заказов на номера журналов, вышедшие из печати до получения настоящей Заявки, и вправе исключить эти номера из заявки. Отправка заказанных и оплаченных периодических изданий производится Агентством подписки и розницы в течение 10-ти дней со дня выхода издания из печати заказными отправлениями на адрес, указанный Организацией в настоящей заявке. Претензии по доставке периодических изданий направлять в АПР по адресу: 103009 Москва, Страстной бульвар дом 4, офис 94, тел. (095) 200 6951\6968, факс (095) 200 6757, e-mail catalog@apr.msk.su

Российская академия наук • Издательство “Наука”

Заявка индивидуального подписчика
на специальную адресную подписку на журналы Издательства “НАУКА” во 2-ом полугодии 1997 г.
с доставкой по почте через Агенство подписки и розницы (АПР)

Ф.И.О. (полностью) _____

Место работы и должность: _____

Полный почтовый адрес: _____

телефон: _____ e-mail _____

Индекс	Наименование журнала	на 1997 год по месяцам (отметьте крестиком)						кол-во компл- лектов	Итого сумма в рублях
		июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		
								1	
								1	
								1	
								1	
								1	
								1	

Заполните заявку (копию заявки, либо напишите в любой произвольной форме) и отправьте письмом в Издательство “Наука” по адресу: 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90, или по факсу (095) 420-22-20, 334-76-50. Информацию о ценах можно узнать в Заявках на специальную адресную подписку, разосланную в организации, или по телефону для справок: (095) 334-74-50, 200-69-51, 200-69-68

ВНИМАНИЕ: Оплата заказа производится через отделение банка или почтовым переводом только после получения подписчиком счета с банковскими реквизитами от ЗАО “Агентство подписки и розницы” (АПР) – официального распространителя изданий Издательства “НАУКА”. Адрес: “АПР”: 103009 Москва, Страстной бульвар дом 4, офис 94; тел. (095) 200 695 1\6968, факс (095) 200 6757, e-mail catalog@apr.msk.su

Уважаемые подписчики научной периодики Издательства "НАУКА"!

В последние годы наблюдается падение подписки на академические журналы. Суммарный сбор экспортных заказов на 1997 год сократился более чем вдвое по сравнению с 1996 годом. Проведенные исследования и контакты с зарубежными фирмами и торгующими организациями показывают, что это никак не связано с падением реального спроса на российские академические издания за рубежом. Напротив, наблюдается очевидное перераспределение заказов на академическую периодику в пользу различных организаций и частных лиц внутри России, занимающихся перепродажей изданий РАН зарубежным контрагентам в обход нашего Издательства.

Главной причиной, создающей благоприятную среду для подобных операций, служат ножицы внутренних и экспортных цен на нашу периодику. Это позволяет закупать подписку по сниженным ценам, действующим внутри России, и далее перепродавать ее за твердую валюту по экспортным тарифам. **Академия наук фактически дотирует из госбюджета частных лиц, не вкладывающих никаких средств в издание журналов.**

Руководством РАН принято решение о резком сокращении ценовых "ножниц" путем приведения занижавшихся ранее цен на подписку внутри России к уровню экспортных цен на научную периодику, начиная со II полугодия 1997 года. Одновременно РАН предоставляет российским академическим, библиотечным, вузовским, отраслевым научно-исследовательским организациям и учреждениям, их сотрудникам и аспирантам, **возможность подписки по специальным (сниженным) ценам.**

Индивидуальные подписчики этих учреждений и организаций смогут оформить подписку по сниженным ценам на наши издания в редакциях соответствующих журналов, либо непосредственно в Издательстве по предъявлении служебного удостоверения. Лица, желающие получать подписные издания прямо на свои почтовые адреса, или иногородние подписчики, смогут оформить подписку по специальным абонементом, формы которых будут разосланы по библиотечным, научным и учебным учреждениям. Индивидуальная подписка будет проводиться по принципу "Один специалист – одна подписка".

Коллективные подписчики (научные учреждения, библиотеки, вузы, докторантуры, аспирантуры, некоторые другие организации) должны для оформления подписки направить в Издательство "НАУКА" надлежаще оформленные бланк-заказы, формы которых также будут им разосланы.

При положительном рассмотрении Издательством полученных заявок оплата должна быть произведена через отделение банка или путем почтового перевода на основании полученного подписчиками счета ЗАО "Агентство подписки и розницы" (АПР) – официального распространителя изданий Издательства "НАУКА" по подписке внутри России.

Специализирующиеся на комплектовании научных и вузовских библиотек академические организации (БАН, БЕН, ИНИОН, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН и др.) смогут осуществить подписку, как и прежде, непосредственно в издательстве, предварительно согласовав с ним список пользующихся их услугами организаций и количество льготных подписок.

Более подробную информацию о новых условиях подписки по специальным (сниженным) ценам с соответствующими формами абонементов и бланк-заказов Издательство готово выслать по запросам, направляемым по адресу Издательства НАУКА: 117864, ГСП – 7 Москва, В – 485 Профсоюзная ул., 90, ком. 430 факсы – 334-76-50, 420-22-20.

Надеемся, что научная общественность с пониманием отнесется к предпринимаемым нами вынужденным шагам и что все, кто имеет право на специальную подписку, своевременно воспользуется им.

Некоторые трудности с оформлением специальной подписки носят временный характер. При ее последующем возобновлении лицам и организациям, однажды получившим право подписки по специальным ценам, достаточно будет лишь подтвердить свой заказ.